

Дорогие читатели!

Как Русский мир сможет гармонично войти в нарастающие процессы глобализации? Исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов считает, что следует использовать общемировые процессы себе на пользу: «Не нужно бояться глобализации. Ведь мы не относимся к слабым нациям, которым, чтобы сохранить собственную культуру, приходится изолироваться от внешнего мира. Это не наш путь. Нам, наоборот, нужно использовать все плюсы мирового объединения и нести свой цивилизационный посыл вовне».

В настоящее время Русскому миру прежде всего нужно разобраться с самим собой. Понять и принять, наконец, что мы отдельная цивилизация, непохожая на другие. У нас свой путь развития, своя культура, традиции, обычаи, значение которых нельзя принижать.

Вячеслав Никонов напоминает: «К сожалению, трагические события XX века разметали наших сограждан по всей планете. Мы многое и многих потеряли. Что и говорить, часто представители Русского мира не могут понять друг друга. Потомки эмигрантов в третьем-четвертом поколении уже не знают языка своих предков. Но и они идентифицируют себя с русскими. Это тоже большой резерв, о котором мы не должны забывать. Наша задача – по крупицам восстанавливать русскую цивилизацию, возвращать бывших соотечественников в сферу ее влияния. Сегодня русский язык все еще четвертый по использованию на планете. Но если мы не будем прилагать серьезных усилий для популяризации, ему угрожает перспектива стать пятым, шестым и т.д.

В последнее время наметились серьезные тенденции к воссоединению Русского мира, и мы должны всячески способствовать этому процессу. Тем более что зачастую понятие «русский» объединяет людей не по этническому, а по культурному принципу».

Мы надеемся, что очередной номер журнала, который вы держите в руках, внесет свой скромный вклад в это общее объединительное дело.

Редколлегия

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ
Людмила Алексеевна

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

АМВРОСИЙ
(ЕРМАКОВ Виталий Анатольевич)
Викарий Московской епархии, епископ Бронницкий

ИГНАТЕНКО
Виталий Никитич
Генеральный директор ИТАР-ТАСС

БОГДАНОВ
Сергей Игоревич
Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, декан филологического факультета СПбГУ

КОСТОМАРОВ
Виталий Григорьевич
Президент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

ДЗАСОХОВ
Александр Сергеевич
Член СФ РФ – представитель в СФ РФ от исполнительного органа власти Республики Северная Осетия–Алания

ЛАВРОВ
Сергей Викторович
Министр иностранных дел Российской Федерации

ДОБРОДЕЕВ
Олег Борисович
Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

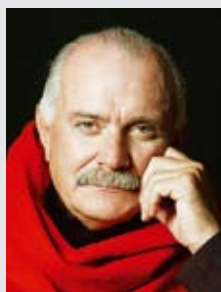
ЛИПСКЕРОВ
Дмитрий Михайлович
Писатель, ответственный секретарь Ассоциации учащейся молодежи Российского союза молодежи «Содружество»

МИТРОФАНОВА
Злеонора Валентиновна
 Руководитель Российского
 центра международного
 научного и культурного
 сотрудничества при МИД РФ

ПОЛЛЫЕВА
Джахан Реджеповна
 Помощник президента
 Российской Федерации

МИХАЛКОВ
Никита Сергеевич
 Президент Российского фонда
 культуры

ФУРСЕНКО
Андрей Александрович
 Министр образования
 и науки РФ

НАРОЧНИЦКАЯ
Наталья Алексеевна
 Руководитель Парижского
 института «Демократии
 и сотрудничества», президент
 фонда «Исторические
 перспективы»

ЮРКОВ
Евгений Ефимович
 Заместитель генерального
 секретаря Международной
 ассоциации преподавателей
 русского языка и литературы,
 заведующий кафедрой
 филологического факультета
 СПбГУ

Состав правления фонда «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич
 Исполнительный директор правления,
 президент фондов «Политика»,
 «Единство во имя России»

МОРГУНОВ Сергей Евдокимович
 Первый заместитель
 исполнительного директора
 правления фонда «Русский мир»

КАЛИНА
Исаак Иосифович
 Заместитель министра
 Минобрнауки РФ

ПРОКОФЬЕВ
Павел Алексеевич
 Заместитель директора департамента
 Генерального секретариата МИД РФ

ШАРКОВ
Анатолий Сергеевич
 Начальник департамента
 Референтуры Президента РФ

ФОНД РУССКИЙ МИР

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Анна Ахматова

РУССКИЙМИР.RU

Фонд «Русский мир»

**Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»**
Вячеслав НИКОНОВ

**Главный редактор, руководитель
информационно-издательского
управления**
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Заместители главного редактора:
Светлана БАБАЕВА
Евгений ВЕРЛИН

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:
Михаил БЫКОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Людмила ЛУНИНА
Вера МЕДВЕДЕВА
Зоя МОЗАЛЕВА
Александр НАУМОВ
Елена ЧЕРЕМНЫХ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-
полиграфический центр
«Гламур-Принт»

Отпечатано в типографии
ЗАО «ТДДС-Столица-8»

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40
Телефон: (495) 981-56-80
Электронный адрес:
info@ruskiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Фото на обложке:
РИА «НОВОСТИ», ИТАР-ТАСС,
А. МОРОЗОВ,
ФОТОВАНК/ GETTY IMAGES,
ИЗ АРХИВА А. МИРОНОВА,
ПРЕДОСТАВЛЕНО
М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РЕМБРАНДТ В ПОГОНАХ

страница 80

В НОМЕРЕ

НОВОСТИ

6

УШЕЛ ОБЪЕДИНИТЕЛЬ
ВЗАИМНЫЙ ИНТЕРЕС

«РУССКИЙ МИР» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ТВОРЧЕСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С ПРАВДОЙ И КРАСОТОЙ

ДИАСПОРА

12

«ЛЕ РЮС БЛАН» В ТУНИСЕ

ИСТОРИЯ

22

ЛИНИИ НА ЛЬДУ, ИЛИ ИСТОРИЯ,
НАПИСАННАЯ КОНЬКАМИ

28

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК,
ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

СИТУАЦИИ

36

СПАСИ КНИГИ
ОТ ЛЮДСКОЙ ГЛУПОСТИ

40

«НАМ НЕ ХОЧЕТСЯ ТЕРЯТЬ
РУССКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

42

КАКУЮ ДОРОГУ БУДЕМ
МОСТИТЬ БЛАГИМИ
НАМЕРЕНИЯМИ?

НАСЛЕДИЕ

48

ОСЕННИЙ СОН
О ПРИДУМАННОМ СЫНЕ

52

ПРОСТРАНСТВО ЖИВОПИСИ
РУССКОГО АВАНГАРДА

58

ФЕНОМЕН РУССКОГО
ПАЛОМНИЧЕСТВА

64

ЖИЗНЬ ПОБЕДИТ

КУЛЬТУРА

70

ОШИБОЧКА ВЫШЛА

76

РУССКИЕ СЕЗОНЫ И НОВЫЕ ИМЕНА

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

80

РЕМБРАНДТ В ПОГОНАХ

84

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

РУССКИЙ ЯЗЫК

90

ЗАГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ

МЕТАМОРФОЗЫ

96

АБРАКАДАБРА. КАТОРГА. САРАЦИН

ЗАБЫТЬ ОБИДЫ

Уважаемые дамы и господа!

Позвольте сказать пару слов по поводу статьи от 12 марта 2008 года «Глобализация Русского мира». С чувством горечи и счастья читала эти строки. У русских, живущих на Западе (уехала я в Австрию к своему австрийскому мужу почти четверть века назад), свое и, надо сказать, очень разноречивое отношение к России. Обид на нее много, а обиды, когда человек не в состоянии подняться над личным, тоже нередко заставляют распространять небылицы.

Многие понимают: если хочешь чего-нибудь добиться на Западе, ты должен лить воду на здешние мельницы. Среди моих знакомых русских эмигрантов много таких, которые сознательно распространяют всевозможные выдумки. Например, бывший военный переводчик, двадцать лет проработавший в ГДР, может рассказывать сказки о своих муках в Сибири, где он заболел цингой (так он именует свой пародонтоз), в надежде получить деньги на зубные протезы.

Когда меня спрашивают на Западе, часто ли я, как русская, вынуждена терпеть оскорбления от местных националистов, я отвечаю, что меня, как русскую, оскорбить невозможно, ведь я отношусь к большому народу. (Отношусь я к нему, впрочем, этнически лишь частично, в моих жилах намешан гремучий коктейль, но в культурном отношении семья наша была истинно русской.)

Что бы сейчас западные СМИ ни писали о последних российских выборах, я, как мать и взрослый человек, для которого благо «детей» важнее мелочных обид «за попорченную демократию», знаю одно: стабильность для России важнее всего. Правительство Путина в свое время приняло вконец разрушенную и униженную страну. Сегодня Россия не только возвращает себе растерянное духовное богатство (чему, конечно же, способствует и поступательное укрепление экономической стабильности), она совершает еще одно великое дело, собирая под защиту и свое крыло «блудных» сыновей и дочерей.

Когда-то на заре гласности и перестройки прочла в газете такой заголовок: «Шпион, которого предала родина». Он запомнился мне на всю жизнь. Действительно, как часто родина (впрочем, только Россия!) напоминает собой Хроноса, пожирающего своих детей. Сегодня, однако, эта наша родина совершает великое и беспрецедентное дело: она признает свои ошибки и стремится их исправлять, подавая таким образом неоценимый пример своим детям. Она превращается в настоящую защищающую мать.

Признаюсь: люди, то и дело меняющие свои взгляды, вызывают у меня отвращение, но те, которые своих взглядов никогда не меняют, — страх. Время от времени пересматривать свои взгляды в стремлении что-то менять в собственных действиях — это признак большой ответственности за тех и за то, что тебе вверено.

Диана Видра, Вена

УШЕЛ

Он родился на территории нынешней Словакии, жил и умер в Соединенных Штатах, а чтут его во всем православном мире. Первоиерарх Русской православной церкви за границей митрополит Лавр скончался 16 марта в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, штат Нью-Йорк, США. Он войдет в историю как человек, воссоединивший две церкви, разъединенные революцией и всеми последующими событиями советской истории.

Митрополит Лавр (в миру Василий Шкурла) родился в 1928 году в селе Ладомирово (ныне Словакия). По национальности будущий митрополит Лавр был русином (карпатороссом) — представителем небольшого славянского народа, исторически жившего в пределах Австро-Венгрии. В 1946 году, когда в Чехословакию пришла Красная армия, эвакуировался вместе с монастырем в США.

Он был избран первоиерархом РПЦЗ на соборе осенью 2001 года. О Лавре рассказывали как о человеке, вообще не умевшем произносить высокопарные речи, все отмечают, что говорил он всегда тихим голосом, а в монастыре делал каждодневную работу наравне с остальными.

Его называли «самым авторитетным иерархом Русского зарубежья». Именно он ратовал всегда за объединение церквей. В 1990-е годы он совершил несколько тайных поездок в Россию, умоляя своего помощника о том, чтобы тот не назвал его где-нибудь случайно «владыкой». Он хотел посмотреть, как живет православным в новой России. Когда в 2001 году он был избран митрополитом, то сразу сказал: «Необходимо русским православным людям и вообще православным людям быть едиными духом и делом».

Однако объединению церквей предшествовал весьма жесткий период конфронтации, да и в ходе подготовки решения находилось много противников, которые полагали, что делается это под давлением и по требованию новых светских властей России, особенно после известной встречи Путина с иерархами РПЦЗ. В 2003 году президент Путин передал митрополиту Лавру приглашение посетить Москву. Через несколько месяцев состоялся первый официальный визит представителей РПЦЗ, затем начались долгие переговоры.

17 мая 2007 года в московском храме Христа Спасителя был подписан акт о единстве православной церкви в России и Зарубежье, тем самым был положен конец, по сути, 90-летию раз-

ОБЪЕДИНИТЕЛЬ

ИТАР-ТАСС

деления православных – наших людей... На церемонии митрополит Лавр пожелал, чтобы «узы братства никто и никогда больше не разрушил». Путин, который присутствовал на церемонии, назвал восстановление единства «событием поистине всенародного исторического масштаба».

После подписания документа Русская зарубежная церковь становится частью Московского патриархата, однако сохраняет широкую автономию.

Многие и в России, и в США полагают, что противники объединения церковью воспользуются кончиной Лавра и попытаются все же остановить процесс. Но, говорят и священники, и миряне, раскола уже не будет. После кончины митрополита никаких радикальных изменений в процессе объединения двух церковей не произойдет. Хотя не все общины приняли решение о воссоединении (в частности, часть общин Южной и Северной Америки сочла, что РПЦ слишком близко «примыкает» к официальным светским властям России), а смерть Лавра брожение умов может активизировать, «расколь-

ников» все же значительное меньшинство. О них скорбят, но на общем векторе это не скажется, поскольку объединение поддерживает большинство и духовенства, и мирян. Кстати, многие полагают, что процесс объединения будет зависеть в том числе и от того, что станет происходить и в самом Московском патриархате.

...Он ушел в Великий пост, что придало ему еще больший авторитет в глазах и священников, и мирян. У монахов, как говорят специалисты, кончине придается особое значение: святость оценивают не только по жизни, но и по смерти монаха. Смерть Лавра была достойна его жизни – он ушел тихо, ночью, во сне.

Незадолго до кончины на одной из встреч митрополит Лавр сказал: «Русская православная церковь объединилась на костях новых мучеников и исповедников, пострадавших в годы безбожных гонений... Главное наше дело... проповедовать веру, мужество, крепость и терпение наших мучеников, которые заложили семя в душу, дух нашего народа, приносящего ныне плоды духовного возрождения».

Когда этот номер «РусскогоМира.ru» выйдет, уже пройдет Архиерейский Синод, который обсудит процедуры, связанные с созывом Собора. Именно там должны будут избрать нового главу РПЦЗ. Предварительно обсуждалось, что Собор может пройти либо в пасхальный период (то есть после 27 апреля), либо в день празднования Троицы (середина июня).

Временным главой РПЦЗ по смерти Лавра стал его первый заместитель, архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский Иларион (Капрал). Его же называют и наиболее вероятным преемником. В РПЦЗ говорят, что сам Лавр предлагал владыку Илариона еще семь лет назад, но Собор избрал митрополита Лавра. Илариона считают одним из наиболее авторитетных людей в РПЦЗ и ближайшим сторонником владыки Лавра.

Согласно Акту о каноническом общении, подписанному Патриархом Алексием Вторым и митрополитом Лавром 17 мая 2007 года, после избрания кандидатура первоиерарха РПЦЗ должна будет утверждена Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом. В настоящее время РПЦЗ насчитывает более 300 приходов, расположенных в основном в США, Канаде, Австралии, Германии. ■

Вероника ИВАНОВА

С использованием материалов
РИА «Новости» и сайта «Патриархия.ru»

ВЗАИМНЫЙ ИНТЕРЕС

Ведущих политологов и ряд видных политиков двух стран собрала российско-японская конференция, состоявшаяся в Москве 18–19 марта под эгидой фондов «Русский мир» и «Единство во имя России». Тема традиционного ежегодного мозгового штурма (начало этим встречам было положено академиками Г. Арбатовым и Н. Иноземцевым 35 лет назад!) на этот раз была сформулирована так: «За новые российско-японские отношения: диалог экспертов–2008».

С российской стороны в конференции участвовали академик Александр Дынкин, директор Института стратегических исследований (РИСИ) Евгений Кожокин, управляющий директор ИК «Тройка Диалог» Евгений Гавриленков, исполнительный директор Московского фонда Карнеги Дмитрий Тренин, член Общественной палаты Андраник Мигранян, журналист Виталий Третьяков, депутат Госдумы РФ Сергей Марков.

Не менее представительным был состав японской делегации. Помимо посла Японии в РФ Ясую Сайто, прибывшего в сопровождении десяти дипломатов, в нее входили депутаты японского парламента Юрико Коикэ (экс-министр обороны, бывший министр окружающей среды и бывший министр по делам Окинавы и Севера Японии), Сеидзи Маэхара (зам. главы Демократической партии) и Асахио Михара (зав. международным отделом Либерально-демократической партии). Из экспертов выделялся сопредседатель «АНПОКЭН», генеральный директор Японской ассоциации по изучению России и Восточной Европы 64-летний Сигэки Хакамада (брат Ирины Хакамады).

Наболевшая проблема «северных территорий» на конференции затрагивалась, однако не была отправной точкой диалога. По предложению исполнительного директора фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова акцент был сделан на взаимных интересах и перспективах развития отношений. Обе стороны подчеркивали огромный потенциал

экономического и научно-технического развития, ту роль, которую Япония способна сыграть в подъеме Дальнего Востока и Восточной Сибири. Гости не единожды отмечали ключевую роль России в диверсификации источников получения энергоресурсов для Японии. А российские эксперты сходились в том, что Япония могла бы играть более важную роль в переходе российской экономики на путь инновационного развития. В то же время российские эксперты указали на бесперспективность попыток Токио увязать решение территориальной проблемы с предоставлением инвестиций и высоких технологий российской стороне.

Много внимания участники конференции уделили развитию культурных и гуманитарных связей. Более энергичные усилия в этой области, отметил глава фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, способны привести к оздоровлению двусторонних отношений, способствовать росту взаимопонимания и решению застарелых проблем. С этим полностью согласился Сигэки Хакамада, отметив, что в ситуации, когда в политических отношениях между Японией и Россией нет подлинного доверия, культурное сотрудничество особенно важно. Тем более что, сказал он, «наши культурные связи глубже, чем можно себе представить... российский и японский народ изучали культуру друг друга с поразительным энтузиазмом». В России переведены на русский язык почти все классические произведения средневековой японской литературы, россияне проявляют живой интерес к японскому искусству икебаны и к чайной церемонии, популярны карате и дзюдо. В Японии же миллионы людей любят и знают классическую русскую литературу. На японский переведены собрания сочинений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, произведения других русских классиков. Огромной популярностью пользуется в Японии русская классическая музыка. Между тем, посетовал председатель науч-

но-исследовательского института «Евразия 21» Тадамаса Фукиура, в последние десятилетия в Японии резко уменьшилось число учащихся старших школ и студентов вузов, изучающих русский язык. Как результат, возникла нехватка переводчиков с японского на русский язык и наоборот, что уже стало проблемой в развитии двусторонних отношений. Задача, стоящая перед правительствами России и Японии, сказал эксперт, переломить тенденцию к ослаблению культурных связей и обеспечить их ускоренное развитие.

Участники конференции выразили обеспокоенность результатами недавнего опроса общественного мнения, согласно которым только 15% япон-

цев «испытывают симпатию» к России, в то время как свыше 80% – настроены по отношению к нашей стране негативно. Несмотря на это, интерес к русской культуре не ослабевает. Например, в Японии вот уже два года списки переводных бестселлеров возглавляет роман «Братья Карамазовы»: тираж книги достиг 640 тыс. экз.

Закрывая конференцию, заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Владимир Кочин сообщил, что в ближайшее время фонд планирует открыть Русский центр в городе Хакодате (о. Хоккайдо), это, несомненно, внесет вклад в развитие культурных связей между Россией и Японией. ■

Евгений ВЕРЛИН, Наталья ЕВТИХЕВИЧ

«РУССКИЙ МИР» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В Дальневосточном государственном университете 18–20 марта состоялась III Международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР», посвященная 90-летию высшего филологического образования на Дальнем Востоке России.

Основным моментом торжественного открытия конференции стала презентация Дальневосточного филиала фонда «Русский мир».

Директор российских программ фонда Светлана Щербакова вручила ректору Дальневосточного государственного университета Владимиру Курилову комплект документов с решением прав-

ления фонда о создании Дальневосточного филиала. В своем выступлении она отметила, что образовательная и просветительская деятельность, направленная на сохранение русского языка, исторического и культурного наследия России, станет основной целью работы филиала. Создавая Дальневосточный филиал, фонд планирует оказывать содействие программам изучения русского языка в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, продвигать российские образовательные услуги, поддерживать русскоязычные средства массовой информации, содействовать развитию гуманитарных связей со странами-соседями. ■

Евгений ВЕРЛИН

ТВОРЧЕСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С ПРАВДОЙ И КРАСОТОЙ

PHOTOXPRESS

В Малом зале Консерватории музыканты одного из лучших камерных фестивалей Москвы – «Возвращение» – дали концерт памяти Альфреда Шнитке (1934–1998). К редкостно красивой музыке последнего из наших композиторов-классиков публику приобщили 30-летний скрипач Роман Минц, пианистка Екатерина Алекишева (прилетела по этому случаю из Лондона) и их друзья по поколению.

В программе из произведений разных лет фортепиано сменялось клавиесином, а скрипка – мيراжными вибрациями маримбы и звоном колокола. Вечность и сиюминутность, погружение в музыку без потери самого себя, музей раритетных звуков, философия созерцания чувств – таков Шнитке сегодня.

Десять лет, прошедших после смерти композитора, счистили с его нот социальную остроту и болезненность, столь ценимые современниками их создания и их «виновниками», – если говорить о звездных первых исполнителях, таких как Гидон Кремер и Татьяна Гринденко, Юрий Башмет и Наталия Гутман.

Закономерно, что современный слух, свободный от «облучения временем» (выражение В.Н. Холоповой), теперь ищет и находит у Шнитке тот запас художественного здоровья, который раньше одни принимали за изломанность и непостоянство стиля, другие – за дань авангардным техникам либо старинным модам.

В последней трети XX века Шнитке оказался в одном лице гонимым и превозносимым, искушенным и святым. Диссиденты считывали у него каталог запрещенных приемов – от заимствований до китча – и радовались обличительному пафосу его музыки. Апологеты искренне наслаждались его диссонантностью к миру и слышали душевное созвучие себе. В смысловых зигзагах его лексики исполнители находили панораму мировой культуры и приобщались к ней.

Гете и Вивальди, Бетховен и Малер вбежали в опусы Шнитке тенью европейской традиции. И не только они. Истовость античной трагедии внезапно озарила страну, только начинавшую свое массовое знакомство с Воландом и едва догадывающуюся о библейском происхождении Мастера.

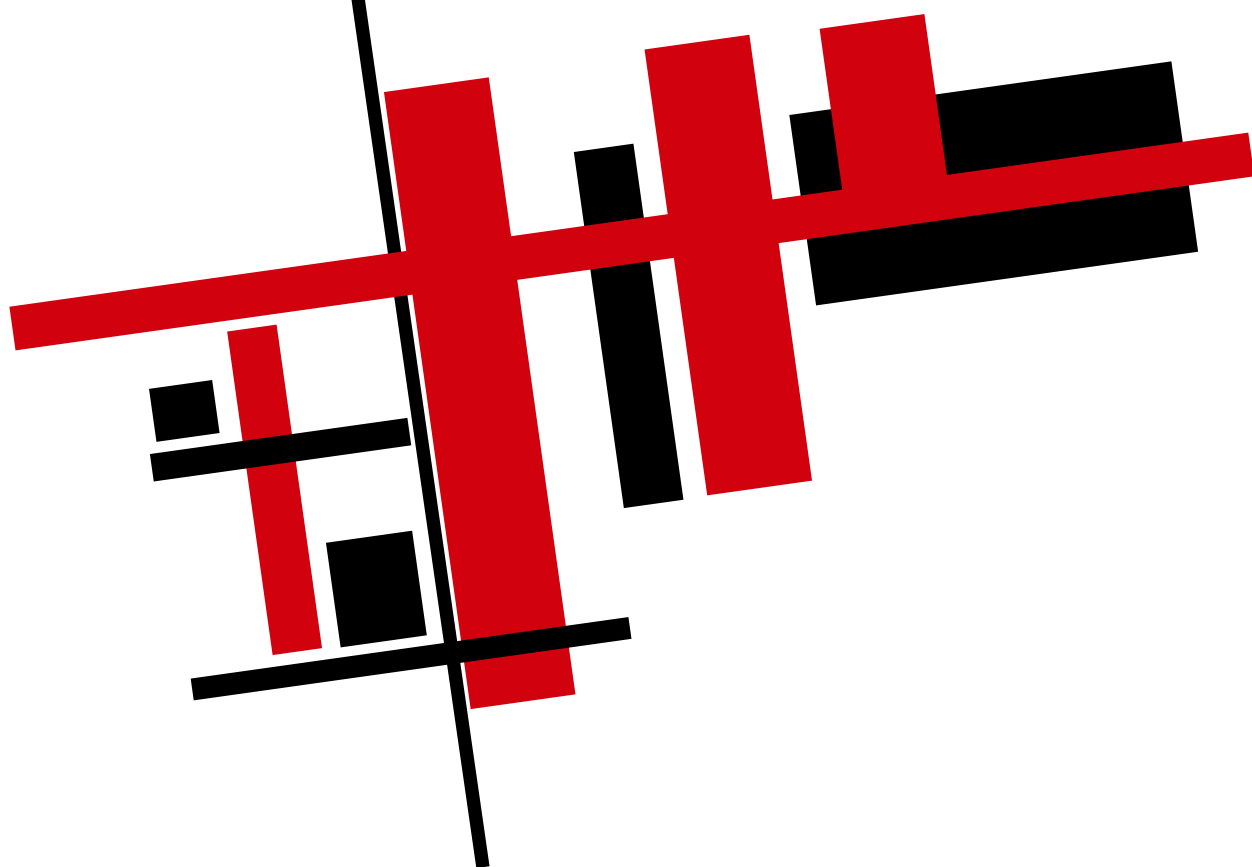
Мастерство Шнитке, как видно сейчас, заключалось, с одной стороны, в ненасытности его влечения к образам мировой культуры, с другой – в даре не замечать воспаленной потребности общества в нем. Кумир по статусу, в бытии он держался почти отшельником. Тихий голос, шелестящая интонация, человеческая любезность на встречах со студентами Консерватории и отрешенность в кулуарах Дома композитора. Что совсем не вязалось с масштабностью имени и шумихой вокруг его произведений.

Он понимал: совсем не обязательно зависеть от самых похвальных слов и от самых престижных заказов, когда живешь слухом и чувствуешь звуками. Спасительная самодостаточность в профессии и в жизни дали ему насладиться прижизненной славой, не лишив уникального слышания времени в себе и себя во времени. Такое открывается лишь избранным. Тем, чье творчество сопряжено с правдой, совестью, красотой.

Елена ЧЕРЕМНЫХ

ДИАСПОРА

РусскийМир.ru

«ЛЕ РЮС БЛАН» В ТУНИСЕ

ИТАР-ТАСС

Сегодня в сознании большинства наших соотечественников Тунис – это курортный отдых, море, финики, а еще древний Карфаген, который, как и требовал Марк Порций Катон, все же оказался разрушен. И мало кто знает, что Россию с этой небольшой североафриканской страной связывают особые исторические узы

Александр НАУМОВ*

Первым россиянином, посетившим (с тайной разведывательной миссией) эту провинцию Османской империи, стал в 1776 году русский путешественник, писатель и морской офицер, участник легендарной Чесменской битвы Матвей Григорьевич Коковцов. Пробыв на севере Африки под видом русского купеческого поверенного и французского туриста несколько лет, Коковцов возвратился в Россию, где издал путевые записки под названием «Описание Архипелага и Варварийского берега... с присовокуплением древней истории...»¹. Так в России узнали о Тунисе.

В конце XIX века в Тунис, ставший колонией Франции, начали заходить русские военные корабли. В октябре 1897 года тунисский порт Бизерта посетил крейсер Императорского флота «Вестник». Еще через три года ситуация повторилась, и на рейде Бизерты встал на якорь российский броненосец «Александр II».

Эпизодические визиты в Тунис, несмотря на теплые русско-французские отношения, не могли привести к созданию здесь многочисленной русской колонии; в дореволюционные годы русских в Тунисе насчитывалось не более сотни человек. Однако в начале 1920-х годов численность русской диаспоры в Тунисе внезапно выросла более чем в шестьдесят раз.

...Осенью 1920 года в России подходила к концу Гражданская война. Лишь Крым оставался последним бастионом Белого движения. Однако в начале ноября красноармейцы под командованием

М.В. Фрунзе при поддержке отрядов Махно сумели прорвать оборону и начать наступление вглубь полуострова.

Шансов у белой армии барона П.Н. Врангеля не было, и белый генерал отдал приказ об эвакуации армии и флота из Крыма. Основная нагрузка по эвакуации и размещению многочисленных беженцев легла на Францию, которая подписала с правительством Врангеля конвенцию о приеме под свое покровительство армии, флота и сторонников генерала взамен на доходы от продажи военного и гражданского флота².

6 ноября 1920 года министр военно-морского флота Франции телеграфировал командующему французской эскадрой на Ближнем Востоке де Бону: «Помогайте Врангелю защищать Крым... В случае ухудшения обстановки и эвакуации обеспечьте эвакуацию иностранных миссий и русских, особенно скомпрометировавших себя перед большевиками. Используйте русские военные корабли или французские торговые суда. Обеспечьте эвакуацию всех боеспособных кораблей и сосредоточьтесь в Константинополе»³.

За несколько дней более сотни судов, взяв курс на турецкую столицу, увезли в изгнание почти 150 тыс. человек. Эвакуация больше походила на бегство. «Пассажиры всех кораблей страдали от морской качки, тесноты, антисанитарии, от недостатка пищи, вся эта эскадра не была построена для такого количества пассажиров», – вспоминал очевидец тех событий Г.Л. Языков (он приходился правнуком замечательному русскому поэту XIX века Николаю Михайловичу Языкову. – **Прим. ред.**)⁴.

12 ноября 1920 года высокий представитель Франции в Константинополе де Франс сообщил последние известия: «...положение Врангеля отчаянное. Севастополь может быть взят за 48 часов. Врангель предложил свой военный и торговый флот на покрытие расходов эвакуации»⁵.

Большая часть бывшей сухопутной белой армии обосновалась на греческой, болгарской и югославской земле, а затем рассеялась по миру. Судьба русского флота сложилась иначе. 1 декабря 1920 года французское правительство, памятуя об обещании Врангелю, взяло русские корабли под свою опеку⁶.

Уже 8 декабря 1920 года первые русские корабли начали покидать Константинополь, взяв курс на французскую военно-морскую базу в тунисской Бизерте. В середине февраля 1921 года прибыла вся эскадра – 33 корабля, имевшие на борту почти 6 тыс. человек, в том числе эвакуированный из Севастополя в полном составе Морской кадетский корпус, бросили якорь в военной гавани Сиди-Аб-Далла близ Бизерты.

Так в Тунисе появилась русская диаспора. Из доклада представителя русского Красного Креста П.П. Перфильева, побывавшего в Бизерте летом 1921 года, ясно, что по своему составу контингент эскадры не был исключительно военным. Наполовину он состоял из крестьян, казаков и рабочих; остальные – это офицеры флота, члены их семей.

По поручению французского правительства эскадру встречал лично маршал А. Петен – герой

ФОТОBANK/GETTY IMAGES

■ Сегодня Тунис – место паломничества туристов, а некогда это было убежище для остатков Белой гвардии

Первой мировой войны, «победитель Вердена». Местные власти тем не менее приняли эскадру холодно. Уже 23 декабря 1920 года одна из крупнейших газет того времени, «Тюнизи фрэнсэз», в статье под заголовком «Русские Врангеля в Бизерте» писала: «...кто эти люди, мы не знаем. Среди них, возможно, есть элементы, особо опасные тем, что в состоянии спровоцировать столкновения с нашими войсками... Мы рекомендуем всем торговцам в Бизерте относиться к русским с осторожностью – какой валютой собираются оплачивать они свои покупки?.. Можно и не проповедовать большевистские взгляды, чтобы увидеть, с какой наивностью французское правительство выбросило миллиарды франков, снабжая генералов и их так называемые контрреволюционные войска всем необходимым, а эти генералы и эти войска фактически нигде не устояли против красных армий... Надо бы отправить их отсюда напрямик в Алжир»⁷.

О реакции разных слоев тунисского общества на прибытие эскадры пишет в своих воспоминаниях и участница событий Анастасия Александровна Ширинская-Манштейн – дочь одного из командиров русских кораблей. По ее словам, местная еврейская община вспомнила, что «Врангель имел репутацию антисемита, социалисты видели в эмигрантах штрейкбрехеров, рабочие организации и туземное население протестовали без всякого

милосердия против возможных конкурентов»⁸. После прохождения карантина всем желающим было предложено списаться на берег.

Французские власти начали подготовку к размещению лагерей беженцев. Всего было организовано семь таких пунктов, в том числе в Бизерте, Табарке, Монастире, в которых разместилось около тысячи человек. Положение русских в этих лагерях описывает один из преподавателей Морского корпуса, Николай Кнорринг, семья которого проживала в лагере Сфаят: «Положение беженцев, сбитых в кучу, хотя и сытых, благодаря заботливости французов, было незавидным в моральном отношении: не было работы, все сидели без дела и скучали... Многие томились в этой обстановке непривычного безделья»⁹.

Гораздо насыщеннее была жизнь людей, связанных с Морским кадетским корпусом, организованным в 1921 году при поддержке французских властей в трех километрах от Бизерты, в старом французском форте на горе Эль-Кебир. По словам того же Кнорринга, они «имели свое дело, причем национальное, которое давало возможность служить России даже на чужбине». В своем роде это учебное заведение было абсолютно уникальным. Ему удалось сохранить традиции русской военно-морской школы и дать воспитанникам, многие из

EAST-NEWS/MASTERFILE

■ В свое время русские иммигранты сумели вписаться в тунисский рынок, но сегодня об их влиянии говорить не приходится

которых оказались сиротами, прекрасное образование. В 1925 году после установления дипломатических отношений между СССР и Францией корпус окончили последние две кадетские роты, набранные уже в Бизерте. Триста выпускников Морского корпуса в Бизерте получили возможность продолжить образование во Франции, Чехии, Бельгии, Югославии¹⁰.

Не все из многочисленной русской колонии смогли связать свою судьбу с Морским кадетским корпусом. Надо было как-то устраивать свою жизнь – началось рассеивание русской диаспоры по стране. Французские власти старались помочь русским поскорее найти работу. Например, для этого при управлении полиции Бизерты специально для русских было открыто Бюро труда. Правда, французы установили довольно жесткие правила: беженец, нашедший работу, получал паспорт для проживания в стране, но навсегда исключался из списков лиц, состоящих на иждивении французского правительства, и не имел права возвратиться в лагерь, даже если он очень скоро эту работу терял¹¹.

Многие русские, не сумевшие адаптироваться к сложным условиям жизни в Тунисе, начали покидать страну. В основном уезжали те, у кого были родственники в США, Европе или Австралии. Большое

число русских из Туниса устремилось во Францию, так как это была единственная страна, признавшая правительство Врангеля. К тому же в 1924 году французские власти предоставили право бесплатного проезда всем русским беженцам, пожелавшим покинуть Тунис в направлении Франции.

Число русских, остававшихся в Тунисе, начало стремительно сокращаться. В большей степени новая волна эмиграции касалась гражданского населения, офицеры и матросы оставались верными присяге и не могли оставить корабли без соответствующего приказа. Четыре с половиной года военные моряки и члены их семей жили непосредственно на кораблях, стоявших в бизертской бухте. Такое положение дел продолжалось вплоть до середины осени 1924 года.

28 октября 1924 года Франция признала Советский Союз. Французский морской префект в Тунисе адмирал Эксельманс лично объявил об этом собравшимся на эскадренном миноносце «Дерзкий» офицерам и гардемаринам. Бывший начальник штаба Русской эскадры в Бизерте контр-адмирал А.И. Тихменев так описал этот поистине драматический момент: «В далекой Бизерте, в Северной Африке, где нашли себе приют остатки Российского императорского флота, не только у моряков,

ИТАР-ТАСС

■ Эль-Джем. Римский амфитеатр

но и у всех русских людей дрогнуло сердце, когда в 17 часов 25 минут 29 октября 1924 года раздалась последняя команда: «На Флаг и Гюйс» и спустя одну минуту – «Флаг и Гюйс спустить». Тихо спускались флаги с изображением креста Святого Андрея Первозванного, символ Флота, нет – символ былой, почти 250-летней славы и величия России»¹². Так Русская эскадра прекратила свое существование, все россияне были вынуждены сойти на берег.

В декабре 1924 года в Тунис для осмотра кораблей и решения вопроса об их дальнейшей участи прибыла советско-французская комиссия. С советской стороны ее возглавляли академик А.Н. Крылов и советский военно-морской атташе в Великобритании и Франции Е.А. Беренс (для последнего эта миссия была особенно сложной, так как командиром бизертской эскадры был его родной брат, контр-адмирал М.А. Беренс). В результате переговоров между французскими и советскими официальными лицами было достигнуто предварительное соглашение о передаче кораблей Советскому Союзу.

Однако когда пришло время реализовать договоренности, в дело вмешалась большая политика.

Во-первых, суда нуждались в серьезном ремонте, а французы категорически отказались брать на себя ответственность за их техническое состояние. Во-вторых, во франко-советских отношениях остро стояла проблема возвращения царских долгов, которые составляли 125 млрд франков. Еще на Генуэзской конференции весной 1922 года Русская эскадра впервые оказалась в центре внимания всей Европы, когда в ответ на вопрос Англии и Франции о царских долгах советская делегация выдвинула требование возратить флот. Тогда проблему взаимных претензий решить не удалось. Наконец, едва ли не главным препятствием для возвращения русских кораблей на родину стала боязнь западных держав усиления советского флота за счет бизертских кораблей.

Проблема эскадры приобрела общеевропейский масштаб. Не осталась в стороне даже Лига Наций, где развернулась острая дискуссия по этому поводу. В итоге общий политический настрой в Европе послужил основной причиной отказа от плана возвращения российских кораблей в СССР¹³.

Корабли остались в Бизерте. В 1930 году французы приступили к демонтажу пришедших в полную негодность уже немногочисленных русских судов. Простояв в тунисском порту еще примерно шесть лет, остатки Русской эскадры были проданы на металлолом.

Так в истории последней эскадры Российского императорского флота была поставлена точка. Тогда же обозначился своеобразный рубеж в истории русской диаспоры в Тунисе. Четыре года, от прибытия первых кораблей в самом конце 1920 года и вплоть до ликвидации Русской эскадры в году 1924-м, представляют собой целый этап в жизни русской колонии в Тунисе. Это был совершенно особый, довольно замкнутый мир, со своей жизнью, своими ожиданиями, своими надеждами, объединенный вокруг эскадры, лагерей для беженцев и Морского корпуса. Многим русским белоэмигрантам тогда пришлось принимать непростое решение: либо остаться в Бизерте, либо уехать к родственникам, рассеянным по всему миру, или просто попытать счастья где-то на другом конце света.

После спуска Андреевского флага в 1924 году начался новый период в жизни русской диаспоры в Тунисе. Здесь, на южном берегу Средиземного моря, осталось менее тысячи русских белоэмигрантов, которые решили связать свою жизнь и жизнь своих детей с этой далекой от России, но уже ставшей им родной африканской страной...

Жизнь после Русской эскадры

1924 год – год расформирования Русской эскадры – принес большие изменения в жизнь русской диаспоры в Тунисе. К этому времени здесь оставалось не более 700 русских, из них 149 человек – в Бизерте¹⁴. Значительную часть этих людей составляли женщины, старики и дети; многие белоэмигранты нуждались в медицинской помощи.

Все, кто был трудоспособен, пытались изо всех сил найти работу и брались за любое дело. Рус-

ские эмигранты нанимались в батраки, работали в сельском хозяйстве, строительстве, участвовали в общественных работах. Причем благодаря высокому уровню образования французы предпочитали русских арабам.

Зачастую русским беженцам приходилось отправляться работать в самые отдаленные местности Туниса, куда отказывались ехать даже работники из местного населения. «Если вы путешествуете по Тунисии, – сообщалось во французском справочнике того времени, – и в какой-нибудь пустынной местности увидите палатки, то лучше, подходя к этим палаткам, знать несколько слов по-русски, так как там, скорее всего, окажется именно русский. Они приспособляются ко всему»¹⁵.

Несколько лучше устраивались русские беженцы, работающие в морском ведомстве, аптеках, кондитерских, на электростанциях, кассирами или счетоводами в бюро. Но и эти работы оплачивались очень скромно; много лучше зарабатывали русские музыканты, которые давали частные уроки, играли в оркестре в немом кинематографе или на балах. Некоторым даже удавалось организовать небольшой частный бизнес. Также с конца 1920-х годов хорошо устраивались врачи, получившие разрешение на частную практику у французских властей. Например, самыми известными стоматологами в Бизерте были С.И. Запольская (до сих пор в одном из фешенебельных пригородов Бизерты одна из вилл принадлежит семье Запольских, проживающих ныне во Франции) и Е.Н. Хомиченко. Жены офицеров и матросов работали кассиршами и билетершами, преподавателями музыки и модистками, но чаще всего – домработницами или нянями в семьях зажиточных французов¹⁶.

Что касается местного арабского населения, то изначально русские пришельцы были им восприняты как совершенно чужие, но постепенно к ним привыкли, настороженность пропала, арабы подчеркивали присущую основной массе русских эмигрантов интеллигентность и образованность. Эмигрантская газета «Русская мысль» тогда писала: «Нужно отметить, что очень быстро после своего появления в Тунисе русские эмигранты завоевали самое дружественное отношение со стороны туземного населения и пользуются и поныне в стране большим уважением». Местные жители стали называть русских «ле рюс блан» (les russes blanc), справедливо полагая, что они являются представителями именно «белой» части России, которая после 1917 года разделилась на два непримиримых лагеря. Кстати, это определение сохранилось в Тунисе и в наши дни, однако сегодня мало уже кто помнит его происхождение.

Со временем в среде русской диаспоры в Тунисе возникла потребность в организационном оформлении. Так как большинство русских устроились в столице, именно там был создан Русский клуб, которым заведовал созданный здесь же «Союз русских ветеранов». В тунисской столице во многом благодаря музыкальным и артистическим способностям эмигрантов проходила довольно оживлен-

ИТАР-ТАСС

■ Медина – древняя часть города Сусса

ная культурная жизнь; в центре Туниса была открыта балетная школа бывших танцоров балета Большого театра, Футлина и Дебольской, которая просуществовала более полувека. Одним из главных светских событий для столичной публики был ежегодный бал, который давался «Союзом русских ветеранов». Кроме того, лауреат Санкт-Петербургской консерватории и бывший дирижер императорской капеллы И.М. Шадрин самостоятельно сформировал хор в сорок певцов и ездил с концертами по всей стране, причем успех выступлений был огромен, а залы не вмещали всех желающих¹⁷.

Но главным стержнем, вокруг которого группировалась русская колония в Тунисе, было, конечно, православие. Еще в 1921 году на кораблях Русской эскадры в Бизерту прибыли тринадцать православных священников. Наиболее выделялся среди них отец Георгий Спасский, который, согласно французским архивам, уже с 1921 года начал переписку с властями Франции о создании в Тунисе русского православного прихода¹⁸.

Первое время церковные службы проходили на специально оборудованной для этих целей палу-

■ Русский православный храм Воскресения Христова в городе Тунисе

бе «Георгия Победоносца», а также в стенах Морского корпуса. В 1922 году домашняя церковь, получившая название Воскресения Христова, появилась и в столице Туниса. После расформирования Русской эскадры в 1924 году корабельная церковь с «Георгия Победоносца» была перенесена в снятую квартиру в Бизерте, в одной из комнат которой и происходили службы. Православный приход, образовавшийся в Тунисе, находился под опекой не Московского патриархата, а Русской православной церкви за рубежом (так называемой Карловацкой).

Однако высокий патронат мало помогал православным в Тунисе, и они взяли дело в свои руки. 25 января 1937 года колониальные французские власти специальным указом разрешили создание Ассоциации православных Бизерты во главе с капитаном первого ранга Г.Ф. Гильдебрандом. Осенью 1937-го на собранные русскими эмигрантами средства началось (по проекту и под руководством военного инженера Н.С. Сухаржевского) строительство храма, который по замыслу его создателей должен был стать своеобразным памятником Русской эскадре. Назвать храм решили в честь покровителя российского воинства, князя Александра Невского.

В середине 1938 года в храме Святого Благоверного князя Александра Невского, первым на-

стоятелем которого стал протоиерей Иоаникий Полетаев, начались церковные службы.

В 1953 году русская православная община получила от властей право на строительство второго православного храма, на этот раз в городе Тунисе. К 1956 году строительство было завершено, и в столице страны проявился храм Воскресения Христова.

Осенью 1942 года в Тунис пришла Вторая мировая война – его территория была оккупирована германо-итальянскими войсками, и вплоть до мая 1943 года там шли тяжелые бои между германским корпусом генерала Роммеля и англо-американскими союзниками. Лишь 13 мая 1943 года войска держав «оси» капитулировали, и тунисцы вновь вздохнули свободно.

Однако за полгода господства нацистов в Тунисе в жизни русской диаспоры произошли существенные изменения. Дело в том, что в период 1942–1943 годов на территорию Северной Африки, контролируемую странами фашистского блока, в том числе в Тунис, было переброшено несколько тысяч советских военнопленных, которые в неимоверно трудных условиях занимались строительством дорог и фортификационных сооружений для нужд вермахта. Многие русские солдаты так и остались лежать в пустынях Туниса, а часть выживших на-

ИТАР-ТАСС

■ Русское кладбище в Бизерте

всегда осталась в этой стране. Так, при подобных поистине драматических обстоятельствах две России – белая и красная – вновь объединились, в этот раз на тунииской земле.

В послевоенные годы русская колония в Тунисе продолжала уменьшаться. Это было связано с новыми французскими законами, по которым всем государственным служащим было предложено принять французское гражданство или уволиться со службы. Большинство русских беженцев, даже те, кто отказался сделать это в 1920-е годы, были вынуждены принять французское гражданство¹⁹. Когда же в 1956 году Тунис обрел независимость, многие русские эмигранты поспешили покинуть страну и переехали в страну своего нового гражданства – Францию. В начале 1960-х годов русская колония первой волны в Тунисе сократилась до минимума и была представлена всего несколькими семьями.

Русский очаг в Тунисе оказался на грани исчезновения. Но все-таки русская колония в Тунисе выжила (и это утверждение не будет преувеличением) во многом благодаря усилиям одного человека – Анастасии Александровны Ширинской, человека-легенды Русского мира, прибывшей сюда в 1921 году восьмилетней девочкой и до сих пор остающейся непререкаемым лидером, сердцем, душой и символом русской диаспоры в Тунисе.

В наши дни Ширинская осталась последней из тех, кто пришел в Тунис с Русской эскадрой. Прибыв в Бизерту в начале 1921 года, она четыре года жила с семьей в импровизированном общежитии на «Георгии Победоносце», а затем сошла на берег, где и прожила всю свою сознательную жизнь. Бизерта стала ее вторым домом. Однако никто не смог заставить ее забыть родину – Россию, она прекрасно говорит на правильном русском языке, великолепно знает русскую историю и культуру. Она одна из немногих русских эмигрантов отказалась от французского гражданства и упорно не желала принять его на протяжении семидесяти лет. В итоге Анастасия Александровна была по достоинству отблагодарена за верность своей стране – в 1997 году Ширинской было предоставлено гражданство Российской Федерации.

В 2003 году А.А. Ширинская была награждена орденом Дружбы. В 2006 году муниципалитетом Бизерты было принято решение назвать ее именем одну из площадей. «Вы – пример твердости духа и убеждений, гражданского мужества и нравственной силы» – такие слова можно прочесть в поздравительной телеграмме, направленной Ширинской президентом России В.В. Путиным в 2007 году²⁰.

Сегодня в свои 95 лет А.А. Ширинская продолжает вести активную общественную жизнь, направленную на благо российской диаспоры в Тунисе.

Усилиями Ширинской в Тунис вернулось и православие. В 1990 году она обратилась к Патриарху Московскому и всея Руси Пимену с просьбой направить в Тунис священника из России. Как следствие – в 1992 году два православных прихода Туниса были приняты в лоно Русской православной церкви.

Настоятелем тунисских храмов, которые благодаря взносам членов православной общины удалось частично отремонтировать, был назначен священник отец Дмитрий Нецветаев. С его приездом началось подлинное возрождение церковной жизни в Тунисе. Храм Воскресения Христова распахнул свои двери не только для эмигрантов первой волны, но и для соотечественников, уехавших в Тунис позднее; сегодня приход в Тунисе окормляет духовно не только русских, но и болгар, сербов, румын, палестинцев²¹. Представители православной общины продолжают ухаживать за могилами соотечественников на кладбище Бизерты и кладбище Боржель в городе Тунисе.

В апреле 1999 года на средства русской колонии в Тунисе на христианском кладбище Бизерты был открыт памятник с мемориальной доской на русском и французском языках, надпись на ней гласила: «В память о моряках Русской эскадры и всех российских людях, покоящихся в тунисской земле»²². Спустя еще два года, в 2001-м, в ходе визита в Тунис ракетного крейсера «Москва» на кладбище Боржель было произведено торжественное перезахоронение последнего командующего эскадрой Императорского флота России, контр-адмирала Михаила Беренса²³. Наконец, в мае 2002 года в храме Воскресения Христова в городе Тунисе была установлена мемориальная доска в память о русских военнопленных, которые погибли в годы Второй мировой войны на территории Туниса и Ливии²⁴.

Сегодня российская колония (непосредственно к русским эмигрантам первой волны добавились представители других национальностей Русского мира) в Тунисе невелика, она насчитывает около 3 тыс. человек, причем более 600 из них – российские граждане, вышедшие замуж за тунисских выпускников советских и российских вузов, и оформившие российское гражданство члены их семей²⁵.

В Тунисе действует Российский центр науки и культуры (РЦНК) во главе с Олегом Фоминым, при котором открыты художественная, балетная и музыкальная школы. На сцене центра проходят концерты и спектакли детской самодеятельности, конкурсы рисунков и викторины, новогодние елки, работает кино клуб «Аленький цветочек» и клуб любителей русской культуры им. А.С. Пушкина²⁶.

В начале 2002 года под эгидой центра и при деятельном участии А.А. Ширинской был открыт клуб соотечественников «Жаркий» (так назывался корабль, которым командовал ее отец). Клуб стал центром притяжения соотечественников, а также выходцев из других республик СССР, тяготеющих к России и чувствующих с ней духовно-культурную

общность. Клуб регулярно проводит литературные, поэтические и музыкальные вечера, организует лекции, здесь отмечают как российские, так и тунисские праздники. Кроме того, клуб оказывает посильную помощь нуждающимся соотечественникам, а также принимает активное участие в мероприятиях под эгидой посольства и РЦНК²⁷.

Таким образом, появившись в начале 1920-х годов при столь трагических обстоятельствах и внося немалый культурный вклад в развитие Туниса, русская диаспора сегодня одновременно хранит память о тех временах и идет в ногу со временем. ■

¹ См.: Коковцов Матвей Григорьевич // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома)

² Гриценко Т. Вклад русской эмиграции в культуру Туниса (1920–1930-е годы) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия. Материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции. Иркутск, 2000. С. 220

³ Цит. по: Попов В. Русский Тунис // Международная жизнь. №5. 2002. С. 116–117

⁴ Цит. по: Языков Г.Л. Эвакуация Черноморского флота из Крыма в Бизерту в 1920 году // Новый часовой. №4. 1996. С. 162

⁵ Попов В. Указ. соч. С. 117

⁶ Кадебников Н.З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, озерах и реках России в 1917–1922 гг. СПб., 1991. С. 10

⁷ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 71

⁸ Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М., 1999. С. 126

⁹ Цит. по: Узники Бизерты. Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 гг. СПб., 1998. С. 141

¹⁰ См.: Гриценко Т. Указ. соч. С. 222

¹¹ См.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 2. С. 67

¹² Цит. по: Узники Бизерты... С. 239

¹³ См.: Гриценко Т. Указ. соч. С. 223

¹⁴ Ширинская А.А. Указ. соч. С. 127

¹⁵ Цит. по: Хренков А. Русская диаспора. // Азия и Африка сегодня. 1997. №11. С. 27

¹⁶ См., напр.: Россия в изгнании... С. 78; Ширинская А.А. Указ. соч. С. 127; Гриценко Т. Указ. соч. С. 224; Тунис. Бизерта // Россия в красках

¹⁷ Гриценко Т. Указ. соч. С. 225

¹⁸ Россия в изгнании... С. 81

¹⁹ Гриценко Т. Указ. соч. С. 225–226

²⁰ Путин поздравил Анастасию Ширинскую с юбилеем // Росбалт

²¹ Русская православная община в Тунисе // Портал «Соотечественники»

²² Попов В. Русский Тунис // Портал «Соотечественники»

²³ Постановов С. Островок русской истории в Тунисе // Russkie.org. Сетевой центр русского зарубежья

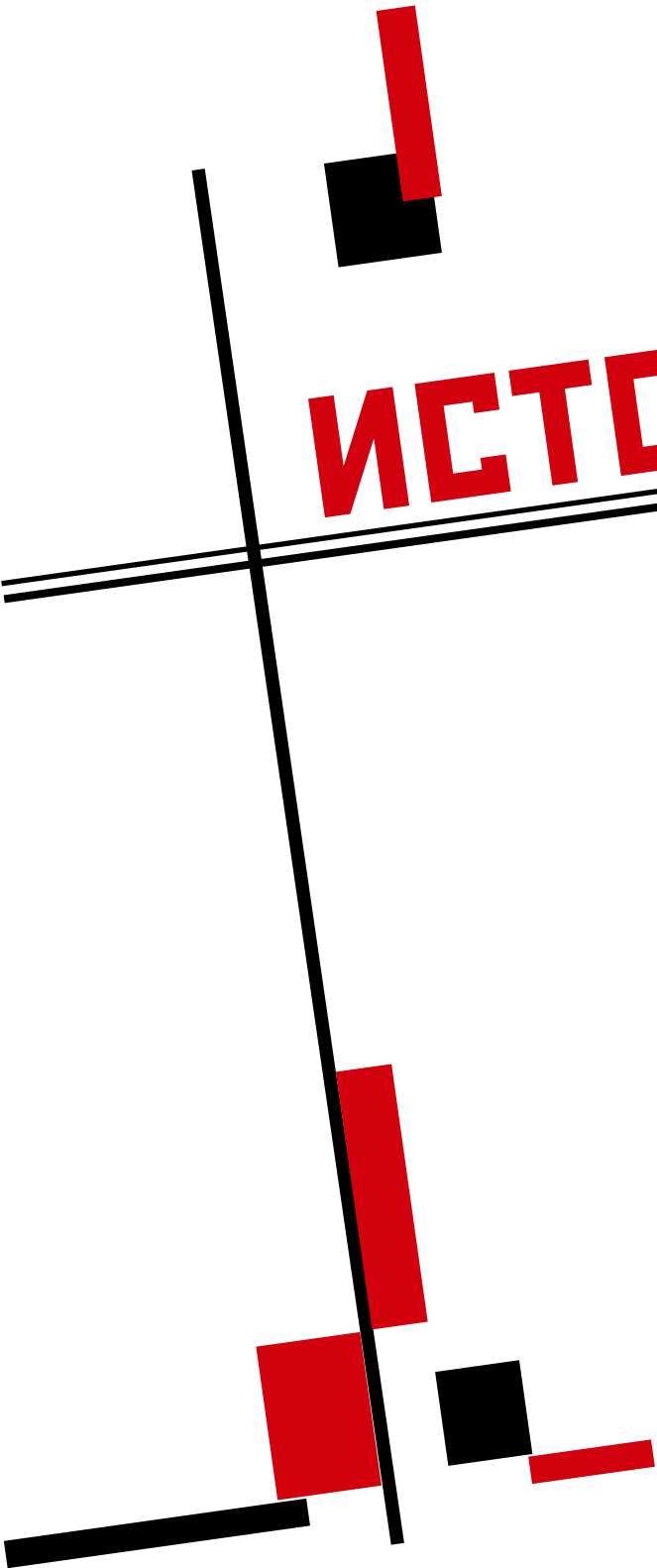
²⁴ Там же

²⁵ См.: Посольство Российской Федерации в Тунисской Республике. Соотечественники в Тунисе

²⁶ Там же

²⁷ См.: Посольство Российской Федерации в Тунисской Республике. Соотечественники в Тунисе; в Тунисе открылся Клуб соотечественников // Портал «Соотечественники»

* Автор – кандидат исторических наук, советник аналитического отдела фонда «Русский мир»

ИСТОРИЯ

РусскийМир.ru

ЛИНИИ НА ЛЬДУ, или История, написанная коньками

РИА «НОВОСТИ»

**ПОТРЕБОВАЛСЯ ВЕК,
ЧТОБЫ РОССИЯ ВСПОМНИЛА
О СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГОРДОСТИ – ПЕРВОМ В ИСТОРИИ
СТРАНЫ ОЛИМПИЙСКОМ
ЧЕМПИОНЕ, НИКОЛАЕ ПАНИНЕ-
КОЛОМЕНКИНЕ. В ЭТОМ ГОДУ
ЕМУ ПОСТАВЯТ БЮСТ В СЕЛЕ
ХРЕНОВЕ ПОД ВОРОНЕЖЕМ,
ГДЕ ОН РОДИЛСЯ, И ПАМЯТНИК
В САМОМ ВОРОНЕЖЕ, ГДЕ ОН
НИКОГДА НЕ ЖИЛ**

Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Сто лет назад – в октябре 1908 года – «санкт-петербургский катальщик» Николай Панин стал победителем IV Олимпиады в Лондоне и первым олимпийским чемпионом в истории России. С тех пор фигуристы бывшего СССР и России 12 Олимпиад подряд ни разу никому не уступили золото в парном катании. В спортивных танцах на льду россияне дали миру первых олимпийских чемпионов – Людмилу Пахомову и Александра Горшкова. В мужском разряде – олимпийских чемпионов и чемпионов мира, новаторов, развивающих фигурное катание. За последние сорок с лишним лет Россия поставила своеобразный мировой рекорд: ее фигуристы получили 85 золотых наград на чемпионатах мира.

И дело не только в том, что этот рекорд вряд ли кто-нибудь сможет превзойти. И даже не в том, что Николай Панин-Коломенкин был первым в растущем списке российских фигуристов-победителей. Первый чемпион еще создал и сами коньки, на которых все фигуристы катаются до сих пор. Но и это не все: именно он разработал и внедрил методику обучения фигурному катанию, которая считается русской и преподается во всемирно известной Академии фигурного катания Санкт-Петербурга его учениками и последователями. Учиться по ней

желают многие: к российским тренерам выстраиваются очереди из чемпионов и медалистов самых престижных международных турниров. Так панинская методика помогает триумфу мирового фигурного катания. А вот ответ на вопрос, почему человека, немало сделавшего для триумфа российского фигурного катания, вспоминают только через сто лет, частично дает биография выдающегося спортсмена.

Протекция в чемпионы

Когда в 1872 году в селе Хренове Воронежской губернии в семье главы Воронежского завода сельскохозяйственных машин Александра Николаевича Коломенкина родился сын Коля, родители решили: будет продолжать дело отца. А мальчишка неожиданно увлекся гонками на примитивных деревянных коньках с железным полозом. Отец к увлечению сына отнесся как к детской забаве, а мать привезла ему из Москвы настоящие английские коньки. По тем временам – роскошь даже для высшей знати.

Однако опробовал их деревенский мальчик уже в Петербурге. В 1882 году его родители расстались, и Евгения Владимировна, забрав сына и двух дочерей, уехала в столицу.

Правда, коньки пылились на полке целый сезон, а Коля сквозь металлический забор Юсуповского сада – закрытого клуба развлечений для высшего общества – лишь тоскливо наблюдал, как учат правильно кататься избранных. Для мальчика подобное было почти невозможно: хозяйева ограничивали доступ в сад под предлогом «сохра-

нения его добропорядочного характера». Иными словами, каток в саду служил для развлечения и обучения катанию только столичной знати. Вот и гонял мальчишка на «Прудках» – катке сквера на Греческом проспекте. Но тут случился интересный поворот судьбы: мать Коли вновь выходит замуж и по протекции отчима 13-летний мальчик получает рекомендательное письмо от председателя Петербургского общества любителей бега на коньках Вячеслава Срезневского, приват-доцента Императорского университета. Срезневский открыл ему дорогу не просто в Юсуповский сад, а в мир спорта. Он сразу обратил внимание на необычные способности Коли, который одинаково успешно осваивал и скоростной бег на коньках, и хоккей, и катание на финских санях, и просто «рисование ледовых фигур», которое и за спортом никто не держал...

Рождение псевдонима

В 1893 году Николай Коломенкин поступил в Санкт-Петербургский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета. Каток он не оставил, хотя совмещать учебу и занятия спортом было тяжело.

Его кумиром стал Петр Францевич Лесгафт, чье имя носит сегодня Санкт-Петербургский институт физической культуры со знаменитой на весь мир кафедрой фигурного катания. Кстати, кафедре присвоено имя Николая Панина-Коломенкина.

А в то время Лесгафт читал в университете курс анатомии, да так, что на его лекции ходили, как в театр. Именно он в 1893 году создал Обще-

Николай Александрович КОЛОМЕНКИН (псевдоним – Панин)

Родился 27 декабря 1871 года (8 января 1872 года по новому стилю) в селе Хренове Воронежской области.

Российский спортсмен и тренер. Первый в дореволюционной России чемпион Олимпийских игр по фигурному катанию на коньках. Многократный чемпион России в стрельбе из пистолета (12 раз в период с 1906 по 1917 год). С 10 лет жил в Петербурге. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1893–1898), где одним из его педагогов был П.Ф. Лесгафт, оказавший на Панина-Коломенкина огромное влияние. В 1897 году выиграл звание чемпиона «Петербургского кружка любителей спорта». В том же году организовал в Юсуповском саду юношескую школу фигурного катания на коньках. В 1901-м впервые выиграл звание лучшего конькобежца России и занял третье место на международных соревнованиях в Гельсингфорсе. В 1903 году стал вторым на чемпионате мира по скоростному бегу на коньках и фигурному катанию, состоявшемся в Петербурге. В октябре 1908 года принял участие в IV Олимпийских играх (Лондон), в программу которых впервые был включен зимний вид спорта – фигурное катание на коньках. Выиграл эти состязания, став первым в истории России олимпийским чемпионом.

В 1906–1917 годах – многократный чемпион и рекордсмен в стрельбе из пистолета. С 1902 года член ведущего в России «Крестовского теннис-клуба». Один из основателей «Донского кружка любительского спорта» (1898), культивировавшего водный спорт и легкую атлетику, член «Царскосельского кружка велосипедистов» (с 1895). Талантливый популяризатор и пропагандист спорта; автор теоретической работы об основах техники фигурного катания (1909).

В 1930–1950-х годах преподавал фигурное катание в Институте физической культуры в Ленинграде.

Умер 19 января 1956 года в Ленинграде. Похоронен на Серафимовском кладбище. Золотая олимпийская медаль первого олимпийского чемпиона России хранится в Эрмитаже в зале №21.

ство содействия физическому развитию детей и молодежи. В нем юный Коломенкин, разрываясь между фигурным катанием и наукой, увлекся еще и стрельбой из пистолета, и велосипедным спортом. И так преуспел в велогонках, что начал тренировать своего друга, тоже студента, Сергея Крупского. Отец Сергея, профессор Технологического института, был ярким противником спорта, поскольку считал его «низким» занятием, и запрещал сыну участвовать в велогонках. Чтобы не огорчать отца, Крупский участвовал в соревнованиях под псевдонимом Панин. Конспирация – Панин побеждал даже на европейских соревнованиях – работала успешно, но лишь до первой травмы.

Однажды на Каменноостровском велодроме Сергей разбился и попал в больницу. Увидев сына в кровоподтеках и ссадинах, отец выдвинул ультиматум: или университет, или служба в армии. Сергей, оставив спорт, выбрал учебу. Вот тогда-то, по свидетельствам очевидцев, расстроенный Панин и захотел продлить жизнь победному псевдониму. Он попросил Коломенкина взять его себе. Разговор состоялся в больнице.

«Я слышал, – начал Крупский, – ты собираешься выступать в соревнованиях фигуристов. Возьми мой псевдоним. Панин – счастливая фамилия: я с ней ни разу не проиграл!»

Так в фигурном катании появилось новое имя – Николай Панин.

Первая победа

В 1901 году Николай Панин подает заявку на участие в соревнованиях за звание «Лучший конькобежец по искусству» в России. Он ожидал, что придется соревноваться с известным в те време-

на фигуристом Александром Паншиным, но тот, как потом писали его недоброжелатели, «видя прогресс Панина», отказался. Так Панин без какой-либо заметной конкуренции, выполнив все фигуры, получил большую золотую медаль, а также титул лучшего фигуриста России.

В 1903 году, в год 200-летия Петербурга, Международный союз конькобежцев предложил Петербургскому обществу любителей бега на коньках провести чемпионат мира «по конькобежному искусству». Николаю Панину впервые предстояло помериться силами с лучшими фигуристами мира. В Петербург приехали звезды – чемпион мира швед Ульрих Сальхов, экс-чемпион мира немец Гильберт Фукс, чемпион Австрии Макс Богач и чемпион Германии Эрнст Лассан. В этой компании Панину не было места. Но именно он стал главной сенсацией соревнований – чемпионство отстоял Сальхов, но уступил ему самую малость именно Николай Панин.

В 1908 году в Петербурге проходили международные соревнования по фигурному катанию. В соревнованиях принял участие уже семикратный чемпион мира Ульрих Сальхов. В те времена соревнования состояли из трех частей. «Школа» – «рисование фигур». Обязательная – показ прыжков. И вспомогательная – произвольная программа «под выбранную музыку». Как правило, победитель определялся в «рисовании фигур»: спортсмен оставлял на льду линии, а судьи определяли, какая из них четче и правильнее. Когда подошла очередь Панина, он подкатился почти к самому барьеру и проложил безукоризненный след, который после шестикратного повторения образовал четкую белую фигуру на льду. Публика разразилась аплодисментами.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

■ Училище ордена Святой Екатерины. Катание воспитанниц на коньках в парке института

■ На Патриарших прудах

Сальхов проложил след рядом, уверенный в том, что тот затмит панинский. Но рисунок вышел кривоватым и неправильным. Публика притихла. Так после «школы» и специальных фигур Панин возглавил соревнования. Произвольную программу лучше всех откатал Ульрих Сальхов. Но Николай Панин вышел победителем: он набрал 344,4 балла, Сальхов – 328,2 балла.

До Олимпиады в Лондоне оставались считанные недели. И впервые великий швед Сальхов был побежден.

Панин против Сальхова

В октябре 1908 года на Олимпийские игры в Лондон Россия послала пять спортсменов: четырех борцов – Александра Петрова, Николая Орлова, Георгия Демина, Евгения Замятина – и фигуриста Николая Панина. В те годы соревнования по зимним и летним видам спорта проходили одновременно. Впервые включенные в программу Олимпийских игр соревнования по фигурному катанию проходили на чудо-катке – закрытом Prinzess-halle – с искусственным льдом, с местами для зрителей, как в театре. У мужчин на обязательное и произвольное катание записались семикратный чемпион мира и шестикратный чемпион Европы Ульрих Сальхов, двукратный серебряный призер чемпионатов мира, серебряный и бронзовый призер чемпионатов Европы немец Клаус Бургер, бронзовый призер чемпионатов мира и Европы швед Пер Турен, американец Ирвинг Брокау, россиянин Николай Панин, англичане Артур Камминг и Джон Холл-Сей. Едва русский, недавний победитель Сальхова, начал выполнять вторую обязательную фигуру – «восьмерку», как швед пошел в психологическую атаку. Он гром-

ко на весь каток крикнул: «Разве это «восьмерка»? Она же кривая!»

Как потом определили судьи, в те времена выходившие на лед, чтобы оценить оставленный спортсменом след, «восьмерка» была безукоризненной. Но Сальхов не унимался: «У него ничего не получается!»

Главный судья соревнований не отреагировал на эти выкрики. Закончив «школу», Панин заявил протест. Шведскому спортсмену сделали замечание. И начался настоящий олимпийский скандал. Подобный тем, что сегодня стали нормой на Олимпиадах. Сальхов ответил грубым ругательством и угрозами – и судьям, и Панину. Однако скандал вывел шведа из душевного равновесия, и по итогам выполнения обязательной программы он оказался лишь третьим. Поняв бесполезность дальнейших притязаний на золото, Сальхов и примкнувший к нему Ирвинг Брокау, еще один неудачник «школы», сняли свои кандидатуры с выступлений. А Николай Панин, откатав произвольную программу, стал первым в российской истории олимпийским чемпионом.

Наказание победителя

Дома «триумфатора русского спорта», как мгновенно его называли газеты, ждал сюрприз. До той поры Панина охранял от досужих разговоров его псевдоним. Но Олимпиада тайное сделала явным. На стол директора Санкт-Петербургского департамента налогов и сборов, в котором трудился чиновник Коломенкин, лег «Петербургский листок». Красным карандашом в нем услужливо была обведена фотография фигуриста, выполнявшего замысловатый рисунок. Подпись поясняла, что это

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОПОТАРЕВЫМ

■ Уроки конькобежного искусства

Николай Панин, неоднократный чемпион России, награжденный золотой медалью на IV Олимпиаде в Лондоне. Удивительное сходство чемпиона с помощником податного инспектора Николаем Коломенкиным вызвало у директора сначала недоумение, а потом гнев.

«Вы должны сейчас же прекратить выступать на льду, – раздраженно заявил он вызванному на ковер Панину. И, не сдержавшись, позволил себе замечание: – Где это видано, чтобы чиновник департамента щеголял перед людьми в трико!»

«Это полезно для здоровья. И для чести страны, позвольте заметить, тоже», – парировал свежеиспеченный олимпийский чемпион. Но всесильный фининспектор, особа весьма влиятельная при императорском дворе, и слышать ничего не хотел: «Либо департамент, либо спорт!»

За первого российского олимпийского чемпиона заступился даже великий князь Михаил, брат императора Николая II. Но чиновник согласился лишь на жесткий компромисс: мол, так и быть, Коломенкин может продолжать работать в ведомстве, но только при условии, что он «оставит псевдоним и недостойное занятие».

Панин-Коломенкин выбрал спорт.

Великий отшельник

Он перешел на тренерскую и педагогическую работу, предрекая России роль лидера в фигурном катании. И написал первую в мире монографию – «Фигурное катание на коньках» (1909). За нее чемпион был дважды удостоен золотой медали Международного союза конькобежцев «За выдающееся в области спорта научное сочинение».

Но революция 1917 года, потом Гражданская война и ленинский СССР, отменивший фигурное

катание как «буржуазное развлечение», снова поставили его перед выбором. Заклятый друг Ульрих Сальхов, понимая, кто окажется по ту сторону опускавшегося железного занавеса, звал Панина-Коломенкина в Швецию, американцы – в США. Фигурист остался в СССР.

Сначала он переключился на преподавание, потом, как истинный спортсмен, вернулся к тому, что любил всю жизнь, – занимался бегом, греблей, теннисом и велосипедным спортом. В 1928 году Панин-Коломенкин стал победителем Всесоюзной спартакиады сразу в двух видах – в стрельбе из пистолета и боевого револьвера. Но страсть к фигурному катанию его не покидала. Еще в 1909–1910 годах Панин, разработавший новую модель конька – специально для фигурного катания – и мечтавший ее внедрить в России, пошел на беспрецедентный шаг.

Уникальную разработку он передал тому самому Ирвингу Брокау, который поддержал Сальхова на Лондонской Олимпиаде в скандале против Панина. В начале 30-х годов новую модель конька, обеспечившего безбедную жизнь Брокау, начала серийно производить американская фирма «А.Г. Спольдинг и братья». А в 40–50-е именно эта модель позволила спортсменам США освоить так называемый новый стиль или атлетичное фигурное катание. Лидерами в нем американцы оставались до 1963 года, пока их не сместили с трона советские фигуристы, вставшие на «американские» коньки, придуманные Паниным.

Все это будет позже. И великий отшельник, как называл Панина Сальхов за отказ эмигрировать на Запад, до тех лет не доживет. Но он успеет осуществить нечто большее. В 1935 году сбылась еще одна его мечта: в Высшей спортивной школе при Институте физической культуры имени П.Ф. Лесгафта

он открыл отделение фигурного катания. Правда, вскоре началась Великая Отечественная война. Она опять отдала Панина-Коломенкина, который ушел на фронт, от его заветной мечты – создать кафедру-лабораторию по подготовке фигуристов-чемпионов. Но после войны, в 1951-м, он все же создал кафедру фигурного катания в Институте Лесгафта. Это не была еще одна кафедра. Это даже не была просто легализация фигурного катания в СССР. Панин-Коломенкин вооружил свое детище теорией и методикой обучения фигурному катанию, которую исповедует сегодня весь мир.

Первым эту долго, до 80-х годов, оспариваемую реальность признал знаменитый тренер американец Карло Фасси, так мечтавший тренировать русских. В 1987-м он писал: «Что действительно лежит в корне русского катания – это вера в то, что творческое начало таится не в атлетизме – это шаг к нему, а фактически в величайшем техническом совершенствовании. На чем настаивал их великий Панин. Поэтому, в то время как другие фигуристы вращаются на льду, как флюгеры, русские вычерчивают чистые и абсолютно плавные линии, как по лекалу».

Великий дилетант

Но если бы сегодня Панин-Коломенкин увидел, во что превратилось фигурное катание, он, наверное, не узнал бы его. «Школа», или обязательные фигуры – коронный вид Панина, сделавшая его олимпийским чемпионом, отменена как устаревшая да еще с формулировкой «мешающая развитию вида».

«По поводу отмены «обязаловки» – выписывания отдельных фигур на льду – могу сказать, что это была правильная отмена, – считает Алексей Мишин, профессор фигурного катания, тренер олимпийских чемпионов Алексея Урманова, Алексея Ягудина и Евгения Плющенко, посещавший лекции самого Панина. – Лишь наивные люди считают, что такие фигуры являются базой для овладения фигурным катанием. Так рассуждают только дилетанты. Был великий дилетант Николай Панин-Коломенкин, который считал, что без обязательных фигур нельзя. Он не предполагал, на какой уровень поднимется наш вид. Но планку-то установил сам Панин, предложив и модель фигурного конька, и методику подготовки фигуриста. Поясню, в чем дело. В человеческом организме работают два «компьютера». Один отвечает за медленные движения, другой – за быстрые. Вычерчивание фигур на льду дает технику, но не совершенствует ту грань таланта, которая обеспечивает исполнение сложнейших прыжков. Панин предрек это разработанными им теорией и методикой обучения фигурному катанию, но не успел проверить практикой».

Отмена «школы» стала революцией в фигурном катании. Ее суть, как и суть всякой революции, противоречива – для роста она использует методику технического совершенствования фигуриста, разработанную Паниным-Коломенкиным, но для творчества отвергает любимые им обязательные фигуры.

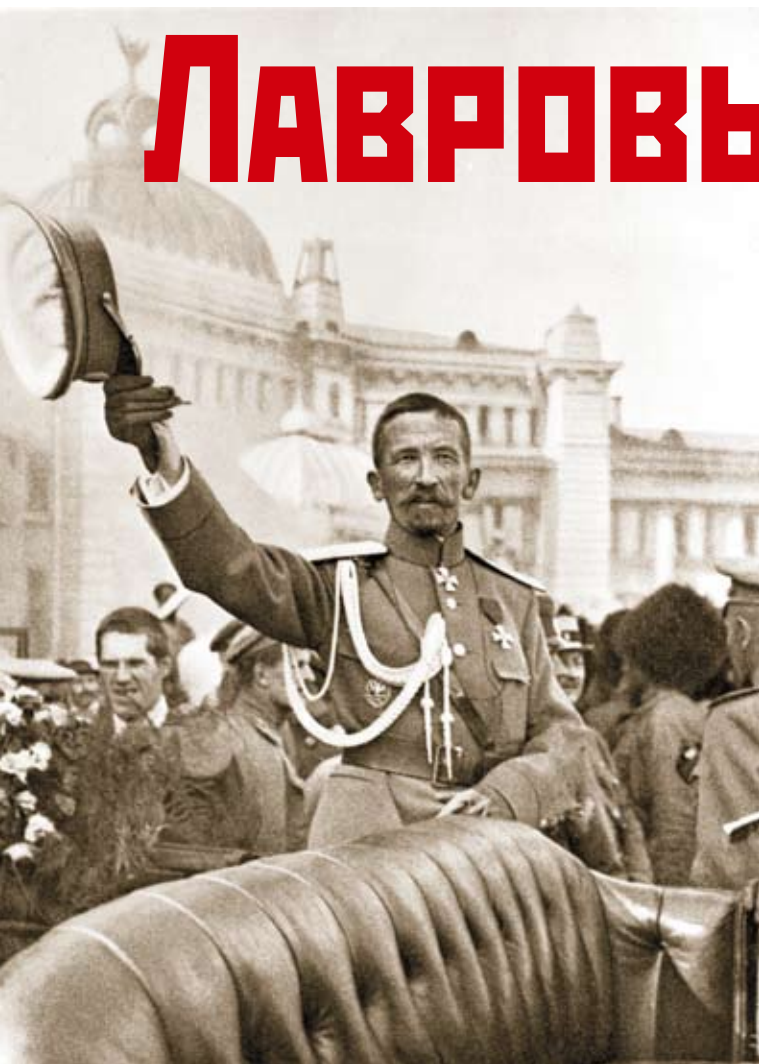
С памятью о великом фигуристе получается примерно то же самое. На первый взгляд его не забывали: во всех энциклопедиях написано, что он – первый олимпийский чемпион России. Но, Панин-Коломенкин, придумавший десятки фигур, не удостоен такой чести, как Сальхов, Тулуп или Ритбергер, чьими именами названы элементы фигурного катания. И для памятника своему великому фигуристу Россия созрела только спустя сто лет. Как-то странно: памятники поставят подальше от признанных центров фигурного катания. Никто не спорит, конечно, бюсты и памятники нужны и в родном селе первого чемпиона, и в Воронеже. Но почему бы не увековечить память Панина-Коломенкина там, где бывают миллионы поклонников фигурного катания – в Санкт-Петербурге. Городе, которому Панин-Коломенкин завоевывал статус колыбели мирового фигурного катания. Но с этой инициативой не выступают ни Академия фигурного катания, ни кафедра фигурного катания Института физической культуры, ни Федерация фигурного катания России.

Действительно, нет пророка в своем отечестве. Ведь фигурное катание для России, в немалой степени благодаря Панину-Коломенкину, перестало быть просто видом спорта. Это еще и вопрос культурной идентичности. Неспроста же мир фигурного катания говорит на русском языке. Лучшие российские тренеры, вооруженные методой Панина-Коломенкина, разъехались по всему свету. Российских чемпионов-фигуристов полмира знает в лицо. Наконец, несмотря на разруху 90-х, русское фигурное катание сохранило статус мирового лидера и претендует на чемпионские позиции на Олимпиаде-2014 в Сочи. Так стоит ли памятник Панину-Коломенкину, при всем уважении и благодарности к Воронежу, прятать далеко от центров мирового фигурного катания? Или опять – лучше так, чем никак? ■

РИА «НОВОСТИ»

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**90 ЛЕТ НАЗАД,
15 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА,
В 50 ВЕРСТАХ
ОТ ЕКАТЕРИНОДАРА
ПОХОРОНИЛИ
КОМАНДУЮЩЕГО
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ
АРМИЕЙ, ГЕНЕРАЛА
ОТ ИНФАНТЕРИИ
ЛАВРА ГЕОРГИЕВИЧА
КОРНИЛОВА**

Михаил БЫКОВ

Двумя днями ранее он был убит взрывом снаряда в обыкновенной хате, где размещался его штаб. А несколькими днями позже вернувшиеся в окрестности Екатеринодара красные нашли могилу генерала, разрыли ее, труп привезли в столицу Кубани, истыкали штыками и, устав от изуверств, облили керосином и сожгли на вокзальной площади. Прах Корнилова развеяли по ветру.

Что знали красные бойцы, их командиры и комиссары о человеке, над мертвым телом которого они устроили средневековое издевательство? Что еще помнили о нем в угаре революционной вседозволенности и кровавом азарте разгоравшейся Гражданской войны?

А что знаем и помним мы, живущие в относительно спокойное время, в большинстве своем равнодушные к эпохальным событиям столетней давности, утопающие кто в мещанских страданиях по золотому тельцу, кто в стаканах с дешевой паленой водкой? Хоть чей-нибудь пепел стучит в наше сердце?

Люди постарше, ограниченные историческими знаниями в рамках советских учебников и советского патристического кино, могут знать о генерале Корнилове прежде всего следующее. Реакционер и солдафон, преданный царской системе, учинивший мятеж летом 1917-го, что едва не привело к срыву Октябрьской революции и реставрации прежней власти. Короче, враг!

Продвинутое сословие – советско-российская интеллигенция – более активно фокусируется на лидерах красного толка. Официальная деятельность и личная жизнь Троцкого и Бухарина, Фрунзе и Тухачевского, Горького и, наконец, самого Сталина традиционно интересна им куда более, чем судьбы Деникина и Врангеля, Юденича и Колчака, Алексеева и Корнилова. Почему? Победители всегда привлекательнее для обслуживающей прослойки. А с проигравших что возьмешь?

Кроме того, победившие не сидели молча. Один из краеугольных камней в фундаменте успеха красной власти – прекрасно организованная пропаганда еще до прихода к этой самой власти. А уж после, при наличии всех возможностей, пиарщики социализма проигравших не щадили. Тем, кого по разным причинам попросту забыли, повезло значительно больше, чем тем, кого помнили... В 1930 году многих казаков станицы Каркаралинской (в современном Казахстане. – **Прим. авт.**), где рос Лавр Корнилов, разоблачили как скрытых врагов Советской власти и расстреляли, другим дали по 10 лет лагерей. Имущество было конфисковано, казачьи семьи выселены. Троюродная племянница генерала Корнилова, Елена Корнилова-Бессонова, признавалась в письме историку Юрию Попову, нашедшему ее в

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Павлодаре: «Я несколько дней не могла заставить себя Вам ответить. Прежний страх силен, и я не могла заставить себя написать. В апреле 1930 года нас с мамой удалили из дома, все конфисковали...»

Из простых казаков...

Лавр Корнилов родился в 1870 году в городке Усть-Каменогорске на территории Сибирского казачьего войска. К слову, сибирские казаки отличались от своих вольнолюбивых братьев с Дона, Кубани, Терека и Урала особенной верностью в государственной службе. Вероятно, потому, что, в отличие от донцов, кубанцев, терцев и уральцев, возникли не сами по себе, а по царскому указу.

Он не был дворянином, не чета одногродку Владимиру Ульянову-Ленину. Отец, Егор Корнилов, выслужился до первого офицерского чина из простых казаков, так и ушел в отставку в звании хорунжего (казачий чин, аналогичный чину подпоручика). Перебравшись в Каркаралинскую станицу, Егор Николаевич взял в жены казачку, в венах которой текла польская и калмыцкая кровь. Вероятно, поэтому маленький Лавр рано проявил склонность к языкам. Корнилов свободно владел английским, французским, немецким, китайским, маньчжурским, тюркским, фарси, арабским и хинди.

Дом Корниловых в Каркаралинске цел до сих пор.

В 1883 году Лавра отправили в Омск, в 1-й Сибирский Императора Александра Первого кадетский корпус. Так 13 лет от роду Корнилов впервые надел погоны, чтобы уже всегда носить их на плечах. Спустя шесть лет он окончил корпус первым кадетом и отправился в Санкт-Петербург, в знаменитое Михайловское артиллерийское училище. Корнилов – один из лучших юнкеров, но самолюбивый и подчас непримиримый характер сибирского казака давал себя знать. Однажды начальник училища генерал Чернявский в последний момент спасет Корнилова от отчисления. Как бы то ни было, в 1892 году юнкер Корнилов вышел из училища первым в списке. Получив право на выбор вакансии, он отверг саму возможность продолжить карьеру в престижных гвардейских частях, не привлекала молодого подпоручика и перспектива спокойной карьеры в артиллерийских бригадах, дислоцированных в европейских губерниях империи. Он выбрал... Туркестан.

Это у поручика Александра Куприна – все дальнейшие армейские гарнизоны – прибежище порока и могила русского офицерства. Наверное, кому какой выбор был ближе. Подпоручик Корнилов три года с остервенением готовился к вступительным экзаменам в Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба, а еще через три года окончил ее с малой серебряной медалью.

Казалось, теперь-то самое время задержаться в Петербурге, место в Главном штабе ждало его на совершенно законных основаниях. Но характер и мироощущение толкали Корнилова вон из столицы. Он вернулся в Туркестан, под начало генерала Ионина, хорошо известного в России в качестве ученого-исследователя Центральной Азии.

В 1898 году Корнилов совершил первый подвиг, сделавший ему имя в русской армии. Зная о тревоге русского командования по поводу секретов афганской крепости Дейдади в предгорьях Гиндукуша, перекрывавшей пути-дороги к Кабулу, Лавр Георгиевич взял трехдневный отпуск и, переодевшись то ли афганцем, то ли туркменом, в сопровождении трех текинцев и с револьвером в халате провел полную рекогносцировку. Если б его поймали, то не просто расстреляли бы, а посадили на кол.

Боевой орденом – Владимира 4-й степени с мечами – за подвиг в мирное время (!) капитан Корнилов не получил, несмотря на представление к нему генералом Ионовым. Получил он 30 суток гауптвахты за самовольную отлучку за границу. И известность в армии.

■ Страница из журнала «Нива» №12. 1917 год

РИА «НОВОСТИ»

■ Генерал Корнилов в Москве. 21 сентября 1917 года

Вплоть до Русско-японской войны Корнилов занимался преимущественно военной картографией и сопутствующими этому процессу изысканиями. Его вовсе не случайно сравнивали с путешественником генералом Пржевальским. Корнилов досконально исследовал горный район Кушки, выжженную солнцем Кашгарию, Восточную Персию, в том числе абсолютно не изведанную пустыню Дашти-Наумед, в переводе – Степь Отчаяния.

В 1901 году капитан умудрился найти время для женитьбы на Таисии Марковиной. Свадьбу сыграли в Ташкенте, а медовый месяц провели... в пустыне, в очередной командировке офицера штаба Туркестанского военного округа. В 1903 году Корнилов добрался до индийских пределов. В Белуджистане его стало известие о начале Русско-японской войны.

Разумеется, неумейный штаб-офицер оказался в Действующей армии. Корнилов принял участие в боях под Сандепу и Телином. За Мукден получил орден Святого Георгия 4-й степени. Подполковник вывел части 1-й стрелковой бригады из окружения, лично возглавив ночную штыковую атаку. Из высочайшего приказа о награждении: «...отряду подполковника Корнилова, вынесшему знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север...»

В 1905 году за боевые отличия Корнилов произведен в полковники.

Вскоре по окончании войны он получает назначение в Китай в должности военного атташе. В Пекине Корнилов также оставил по себе память как об удачливом разведчике, склонном к розыгрышам и маскарадам. Так, переодевшись китайским мандарином, он принял парад сверхсекретной части

специального назначения, спрятанной от посторонних глаз в горах Северного Китая.

В 1907 году Корнилов награжден Золотым оружием (вновь – за боевые заслуги в мирное время) и в 1912-м произведен в генерал-майоры. С этого времени Лавр Георгиевич в основном командовал строевыми частями, отстранившись от штабной работы. В географическом отношении его карьера, теперь уже строевого начальника, по-прежнему впечатляет: командир 8-го Эстляндского пехотного полка в Варшаве, начальник 2-го Заамурского отряда пограничной стражи в составе пяти полков, командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии во Владивостоке.

По мобилизационному расписанию сразу после начала Великой войны Корнилов прибывает на Юго-Западный фронт и принимает под временное командование 48-ю пехотную дивизию. Приставка «врид» (временно исполняющий должность) исчезла 30 декабря 1914 года.

Дивизия воевала в Карпатах и на реке Сан с блеском и получила прозвище «Стальная». Ее командир стал генерал-лейтенантом. Правда, не всем нравился стиль руководства Корнилова. Его полки, носившие прославленные имена, – Измайльский, Очаковский, Ларго-Кагульский и Рымникский, совершали чудеса героизма, но несли при этом громадные потери. Людей Корнилов не жалел. Знаменитый генерал Алексей Брусилов неоднократно отмечал излишнюю азартность комдива и, мягко говоря, хладнокровное отношение к потерям.

Кончилось все для Корнилова в Галиции пленом. В конце апреля 1915 года, когда лишенная боезапаса русская армия под сильнейшим давлением

австро-венгров и немцев стала отходить, 48-я пехотная дивизия попала в кольцо. Само собой, Корнилов пошел на прорыв, но тут военное счастье отвернулось от генерала. Из окружения выбрались только Ларго-Кагульский полк да батальон Очаковского полка. Через несколько дней раненого Корнилова с шестью солдатами пленили в горах. Из 7000 солдат и офицеров «Стальной» дивизии осталось только 2000. Полки сохранили знамена, но потеряли 34 орудия.

Тем не менее командование сочло нужным награждать почти всех участников прорыва. Генерал-лейтенант Корнилов получил Георгия 3-й степени и был отчислен от должности как пребывающий в плену.

К осени 1916 года в плен попало 60 русских генералов. Бежал только один – Корнилов.

28 августа 1916 года в румынском городке Турну-Северян заросший, грязный, оборванный беженец остановил проходившего мимо русского офицера фразой: «Я – генерал-лейтенант Корнилов...» Два месяца пробирался Лавр Георгиевич к своим, после того как с помощью чешского фельдшера, маскарада и грима покинул австрийский госпиталь в местечке Кессиге. Эта история облетела всю Россию и публиковалась с массой подробностей во множестве газет.

Прошло всего две недели, а генерал уже поправился после многодневной голодовки и прочих мучительств и получил под команду 25-й армейский корпус.

До февраля 1917 года Корнилов, как и положено, воюет, но далее события стали разворачиваться стремительно. В марте–апреле он – командующий Петроградским военным округом. Лоббистами выступили председатель Думы Родзянко и военный министр Гучков. 23 апреля Корнилов написал рапорт с просьбой откомандировать его на фронт, и следующие полтора месяца он командовал 8-й армией. Потом в течение месяца – Юго-Западным фронтом. Наконец, с 19 июля 1917-го он Верховный главнокомандующий русской армией. Чуть раньше Лавра Георгиевича произвели в полные генералы.

Впрочем, армии уже не существовало. Распропагандированные и деморализованные части бросали фронт, а заменить их было нечем. В тылу сидели запасные батальоны, совершенно необученные и насквозь революционные. Не могли же, в самом деле, держать фронт одни ударные батальоны, первый из которых создал с санкции Корнилова в мае 1917 года капитан Неженцов. И хотя они состояли из готовых сражаться офицеров и солдат, это была капля в 11-миллионном море армии.

Несколько больший эффект дали экстренные меры по наведению порядка в строевых частях: возврат к расстрелам за дезертирство и мародерство, к которым Корнилов стал прибегать начиная с марта, еще в должности командарма 8-й армии. «Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов», – писал Корнилов. Но принципиально изменить ситуацию на фронтах было уже невозможно.

Не знаю, понимал ли это Корнилов в конце лета 1917 года, верил ли в иную возможность развития

событий? Но он не сидел сложа руки и предлагал действовать. 3 августа Верховный главнокомандующий передал Керенскому доклад с первоочередными мерами, среди которых – возвращение прав русскому офицеру, отмена Декларации прав солдата, уничтожение института комиссарства, роспуск солдатских комитетов, запрет на митинги в частях...

15 августа Корнилов выступил в Москве на Государственном совещании, сказав, в частности: «Я ни минуты не сомневаюсь, что все эти меры будут приняты безотлагательно».

Добровольческая армия

Ни одна из этих мер принята не была. И Корнилов решился на радикальный вариант – ввести в Петрограде военное положение и взять власть под свой контроль. С этой целью в Питер был отправлен 3-й конный корпус и Туземная кавдивизия. Интересно, что прибывший в Ставку Верховного в Могилеве известный эсер-террорист Савинков передал Корнилову полное одобрение его действий Временным правительством. Это было 23 августа. А 27 августа в Петрограде вышел экстренный выпуск газет, в котором Корнилов обвинялся в предательстве и измене. На приказ сложить полномочия генерал не отреагировал, и тогда его обвинили в организации мятежа.

Лишенный связи со Ставкой, в отсутствие внятных приказов Главковерха, генерал Крымов оставил свой 3-й конный корпус и выехал в Петроград лично для выяснения всех обстоятельств. Известно, что его принял Керенский. После беседы Крымов застрелился. По крайней мере, такова официальная версия.

Корнилов стреляться не стал. Хотя и собирался. Вместо этого он спокойно вернул полномочия бывшему в Ставку генералу Алексееву и согласился на арест. Помимо Корнилова были арестованы и переведены в город Быхов генералы Лукомский, Деникин, Марков, Эрдели, Ванновский, Романовский и другие.

Всем этим людям спас жизнь генерал Духонин, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Самого Главковерха уже не было, после переворота 25 октября Керенский бежал. А Духонин остался в Ставке и 19 ноября распорядился выпустить из заключения Корнилова и иже с ним. В эту же ночь Корнилов в сопровождении верного Текинского полка отправился на Дон, а спустя еще несколько часов отряд Красной гвардии во главе с бывшим прапорщиком Крыленко ворвался в Могилев и «отыгрался» на генерале Духонине. Николая Николаевича в буквальном смысле растерзали.

На полдороги к Дону, у станции Унеча, практически безоружных текинцев обстреляли большевистские заградотряды, и Корнилов принял решение пробираться далее в одиночку. Ему было не привыкать. Текинцы пробивались конным порядком.

Лавр Георгиевич появился в Новочеркасске 6 декабря, а 27 декабря стал главнокомандующим Добровольческой армии, только-только получившей это новое, боевое наименование. Доселе она назы-

валась Алексеевской организацией. Вскоре красные начали наступление на Новочеркасск и Ростов. К концу января Корнилов располагал армией... в 5 тыс. человек, среди которых хватало необученных студентов и гимназистов и недоученных юнкеров.

Красные наседали, взяли Новочеркасск, Батальские, начались бои за Ростов. Корнилов принял решение уходить на Кубань и там за счет местных казаков и офицерства Кавказской армии пополнить ряды, обзавестись артиллерией...

Под утро 9 февраля части добровольцев покинули Ростов и перешли Дон. Начался удивительный в своем мужестве и доблести 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии.

Все даты даются по старому стилю. 9 февраля тогда – это 23 февраля сегодня. Вот такие чудеса! Хотим мы того или нет, но на протяжении десятиков лет, празднуя День Красной армии, мы поминали и воинов армии Белой, Добровольческой. Потому что именно в этот день армия генерала Корнилова начала боевой путь по донским и кубанским степям. За 80 дней Ледяного похода Добровольческая армия приняла более 40 боев и вернулась к Ростову окрепшей и возросшей числом.

Что же до победных событий под Петроградом, автором которых являлась Красная гвардия, то их попросту не было. А было вот что.

23 февраля (по новому стилю) в Смольном собрались члены ЦК РСДРП, чтобы обсудить полученный в 10.30 утра германский ультиматум. Немцы предлагали заключить сепаратный мир на условиях отторжения от России Курляндии, Лифляндии, Украины, демобилизации армии, разоружения Балтийского и Черноморского флотов и т.д. ЦК дал добро и перебрал вопрос ВЦИКу. Там спорили до 3 часов утра, и в результате 116 членов ВЦИКа против 85 приняли условия капитуляции. В 7 часов утра решение ВЦИКа было доведено до германского командования.

Никто из сотен участвовавших в совещаниях и заседаниях властителей страны ни словом не обмолвился о создании Красной армии и уж тем более о ее первых зубодробительных победах под Питером.

Более того, ни 23 февраля, ни 24-го красные газеты не печатали каких-либо радостных реляций с фронта. А по законам большевистского жанра должны были бы.

Может быть, все дело в том, что не было в те дни никакого фронта и никакой атакующей немецкой армии? Немцы не вели боевых действий. Они «захватывали» русские города группами в 50–100 человек, подкатывая на велосипедах и мотоциклах. Это уже потом, в 1938 году, во впервые опубликованном «Кратком курсе истории ВКП(б)» можно прочитать о натиске вооруженного до зубов германского хищника, которому был дан отпор под Нарвой и Псковом.

Кстати, о боях под Нарвой. Буйные революционные балтийцы-сподвижники еще более революционного матроса Дыбенки действительно ненадолго появились под Нарвой. Но, увидев вооруженных

немецких солдат вместо привычных недорезанных буржуев, немедленно дали деру по железной дороге, прихватив по пути несколько цистерн со спиртом. Отловили их, кажется, только под Шлиссельбургом. За этот «подвиг» Дыбенко был арестован и чудом не расстрелян.

Почему создателю Красной армии товарищу Троцкому так хотелось сделать днем ее рождения именно это число, неизвестно. Зато известно, что декрет о создании Красной армии был принят Совнаркомом 15 (28) января 1918 года, 16 января на эти цели выделили 20 млн рублей.

Чистилище

Итак, Добровольческая армия вышла из Ростова. До гибели генерала Корнилова оставалось сорок девять дней.

Перед выходом из Ростова генералы долго обсуждали направление движения. Казачьи атаманы предлагали всей армии уйти в Сальские степи, на казачьи зимовья. Там, мол, красные не достанут, зато можно разжиться конским составом и вообще набраться сил. Корнилов отказался. Видимо, чутье политика подсказывало, что партизанщина – это крах Белого движения. За партизанами не пойдут офицеры, от партизан будут шараться буржуазия и интеллигенция. Лавр Георгиевич понимал, что добровольцам для создания авторитета в народе, особенно среди казаков, нужен Поступок. И таким поступком могло стать освобождение Екатеринодара от советской власти. Эти 4 тыс. штыков должны были пройти чистилище – чтобы стать Армией. И они его прошли.

А вот Корнилов из огня не вышел. Единственный свидетель его гибели – адъютант командующего корнет Текинского полка Хаджиев – с восточной пронительностью объяснил случившееся: «31 марта 1918 года. В 6 часов утра Верховный вышел из дома, чтобы попрощаться с телом полковника Неженцова, привезенным ночью... После этого Верховный... с суровым выражением лица направился в штаб. В это время обстрел штаба участился. Линия разрывов стала подходить к дому Верховного. Вот один из снарядов убил трех казаков, чистивших пулемет у самого дома. «Ваше высокопревосходительство, надо поторопиться с переводом штаба», – указал я Верховному на умирающих в конвульсиях казаков. «А...» – произнес он и вошел в дом. Мне показалось, что он хотел отдать приказание о переводе штаба, но мгновенно забыл о нем... Войдя в свою комнату, опершись левым коленом на стул и схватившись руками за голову, он застыл над картой... Верховный не пошел на фронт потому, что ему доложили, что от генерала Эрдели идет донесение, которое должно быть вручено ему каждую минуту. И на основании этого донесения он должен был дать распоряжение генералу Романовскому раньше, чем идти на фронт. Вот почему он находился в это злополучное утро у себя в комнате, а не пошел к войскам под Екатеринодар с самого раннего утра, как он имел привычку делать это с первого дня похода. Его задержали в

■ **Офицеры «Дикой» дивизии генерала Корнилова. Петроград, 1917 год**

этой несчастной комнате в этот день три обстоятельства – прощание с телом Неженцова, донесение от Эрдели и самое главное – Его Величество Время. Он должен был умереть именно в это утро, в указанное в его судьбе время. Кismet!»

Снаряд разорвался прямо в комнате генерала. Минут через сорок Корнилов скончался.

Реакционер или республиканец?

Так был ли генерал Лавр Корнилов реакционером и сторонником Реставрации?

Как-то летом 1917-го с ним попытались обсудить вопрос возвращения на престол Романовых в лице великого князя Дмитрия Павловича. Корнилов ответил так: «Ни на какие авантюры с Романовыми не пойду». Известен также случай, когда Корнилов заявил, что Романовы возродятся только через его труп. Какая уж тут Реставрация!

Генерал Корнилов принял к исполнению приказ Временного правительства об аресте императрицы Александры Федоровны, цесаревича и августейших дочерей. Есть попытки оправдать этот поступок тем, что Корнилов хотел таким образом оградить царскую семью от революционных домогательств. Существует и обратное утверждение, будто генерал совершил арест лично и с видимым удовольствием. Причиной тому – недостаточная оценка его заслуг государем в 1916 году, после возвращения из плена. Мол, могли бы армию дать

вместо корпуса. Сохранились воспоминания самой Александры Федоровны по этому поводу: «Я понимаю ненависть к нам Гучкова, Керенского и других, но за что нас так ненавидят такие лица, как генерал Корнилов, которого так обласкал Ники? Я умею держать себя в руках, но в тот час, когда генерал Корнилов с красным бантом рядом с пожалованным ему Ники орденом вошел ко мне и сказал мне: «Гражданин...» Сам Корнилов свои мотивы участия в аресте царской семьи не прокомментировал.

Остался без комментариев и еще один «республиканский» поступок генерала в бытность главным Петроградского гарнизона. Одним из импульсов к февральским брожениям в столице послужило убийство в казармах запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитана Лашкевича унтер-офицером Кирпичниковым. За этот «подвиг» Временное правительство наградило унтера Георгиевским крестом. Непосредственно награждение произвел генерал от инфантерии Корнилов.

Дабы не подумалось, будто все это случилось под влиянием момента, стоит привести слова самого Корнилова, сказанные в январе 1918 года перед строем 1-го Офицерского батальона Добровольческой армии: «Я – убежденный республиканец. Если же Учредительное собрание высказалось бы за монархию, я этому решению подчинюсь». А далее генерал сказал, что, если выбор будет остановлен

на ком-либо из романовской династии, он немедленно сложит полномочия и уедет из России.

Не любил генерал за что-то Романовых, факт. Но и монархию как таковую не любил.

Тогда резонно спросить, куда же звал Россию этот простой по происхождению человек, широко образованный и наблюдательный ученый, безудержно смелый офицер и георгиевский кавалер, яркий и безжалостный полководец и убежденный республиканец?

В диктатуру! – тут же крикнут поклонники исторических шаблонов. А может быть, на сей раз, они правы? Ну в самом деле: Корнилов – стоик, чуждый плотских интересов и материальной зависимости, чрезвычайно волевой и цельный человек, умеющий ждать и терпеть. Никто не мог назвать себя его другом и единомышленником в полном смысле слова. Все, что он делал в жизни с видимым удовольствием, это либо путешествовал в одиночестве, либо руководил массами людей. Любой психолог согласится с наличием задатков властелина.

Может быть, эта очевидная в маленьком с раскосыми монгольскими глазами генерале сила и напугала господина Керенского летом 1917-го, заставила премьера передернуть политические карты в последний миг? Иначе застучали бы по питерским мостовым кованые копыта боевой кавалерии и въехал бы в Зимний на белом коне Лавр Георгиевич.

В самом конце 1917 года Корнилов подготовил собственную политическую программу. Среди пунктов: восстановление прав гражданства, свободы слова и печати, права собственности, русской армии. Генерал предлагал все-таки создать Учредительное собрание, ввести обязательное начальное образование, отделить церковь от государства, уравнивать всех граждан в суде, сохранить все со-

циальные завоевания рабочих за исключением насильственной социализации предприятий, решить аграрный вопрос путем всенародного обсуждения. Наконец, он предлагал Польше, Украине и Финляндии превратиться в отдельные национально-государственные единицы при широкой поддержке правительства России.

Могли бы подписаться под этим документом все 200 тыс. русских офицеров, еще уцелевших после трех лет войны и многих месяцев революционного террора? Ой ли. Тут и ответ, почему только 40–50 тыс. пришло под знамена Белого дела. Один из лучших кавалерийских генералов начала XX века, убежденный монархист генерал граф Келлер писал по этому поводу: «Объединение России – великое дело. Но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное. Корнилов – революционный генерал, ему и карты в руки, пускай пытается спасти русскую демократию... теперь, быть может, время для этого».

И что получается: генерал-демократ? Можно было бы ерничать по поводу столь рискованной формулировки. Если бы не одно «но». Корнилов за убеждения отдал жизнь. А верны ли были его убеждения, сегодня судить уже поздно.

Не поздно – отдать дань памяти генералу Корнилову. Нашему соотечественнику, в чьей судьбе преломилась судьба России в самый трудный период ее истории. «Мы все запутались тогда, весной семнадцатого года...»

Деникин отдал приказ позаботиться о теле Лавра Георгиевича полковнику Григорьеву. Тот все сделал как надо. О точном месте захоронения знали только три человека. Над могилой не оставили ни креста, ни холмика – ничего. Не помогло...

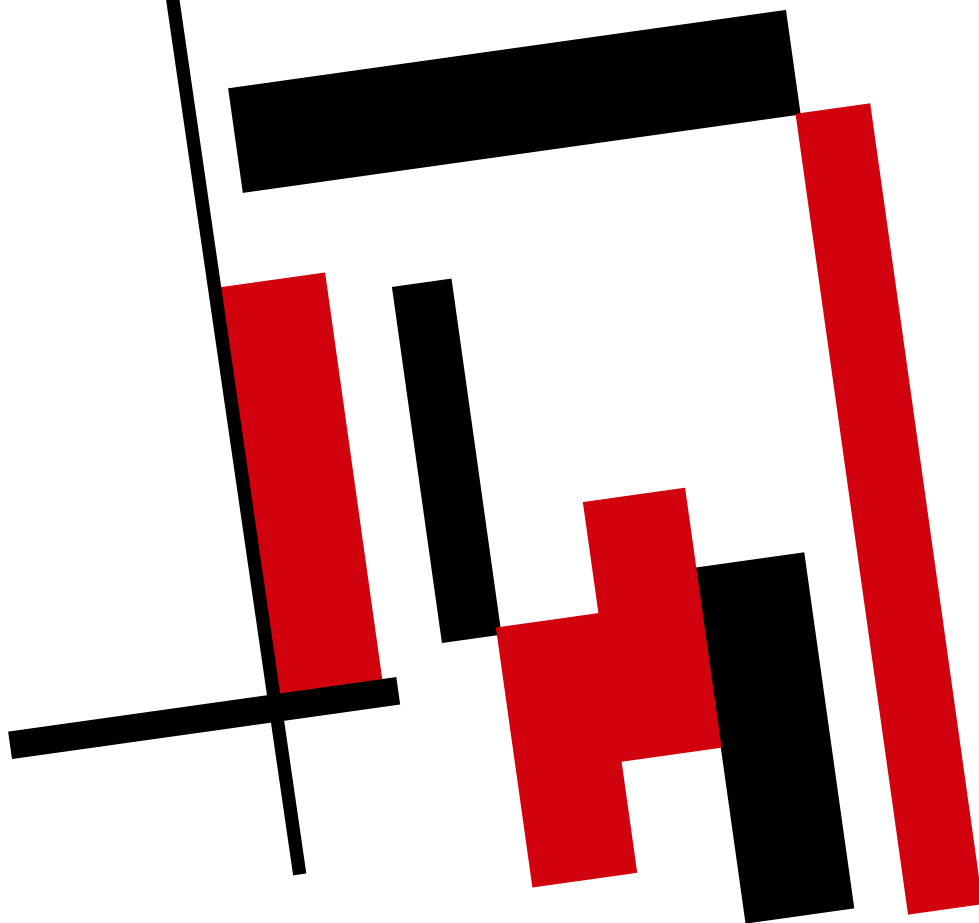

■ Солдаты Особой армии генерала Корнилова сдают оружие. Петроград, 1917 год

РИА «НОВОСТИ»

СИТУАЦИИ

РусскийМир.ру

СПАСТИ КНИГИ ОТ ЛЮДСКОЙ ГЛУПОСТИ

**Важный вопрос
современности: целесообранно
ли совместить тенденцию
к глобализации, тягу к единой
Европе с европейской и
славянской самобытностью?
Возможно ли такое
совмещение?**

Татьяна ЧЕРТОРИЦКАЯ*

Да, возможно, отвечают ученые: «Россия давно ищет себя в трехмерном пространстве, по трем осям координат: Россия и Запад, Россия и Восток, Россия и славянский мир... В единой Европе славянское единство превращается в осязаемую цивилизационную категорию, поэтому разумно и продуктивно способствовать именно культурному осознанию общих интересов славян... Будущее – в конструктивном соединении исторического на-

следия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской и славянской, Европы латинской и Европы православной...»

Век подлинников

Международный проект «Славянский мир: прошлое, настоящее и будущее», разработанный в Российском центре международного научно-го и культурного сотрудничества при МИД РФ («Росзарубежцентр»), призван активизировать взаимодействие между культурными, духовными, общественно-политическими организациями, способствовать распространению славянской культуры и усилению ее влияния в мире.

Поэтому особое значение приобретают поиск и введение в научный оборот новых исторических источников по истории России и славянского мира, способных пополнить и скорректировать наши представления о роли славянских народов в глобальном пространстве. Речь идет о большом объеме источников по истории славянских народов, находящихся в российских провинциальных книжных хранилищах, создании их электронной картотеки в рамках проекта «Красная книга славянской письменной культуры».

Особенности трагического XX века в истории России, актуальность поисков корней славянской культуры, понимание, что знание прошлого является обязательным условием построения адекватного ему будущего, – все это делает XXI век «веком

подлинников», максимально увеличивает значение источников о нашем прошлом, расширяет интерес к ним со стороны всех кругов русского общества.

Собрание древних памятников письменности XIV–XVIII веков, хранящихся в провинциальных российских библиотеках, музеях и архивах, насчитывает более 100 тыс. единиц. Древние памятники находятся на всей территории России – от Якутска до Архангельска, от Бреста до Владивостока, но не менее чем в 90% хранилищ значительная их часть не обработана, не датирована и не имеет современной оценки. Все эти факторы делают процесс хищений документов именно этого типа наиболее безопасным и выгодным для мошенников. Этому же в значительной степени способствует и процесс старения и выбывания грамотных кадров, недостаток которых чувствуется сегодня не только в дальних областях России, но и во многих регионах Центрального федерального округа.

Два направления работы представляются неразрывными: безопасность древнего российского документального фонда и его научное описание как залог сохранности и общественного использования.

Именно безопасность древних памятников письменности требует проведения срочной программы вовлечения в научный оборот рукописного и старопечатного документального наследия и оперативно-го использования его в общественной жизни страны. Близко к истине утверждение, что опубликовано менее 0,1% рукописных памятников! Таким обра-

зом, при отсутствии полноценных копий нам угрожает утрата памятников, особенно в глубинке, особенно в забытых сейчас, но когда-то исторически влиятельных древнейших центрах нашего государства.

Академик Дмитрий Лихачев в 1991 году на открытии в Нижнем Новгороде Института рукописной и старопечатной книги сказал: «Необходимо не только изучать и пропагандировать древние письменные и старопечатные памятники – средоточие народной мудрости, но и спасать книги от затоплений, пожаров, людской глупости...»

Культурный Чернобыль

Главной задачей проекта «Красная книга славянской письменной культуры» должно стать создание силами российских ученых и молодых специалистов-славистов из разных стран единого фонда хранения электронных копий рукописей и обеспечение доступа к ним широкого круга заинтересованных лиц. Сегодня заинтересованность в этом проекте наряду с российскими государственными и общественными организациями проявляют российские диаспоры (в Италии, Франции, Германии, США и др.), научные и учебные славянские центры Европы и Америки. Совместная работа славистов и русистов из разных стран мира по подготовке единого каталога памятников славянской культуры может стать ценнейшим ресурсом для российских и зарубежных славистов, будет способствовать повышению интереса к российской

■ Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в своем рабочем кабинете в Пушкинском Доме

истории и культуре. Достойный пример являет нам Русская православная церковь, многолетний труд которой в сохранении, систематизации и широком распространении древнейших письменных памятников, включая их электронное копирование и открытый доступ к ним, показывает, что и в наших трудных условиях очень многое можно сделать.

Важной составной частью проекта «Красная книга славянской письменной культуры» должна стать страховая защита объектов культуры.

Культурный Чернобыль в России длится давно: пожары, затопления, кражи... Но нигде и никогда даже не возникало вопроса о возмещении понесенного ущерба. Никогда историко-культурное достояние не рассматривалось как материальная ценность, заслуживающая защиты... И по сей день под угрозой полного или частичного уничтожения находится едва ли не 90% уникальных объектов, имеющих мировое значение. По заключению специалистов одна из национальных святынь – Пушкинский Дом – может сгореть за 45 минут вместе со всеми архивами и коллекциями, не имеющими равных в мире. Для справки: на международном антикварном рынке каждая страница автографов А.С. Пушкина оценивается далеко за миллион долларов, а в фондах ИРЛИ не только материалы Пушкина, но, по существу, вся российская словесность и значительная доля словесности мировой. В провинциальных хранилищах даже такие весьма приблизительные оценки никогда не производились. Сфера культуры (шире – сфера гуманитарных отношений) не рассматривалась в России как сфера деятельности, подлежащая защите посредством страхования. Причин здесь несколько. Во-первых,

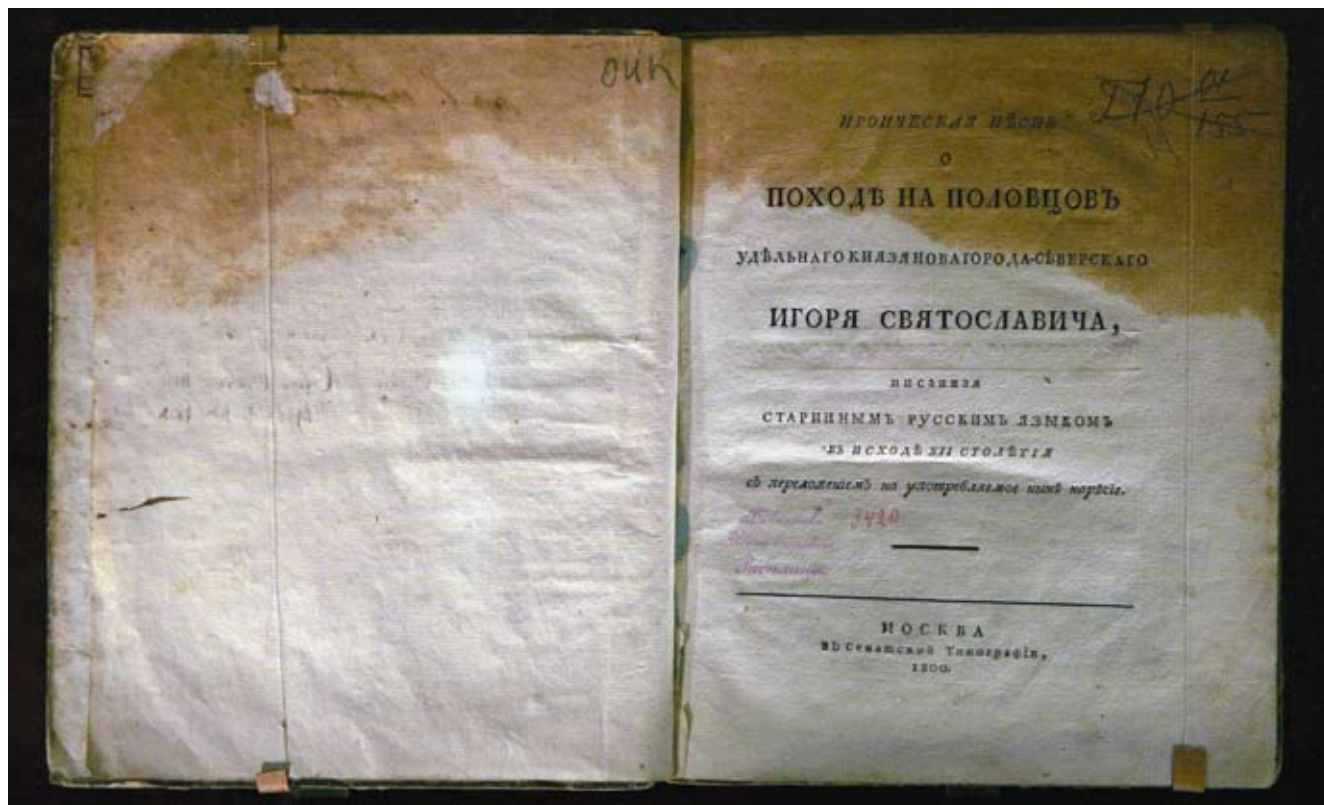
традиционное невнимание властных структур к нуждам и запросам культуры как системы общественных отношений, воплощенных во вполне реальных объектах и предметах. Во-вторых, неосведомленность страховщиков о масштабах культурного наследия и его истинном месте в сохранении, поддержании и возрождении традиций государственности, экономики, этно- и геополитики. В-третьих, чрезвычайно зыбкие и расплывчатые представления самих деятелей культуры о современных возможностях страхового дела и о полномочиях руководителей учреждений культуры в этих вопросах.

Отсутствие страхования зачастую есть замаскированная форма мошенничества, уже ставшая сюжетом для фильма и расследования Интерпола о вывозе за рубеж большой партии уникальных рукописей, рисунков и чертежей без страховой защиты на период транспортировки.

Застраховать книгу

Началом на пути к цивилизованному взаимовыгодному взаимодействию между архивами, библиотеками и музеями, с одной стороны, и страховыми учреждениями – с другой, должно стать принятие пакета нормативных актов на уровне федеральных законов об обязательном страховании объектов культурного наследия и памятников культуры. Необходимо включение в круг памятников, подлежащих обязательному страхованию, рукописных книг и документов как предметов, невозможных в принципе, а также всего состава национального архивного, библиотечного и музейного фондов.

Вместо традиционной смехотворной балансовой стоимости письменный памятник должен иметь

■ Первое печатное издание «Слова о полку Игореве», 1800 год. Ярославский государственный музей-заповедник

■ Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (справа) у памятника Кириллу и Мефодию на Славянской площади во время молебна, которым завершился торжественный крестный ход, посвященный Дню славянской письменности и культуры

цивилизированное определение страховой стоимости. И тогда станет очевидно, что суммарная ценность культурного наследия, находящегося на территории России, на порядки превышает стоимость и основных фондов предприятий, и стратегических запасов, и вооружений, и всего прочего, что воспроизводимо, повторяемо и обновляемо. Ведь ценности духовные невосстановимы в принципе, и любая попытка воссоздания некогда утраченного оборачивается фальсификатом.

Обязательное страхование должно опираться на средства федерального и местных бюджетов. Следует иметь в виду: деньги, вложенные в страховое дело, не мертвый, а работающий капитал, пригодный для использования в тех же проектах возрождения культурных традиций.

Дополнительные (при создании соответствующей нормативной базы, возможно, и основные) источники финансирования могли бы быть найдены в целевых фондах страховых компаний. Эти средства, как правило, обладают весьма высокой маневренностью уже в силу того, что страховые случаи по многим видам страхования имеют низкую вероятность (а могут и вообще не наступить). Существенным источником финансирования могут стать и средства предпринимателей. Для их привлечения, естественно, необходимо внести изменения в налоговое законодательство, которые стимулировали

бы бизнесменов вкладывать больше средств в культуру. В программе обязательного страхования объектов культуры могут объединиться интересы различных сфер и структур, до сего дня не пересекавшиеся. Ибо здесь могут «в одной упряжи» работать и естественная потребность отечественной интеллигенции в сохранении национального достояния, и государственно-патриотические устремления органов власти, направленные на возрождение величия российской державы, и деловые интересы хозяйствующих субъектов.

Хочется верить, что проект «Красная книга славянской письменной культуры» продемонстрирует всему миру культурологическое значение российской провинции, сохранившей и сохраняющей письменные памятники России и многих других славянских стран мира на протяжении нескольких столетий. И тогда на Урал, в Сибирь, Забайкалье, Поволжье и другие российские регионы устремятся многочисленные студенты, ученые, образованные люди из разных стран мира в надежде найти частички собственной культуры, свидетельства корневых межнациональных связей и самоидентификации на территории огромного гуманитарного пространства Российской Федерации. ■

* Автор – заместитель начальника управления Европы и Америки «Росзарубежцентра» при МИД РФ

«НАМ НЕ ХОЧЕТСЯ ТЕРЯТЬ РУССКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

СПОСОБЕН ЛИ ЗАРУБЕЖНЫЙ РУССКИЙ КАПИТАЛ КОНСОЛИДИРОВАТЬСЯ ВОКРУГ ЗАДАЧ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ? В КАКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОЕКТЫ ГОТОВ ОН ВКЛАДЫВАТЬ СРЕДСТВА?

Евгений ВЕРЛИН

Об этом «Русский Мир.ru» решил побеседовать с главой британской компании Eventica Сергеем Колушевым. Но отец-основатель Российского экономического форума в Лондоне сказал, что вряд ли сможет полностью ответить на все вопросы. Зато пообещал, что сделает вопрос о «русском капитале и Русском мире» темой одного из круглых столов, которые пройдут в рамках РЭФа 20–22 апреля нынешнего года.

– У нас, живущих в России, впечатление такое, что соотечественники за рубежом разобщены. Как и за рубежом русский капитал. О каких-либо эффективных объединениях, ассоциациях, как и о громких акциях, не слышно. Не пора ли консолидироваться?

– Что ж, если угодно, попытаюсь выступить «консолидатором» (смеется).

– Нет ли планов создания аналога РСПП из осевших за рубежом русских?

– Правильнее все-таки говорить россиян или даже русскоязычных. Ведь к русским в Лондоне причисляют всех выходцев из бывшего СССР. И речь идет о носителях, по сути, общей культуры и языка, схожей психологии и ностальгических воспоминаний. В том же Российском экономическом форуме участвуют не только бизнесмены из России и русские лондонцы, но и проживающие в Великобритании украинцы, казахи, грузины... Говорим мы с ними – пока, во всяком случае, – не на английском языке, а на русском!

Когда лет пять назад мы с друзьями обсуждали идею проведения русского фестиваля в Лондоне на старый Новый год, не планировали проводить его только для лондонских русских детей и молодежи. Он собрал тех лондонцев, кто говорит на русском языке, любит русскую культуру.

– Но это фестиваль, а как с консолидацией самой русскоязычной общины, бизнеса?

Дело в том, что за два-три последних года резко выросло число россиян, проживающих в той же Великобритании. Мне это хорошо видно; ведь я в Лондоне уже 17 лет живу. Это уже не 200 и не 250 тыс., а заметно больше. Кто-то переезжает сю-

ИРИНА КАЛАШНИКОВА/КОММЕРСАНТЪ

да по работе, кто-то едет по другим причинам, но факт налицо: представительство российского бизнеса в Лондоне заметно возросло.

– Как, впрочем, и за рубежом в целом...

– Действительно. К нам на форум приезжает множество россиян, работающих в Америке и разных странах Европы. Они все чаще возглавляют в своих компаниях отделы и направления, сфокусированные на работе с Россией и странами СНГ. Уже можно, на мой взгляд, говорить о феномене «глобального русского менеджера», который способен легко адаптироваться к работе в любой стране.

– И все-таки Лондон остается самым привлекательным для русских бизнесменов и нашего бизнеса...

– Причины понятны: это крупнейшая финансовая столица мира, благоприятное место для ведения бизнеса, и с налоговой точки зрения, и в плане юридической защищенности. Мне даже трудно назвать еще страну, которая привлекала бы иностранный капитал столь же эффективно, как Великобритания.

Так что наблюдаемая нами возросшая динамика вовлечения российского бизнеса в британскую экономику явление вполне закономерное. Это здоровый процесс, несмотря на чьи-то рассуждения о якобы подспудных «политических мотивах» и т.д. Я уже не говорю, что Лондон очень удобен в качестве трамплина для дальнейшей экспансии российского бизнеса на Запад. Приобретая опыт работы в Лондоне, создав здесь базу, наши соотечественники продвигаются на другие рынки. Именно сейчас этот процесс приобретает массовый характер. А значит, настал момент, когда русскому бизнесу пора обрести свой собственный голос, который должен быть услышан и принят во внимание. Вот почему можно говорить о необходимости консолидации.

– Как вы это себе представляете?

– Прежде всего, надо подумать о создании лоббистских организаций, сообществ, через которые бы мы отстаивали интересы русского бизнеса, как в правительственных, так и в экономических кругах. Да, и очень важно на нынешнем этапе грамотно работать с западной прессой. Ведь то, что происходит в России, не всегда адекватно преподносится на Западе. И если мы сможем в работе на данном поприще объединить свои ресурсы, умы и т.д., мне кажется, у нас это получится.

Здесь не следует отрываться от родины, важно, чтобы у нас были партнеры и отношения с русским бизнесом в России. Ибо мы не можем выстраивать отношения с той же западной прессой, не координируя эту работу с Россией.

– Вы где-нибудь это говорите?

– Уже начинаю, но пока в узком кругу своих знакомых, друзей. А в более широкую аудиторию собираюсь вбросить эти мысли на предстоящем в апреле очередном Российском экономическом форуме.

– А в реализации благотворительных проектов русские бизнесмены объединяют усилия?

– Пока не столь часто, но примеры есть. Так, известный в Лондоне издатель Елена Рагожина (глава медиа-группы Russian Media House. – Прим. ред.) организует благотворительные приемы, на которых собирают довольно большие пожертвования для детских домов в России. Мы в прошлом году на фестивале «Русская зима» тоже собрали деньги для ремонта православного храма неподалеку от Лондона, а на РЭФ-2007 Наталья Водянова (популярная в Великобритании топ-модель. – Прим. ред.) провела благотворительный аукцион, на котором было собрано свыше 300 тыс. евро для реализации в России ее проекта «Обнаженные сердца». В его рамках в российских городах строят прекрасно оборудованные детские площадки. Да, я тут сразу замечу, что, занимаясь благотворительными проектами, мы главным образом рассчитываем на участие в них именно соотечественников.

– Есть ли в Лондоне какие-нибудь представительные ассоциации или хотя бы клубы русского бизнеса?

– Пока нет. А вот у других национальных общин такие структуры есть. И очень даже действенные, делегирующие в органы власти своих соотечественников. Раньше не было в этом нужды. А вот сейчас

она появляется. Русский бизнес уже вырос из коротких штанишек, и настал период, когда начали задумываться, говорить вслух, и, надеюсь, откуда-нибудь возникнет инициатива. Как только она появится, думаю, начнется и конкретная работа в этом направлении. Давайте с участием фонда «Русский мир» начнем дискуссию на эту тему, и, может быть, она и станет тем первым шагом на пути к тому, что вы называете консолидацией русского бизнеса, а через него и Русского мира.

– Что нужно сделать, чтобы русские «мозги» и капиталы, которые утекли на Запад, стали возвращаться на родину? Инвестировать в человека, без которого невозможна инновационная модель развития?

– Российское правительство должно больше стимулировать эти инвестиции. Вложения в сферы, связанные с инновациями, во всем мире растут, они подкреплены разными льготами, «режимами наибольшего благоприятствования» и т.д. Как только это произойдет, сразу же и капитал соответствующий придет в Россию, в том числе наш, русский. Пока же в России никто всерьез «новой экономикой» не занимается. Если говорить о том же Русском мире, то я считаю очень важным обеспечить максимально комфортные условия для возвращения на родину тех россиян, которые получили образование на Западе. Важно, чтобы русский капитал при грамотном содействии со стороны государства, может быть, даже при правительственных льготах, искал их, приглашал, предлагал заманчивые должности и перспективы роста.

– А сейчас что, не приглашают?

– Массовым такое явление не назовешь.

– У ребят, которые оканчивают университеты и бизнес-школы на Западе, есть готовность вернуться и работать в России?

– Не у всех, но есть. Просто надо с ними работать, тем более что у наших работодателей мощные конкуренты: западные компании окончательно избавились от предубеждений и с удовольствием берут россиян на работу.

– Общеобразовательные средние школы за рубежом русский бизнес создавать собирается?

– Это острый, даже болезненный вопрос. Нужны школы, с одной стороны, вписывающиеся в стандарты принимающей страны, а с другой – имеющие в качестве дополнительных предметов русский язык и литературу. Пока же дети большинства наших соотечественников ходят в местные школы, постепенно отрываясь и от русского языка, и от своих корней.

– Я знаю людей в Нью-Йорке, чьи дети общаются с московской бабушкой... через переводчика.

– И я таких, увы, знаю. Думаю, наилучший путь – это создание воскресных школ при православных приходах. Я бы с удовольствием отвозил своих детей в такую воскресную школу, будь она рядом.

– Так зачем же дело стало? Соберитесь с друзьями в Лондоне и создайте такую школу.

– Вот об этом русским бизнесменам и надо бы поговорить. Нам ведь не хочется терять свою русскую идентичность, пусть даже во втором и третьем поколениях. А раз не хочется, значит, придется создавать условия для ее сохранения. ■

КАКУЮ ДОРОГУ БУДЕМ МОСТИТЬ БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ?

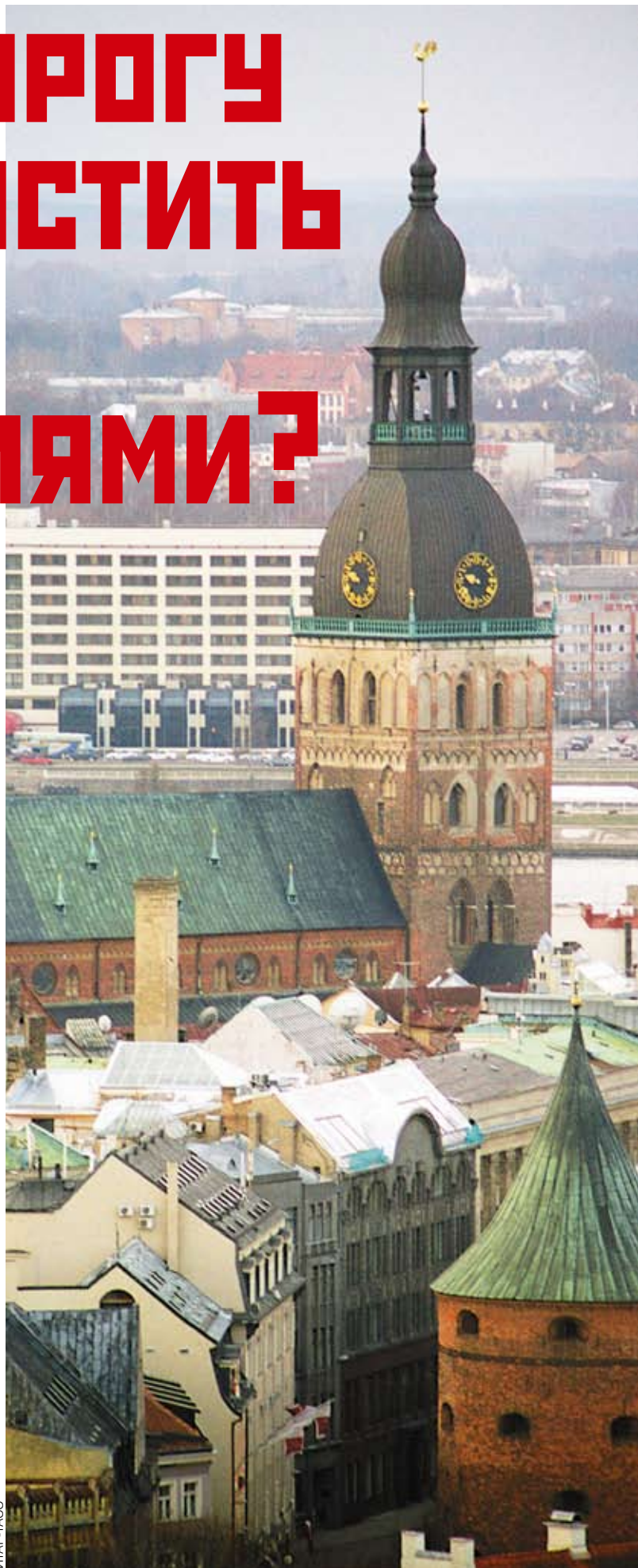
**РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПОСЛЕ ПЕРВОЙ АССАМБЛЕИ
РУССКОГО МИРА, ПРОШЕДШЕЙ
В НОЯБРЕ 2007 ГОДА**

Ирина КОНЯЕВА

Главное впечатление после возвращения из Москвы: Россия воскресает. Вспоминаю Красную площадь зимой в начале 90-х – под завывание ветра кружатся колющие снежные мушки, пустынно, лишь под разухабистую гармонь пьяньегого мужичка несется в каком-то диком ликовании хоро-вод из нескольких десятков нетрезвых подростков... На Тверской стихийные торговые ряды, толпы бритоголовых братков и ночная линейка проституток, жмурящихся под светом фар блестящих джипов. Падение в бездну. И кажется, уже не за что зацепиться.

Но бросилось в глаза и другое – вокруг храмов было какое-то непривычное оживление. Зашла в одну из церквей. Старики и молодые, одетые не по правилам, с сосредоточенными лицами подходят к иконам. Кто крестится, кто просто ставит свечу. Тихо и в то же время ощущение безмолвного направленного действия. В храм идут с сокровенным, личным. А что может быть более личным, чем спасение своего мира? Мы это поняли не сразу, а когда поняли, спохватились. И, кажется, отмолили страну. Без революции, массовых акций протеста – молча напряглись в своем нежелании погибать. И появилась надежда.

Вспоминается анекдот начала эпохи перемен, всего из трех слов: «Перестройка, перестрелка,

ИТАР-ТАСС

перекличка». Мы, кажется, дожили до переклички. Фонд «Русский мир», который учрежден в Москве по указу Владимира Путина, начал собирать тех, кто считает себя принадлежащим к этому миру. Исполнительный директор этой новой общественной организации Вячеслав Никонов на Первой ассамблее Русского мира, проходившей в Интеллектуальном центре Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, так и сказал: пришло время собирать не земли – людей.

Русский мир сегодня, может быть, как никогда прежде стал наднациональным. Когда на свой съезд собрались русские Германии, то оказалось, что они представлены в основном одесскими евреями, украинцами из Сибири и казахстанскими немцами. Тем не менее есть ощущение общности. Она многослойна: ядро, основа – в России, ближний круг – постсоветское пространство, еще один пласт – иноязычные друзья, которые откликаются на русское слово, приветствуют тот тип общения, что исходит от Русского мира во взаимоотношениях с другими народами.

Те, кто относит себя к Русскому миру, легко понимают друг друга, когда речь идет об идеале. Почему же мы, при всем ощущении этого основополагающего единства, так бились между собой на протяжении последних десятилетий? Красные и белые, демократы и патриоты – размежевание настигало нас там, где мы выбирали средства для достижения своей мечты о гармонии. Вот и на ассамблее прозвучало: нам осталось преодолеть последнее противоречие – «не должно быть в Русском мире демократов-непатриотов и патриотов-недемократов». Это – отражение того процесса, когда по-разному понимаемое стремление к ладу оборачивается разладом, путь поиска согласия оканчивается разногласием. Пожалуй, нигде нет одновременно такого единства и таких противоречий, как в Русском мире. Мы в абсолютном большинстве едины в своей любви к России, но при нескольких многочисленных волнах русской эмиграции нигде нет пророссийского лобби. Нет сплоченных общин: мы любим Россию по-разному, у каждого из нас своя правда, поэтому мы плохо понимаем друг друга, когда речь идет о выборе средств для достижения общей цели.

Фонд «Русский мир» заявлен как организация вне идеологии. А возможно ли при этом достижение мечты, которая неотделима от идеала? Впрочем, оставим пока этот вопрос. В качестве общей платформы единения Русского мира обозначены популяризация и поддержка программ изучения русского языка. Если судить по организационной структуре, деятельность фонда будет согласована с работой других общественных организаций, которые решают сходные задачи, – прежде всего с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Ее глава, президент Санкт-Петербургского университета Людмила Вербицкая, назначена председателем попечительского совета фонда «Русский мир». МАПРЯЛ уже имеет свои подразделения в нескольких десятках стран мира и активно распространяет передовые методики обу-

чения языка среди иностранцев, организует повышение квалификации преподавателей, выпускает специализированную литературу. И представляет собой уже оформившуюся структуру со своими традициями и технологиями решения проблем. Судя по тому, что одним из соучредителей фонда выступило российское Министерство образования и науки, которое на ассамблее представлял министр А. Фурсенко, фонд активно будет финансировать проекты в образовательной сфере.

Русский язык по числу говорящих на нем занимает 4–5-е место в мире. В последние годы в странах Восточной Европы он переживает настоящий ренессанс. Можно не сомневаться, что за этим стоят прежде всего деловые интересы: Россия становится сильнее. Вот и в Латвии на днях я увидела в статистических данных отражение той же тенденции – при всем том, что русский язык в последние годы переживает нелегкие времена, число изучающих его латышей увеличилось почти втрое. Свою роль тут сыграл и внутренний фактор. Выяснилось, например, что выпускники латышских школ, окончившие престижные западные вузы и хорошо владеющие европейскими языками, не могут найти себе адекватную работу в Латвии, – потому что значительная часть населения здесь по праву клиентов предпочитает русский язык.

В очередной раз по кругу?

Сами того не замечая, мы все время вступаем в противоречие. А именно: воспринимая и позиционируя язык как явление культуры, боремся за него исключительно политическими средствами. Фонд «Русский мир», как было заявлено, не станет заниматься политикой, но в то же время будет настаивать на том, чтобы в странах, где более одной трети населения говорит на русском языке, он имел особый юридический статус. Эту позицию буквально через несколько дней после завершения ассамблеи подтвердил представитель российского МИДа, который заявил, что в Латвии русский язык должен стать официальным. Реакция последовала незамедлительно. МИД Латвии расценил это как вмешательство во внутренние дела, национал-радикалы в очередной раз получили повод для пиара и в полной мере им воспользовались, поставив нас в известность, что, пока они живы, русскому языку никакого статуса не видать. В результате все осталось при своем: с одной стороны, была заявлена принципиальная позиция, с другой – дан отпор, и суверенитет страны устоял.

Русские Латвии к этим словесным баталиям, которые вот уже полтора десятка лет не приносят никакого реального результата, теперь относятся довольно равнодушно. Иногда настораживаются: очередная резкая перепалка может дать повод для какой-нибудь новой реформы, в результате чего пространство Русского мира еще больше сократится.

Как известно, дипломатия есть искусство возможного. Неужели за весь постсоветский период так и не пришло понимания, что добиться официального статуса для русского языка через полити-

ИТАР-ТАСС

■ Рига. Митингующие требуют предоставить русским школам право выбирать язык обучения

ческое продавливание в нынешних условиях стран Балтии нереально?

За все то время, что русский язык в Латвии разными способами «наказывался», мы не выработали никаких способов защиты, кроме протестных. Пик борьбы пришелся на период школьной реформы. Чтобы отстоять право учиться на родном языке, объединились взрослые и дети, всеми способами пытались не допустить деградации русского образования общественность и оппозиционные политические силы. Под напором организованного протеста власть почти дрогнула, но самая массовая акция, на которую рассчитывал штаб защиты русских школ, в начале учебного года провалилась. Можно бросить упрек русской общине в том, что она не нашла в себе сил дойти до конца, но нужно помнить и о том, что в том году 1 сентября случился Беслан. Тогда мы еще раз ощутили, какими незримыми, но прочными нитями связан между собой Русский мир. Два события наложились одно на другое, и свои беды ушли на второй план – мы переживали трагедию в Осетии как свою. Можно сказать, что международный терроризм не только убил детей в России, но и по стечению обстоятельств похоронил надежды русских в Латвии на отмену школьной реформы.

Сегодня очевидно, что протестные формы сопротивления не принесли желаемого результата.

Значит ли это, что мы должны отказаться от борьбы за сохранение, а может быть, и за восстановление позиций русского языка? Конечно, нет, но добиваться своих целей через политическое продавливание, требования и ультиматумы означает не только результат, противоположный желаемому, но и попрание той основы Русского мира, на которой базируются единение, братство народов, ощущение лада и гармонии. На последних выборах в Латвийский сейм большинство русских избирателей отдали свои голоса партии, которая отказалась от радикальных лозунгов. Может быть, потому, что Русскому миру и в Латвии, и в России ближе такие понятия, как согласие, единство, ощущение того, что в своем стремлении к самоутверждению при всех противоречиях нужно считаться с миропониманием других народов.

В обустройстве Русского мира зарубежья, особенно в тех странах, где язык оказался «наказанным», нужны новые, созидательные технологии. Они не должны вызывать возражения у народов, которые соприкасаются с Русским миром. В то же время эти технологии должны дать нам, русским, иное, лучшее качество. Они есть основа конкурентоспособности и сохранения своего особого ощущения времени и пространства. Эти технологии мы сможем создать, когда всерьез задумаемся о сохранении своей культуры.

Споете, друзья?

Девятое мая в Латвии – народный русский праздник. И хотя это не красный день календаря, в Риге с утра до вечера к памятнику воинам-освободителям идут люди разных возрастов и из разных социальных слоев. В последние годы рядом с памятником устанавливают эстраду, и самые разные песни – классика и военных, послевоенных лет – звучат с утра до вечера. Старшее поколение с удовольствием подпевает, а молодежи вокруг хоть и полно, но все молчат. Рады бы запеть, да слов не знают. Каждый год хожу к памятнику и всякий раз удивляюсь: почему никому в голову не придет простая мысль отпечатать в маленькой брошюрке десяток-другой текстов самых популярных песен, чтобы мы все могли когда-нибудь спеть хором?

Несколько тысяч тоненьких книжечек и один ведущий на сцене – невелики затраты, но с этого может начаться наша песенная традиция.

У латышей есть прекрасный национальный праздник песни и танца, настоящий становой хребет их культуры, который объединяет всю нацию. Недавно этот праздник американские латыши начали проводить и в Штатах. У нас нет ни одного культурного явления такого рода. Для этого есть, конечно, исторические причины. Во времена советской власти государство было озабочено созданием в национальных республиках системы культуры титульных наций – так оно воплощало на практике идеи интернационализма. Русской культурой вне России тогда никто не занимался, в лучшем случае у нас были свои секции в некоторых творческих союзах. После разрушения СССР русские в зарубежье остались, по сути, ни с чем. Силами одной только общественности стартовать с пустого места очень сложно. Сложно потому, что нужно выстраивать Русский мир культуры как систему, а это разрозненным общественным организациям просто не под силу.

В последнее время у меня создалось впечатление, что наше латвийское Министерство культуры приветствует привозной культурный продукт из России, но вместе с тем не проявляет заинтересованности в создании условий для воспроизводства русской культуры в самой Латвии. Такая двойственность создает видимость активной культурной жизни, когда русские могут удовлетворить свой спрос на культуру, например, через гастроли лучших российских театров. Но когда мы перестаем воспроизводить местный культурный продукт, мы начинаем медленно, незаметно для постороннего глаза сдавать свои позиции.

Для полноты картины нельзя не сказать о том, что в Латвии государственные вузы больше не готовят кадры для русских школ, а это в самом ближайшем будущем ударит по русской общине гораздо сильнее, чем отсутствие официального статуса у нашего языка. Учебный процесс государство держит под контролем, и все жалобы на снижение качества знаний в русских школах упорно игнорируются. В результате мы имеем вполне реальную опас-

ность постепенного перемещения Русского мира в Латвии в среду парикмахеров и автослесарей.

Но если русский язык целенаправленно теснят в учебном процессе, то он должен вернуться в среду молодежи иным способом – через создание культурной традиции.

Что такое вообще традиция? Это опыт, знания, навыки, которые востребованы следующими поколениями. Раз нам мешают передавать свой опыт и миропонимание через систему образования, значит, надо компенсировать это через культуру и укреплять русский язык через театральное, исполнительское искусство и литературное творчество. Именно через создание традиций в культуре удобнее всего связать большой Русский мир России и мир зарубежных общин.

Для этого в первую очередь надо знать о состоянии среды Русского мира в каждой стране. Фонд заявил, что поддержит подвижников. Замечательно, но давайте с помощью того, что ими уже создано, сложим некую систему. Ее можно реализовывать по частям с использованием технологии грантов. Но отдельные проекты можно связать между собой и органично встроить в общее культурное пространство согласно продуманной заранее концепции. И главным посылом может быть акцент на молодежной среде, потому что это – будущее. Скажем, если взять сферу исполнительского искусства, наша заинтересованность должна проявляться в поддержке детских театральных студий. Как? Через фестиваль – например, их можно связать с русским рижским театром и гастролями российских театров или антреприз, стимулировать проведение мастер-классов – дети подскажут, что им нужно прежде всего.

Это касается и литературных объединений. Преимущественно они живут за счет прежнего потенциала. У людей, которым сейчас за сорок, был сформирован вкус к слову. Значит, их долг перед Русским миром в том, чтобы потребность в овладении литературным языком не утратилась в следу-

ИТАР-ТАСС

■ **Андрей Крутой из 5-го класса частной русской гимназии «Максима» номинирован на специальную премию за чтение русской классики**

ющем поколении. Им нужен ресурс, чтобы искать способных молодых людей и давать им возможность реализоваться – скажем, через поэтические чтения или литературные студии, через сборники и периодические издания.

Убедена, работа такого рода не встретит возражения в иноязычной среде. Помню, в Резекне, на родине писателя Юрия Тынянова, мне рассказывали, как латышские фирмы помогали финансировать проекты для русских детей – дали деньги на литературный сборник, подарки победителям конкурса детского рисунка. Там, где русский язык будет входить во внешний мир через красоту и утверждение гармонии, он найдет понимание и сторонников в пространстве культуры.

Несколько лет назад все Прибалтийские страны, включая Латвию, ратифицировали Международную конвенцию ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия». Этот документ впервые заявляет об охране языка – но только в качестве носителя нематериального культурного наследия. То есть международное сообщество признает язык культурной ценностью лишь в том случае, если он служит поддержке культурных явлений – от обычаев и обрядов до празднеств и исполнительского искусства. Ни для одного языка не предусмотрено привилегий, которые каким-либо образом зависели бы от его статуса в государстве. Что еще очень важно – главным действующим лицом при реализации этого документа наравне с государством выступают сами носители нематери-

альной культуры, которые могут быть оформлены в том числе и в неправительственные организации.

Есть в этом документе ЮНЕСКО и другие существенные нюансы. Например, прежде чем наследие будет взято под охрану государства, оно должно быть идентифицировано и задокументировано. Это означает, что мы не можем сказать – раз, дескать, мы носители языка Пушкина, следовательно, наш язык в Латвии должен быть автоматически взят под охрану. Нам необходимо показать себя в качестве носителей живой культурной традиции, которая образовалась на местной почве. То есть вопрос воспроизводства культуры в данном случае наиважнейший.

Русская культура в Латвии имеет исторические традиции – в первую очередь благодаря трехсотлетней культуре староверов. Опираясь на их наследие, мы можем сделать первые шаги в реализации Конвенции ЮНЕСКО. Если будет реализован соответствующий проект, возможно, мы обнаружим и другие культурные явления, которые можно будет идентифицировать согласно требованиям этого документа. В этой работе не обойтись без специалистов – культурологов, историков, но она стоит того. Через международное право вполне реально поднять вопрос об охране русского языка как носителя культурного наследия и на этом основании добиваться возвращения его в школу в необходимом объеме.

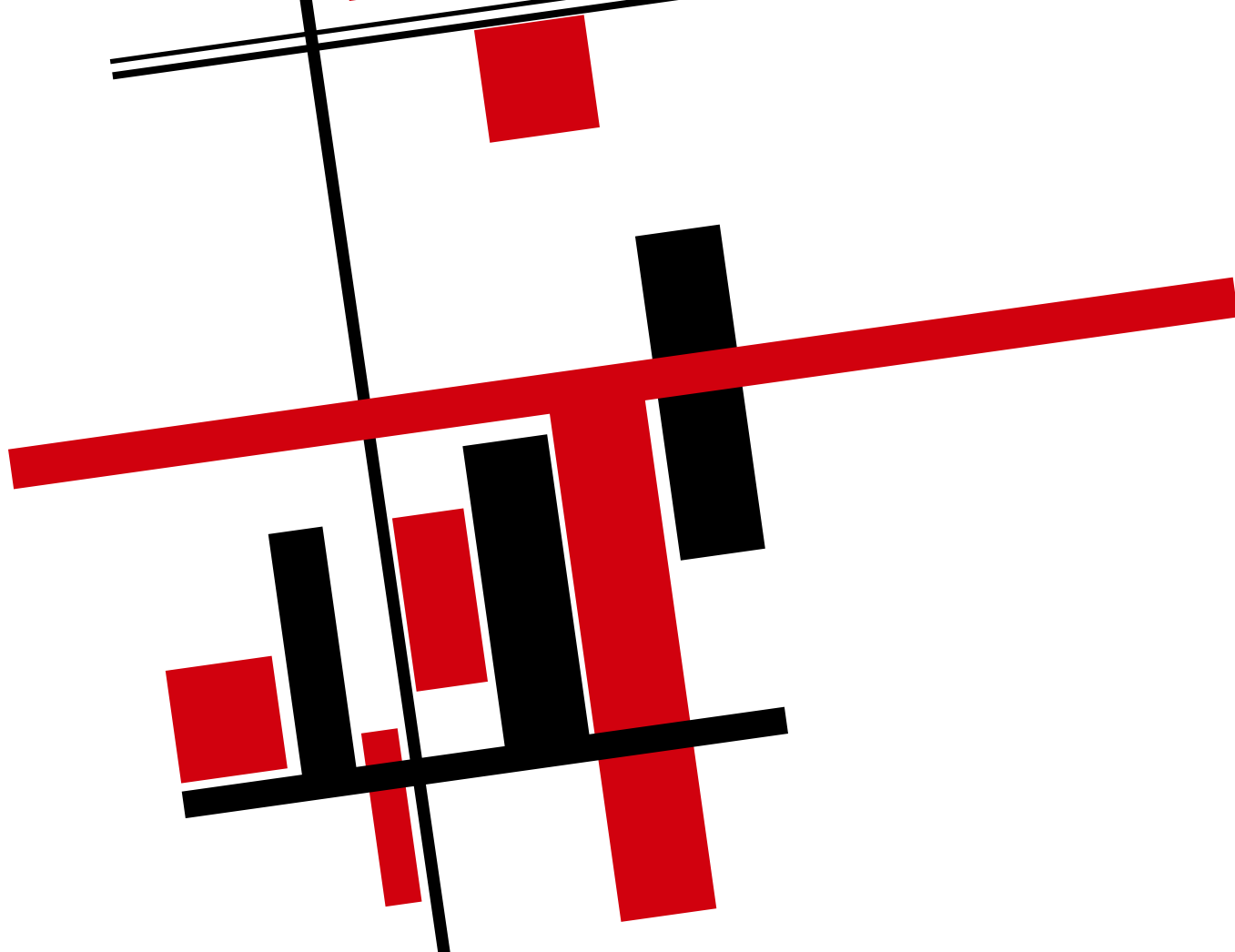
...У языка, как у каждого явления жизни, две стороны. Если он перестанет быть носителем культуры, то может выступить в роли ее разрушителя. Как заметила в своем выступлении на ассамблее руководитель Русского культурного центра в Вильнюсе Татьяна Ясинская, нецензурная русская брань стала настоящей отравой для литовского языка. Ту же картину засорения языка мы наблюдаем и в Риге. Не лучше ситуация повсеместно в среде русской молодежи. Это объяснимо: когда культура утрачивает свои позиции, наглядно проявляется безобразие.

Его не скроешь через применение пиар-технологий. Чтобы сформировать желаемое представление в мире о такой огромной стране, как Россия, нужны колоссальные средства, и неизвестно, дадут ли они ожидаемую отдачу. Русский мир разбросан сегодня по всей планете. О нас судят по тому, как мы говорим, как держимся, как выглядим, как смотрим на мир. Те материальные возможности, которые сегодня появились у российского государства, убеждена, лучше всего употребить на улучшение самих себя.

Как? Способов много, и мы стоим на распутье, как в сказке – у камня и трех дорог. Одна из них – это путь культуры. Тут у нас неоспоримый исторический приоритет. Наш зарубежный соотечественник художник и общественный деятель Н.К. Рерих несколько десятилетий назад инициировал подписание первого международного договора в области защиты культуры. Он так и называется – Пакт Рериха. Пойдем ли мы путем культуры сегодня – это вопрос нашего выбора.

НАСЛЕДИЕ

РУССКИЙМИР.RU

ОСЕННИЙ СОН О ПРИДУМАННОМ СЫНЕ

«...Вся она, может быть, знак. Знак, что приблизилось время», – писал об этой поэтессе теоретик искусства, художник и музыкант Михаил Матюшин. Ей прочили славу и признание, считая, что она – необычное, почти непонятное в условиях современности явление. Но этим прогнозам не суждено было сбыться...

Ирина ЛУКЬЯНОВА

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.З.ГОЛОВАРЕВЫМ

В 1912 году у Элеоноры фон Ноттенберг умер сын. Материнская тоска стала стихами – скорбными, спокойными и сильными.

*...Дитя мое, дитя хорошее,
Неумелое, верное дитя!
Я жизни так не любила,
Как любила тебя.*

*И за ним жизнь уходит –
Это ничего.
Он лежит такой хороший –
Это ничего.*

*Он о чем-то далеком измаялся...
Сосны, сосны!
Сосны над тихой и кроткой дюной
Ждут его...*

*Не ждите, не надо: он лежит спокойно –
Это ничего.*

«Ее стихи на смерть единственного сына, такие простые и страшные, нельзя читать без участия», – писал Корней Чуковский, один из лучших литературных критиков Серебряного века.

А никакого сына, «незабвенного В.В. Ноттенберга», никогда не было. Его придумала Елена Гуро, художница и поэт. И написала о его смерти так, что не поверить было невозможно. И все поверили: и критики, и искушенные литературоведы, которые даже уверяли иногда, что Гуро и зовут-то настоящему Элеонорой фон Ноттенберг.

Литературные мистификации – дело обычное, тем более для Серебряного века: кто только не примерял на себя разные маски! В 1912 году, когда вышел под-

писанный пышным немецким именем сборник «Осенний сон» со стихами об умершем сыне, еще не забылась грустная история с разоблачением самой красивой мистификации в русской литературе – Черубины де Габриак. Рыжекудрая католичка (судя по самоописаниям) потрясла весь литературный Петербург изысканными и странными стихами, поразила сотрудников «Аполлона» почтовой бумагой в траурной рамке, засушенными цветами в конверте, загадочной биографией. И вдруг обнаружилось, что под аристократической маской Черубины скрывалась некрасивая хромая учительница Елизавета Дмитриева.

«Элеонора фон Ноттенберг» звучит почти так же роскошно, как «Черубина де Габриак», а Гуро и Дмитриеву связывала добрая дружба. И что самое жуткое, у Черубины-Дмитриевой в стихах (хотя и более поздних) тоже присутствует умерший ребенок. «Бледная девочка», Вероника, «детский профиль на белых подушках», «Смерть, как призрак белой дамы, встретилась с тобой и, отняв тебя у мамы, увела с собой»...

Впрочем, с Дмитриевой хоть что-то понятно – настолько она была проникнута общим духом тогдашнего литературного жизнотворчества. Ее Вероника – условна и литературна, может быть – навеяна Гейне, может быть – вымечтана и похоронена, как несостоявшийся вариант жизни, неродившийся ребенок от романа с Максимилианом Волошиным. Но зачем нежной, милой Елене Гуро, жившей в спокойной Финляндии, вдали от страстей и маскарадов петербургской литературной богемы, зачем ей-то было репетировать самую страшную для женщины роль – роль матери, лишившейся ребенка? Почему ее плач о сыне так ужасающе убедителен?

Тишайшая футуристка

Жизнь ее была не слишком длинной и не очень богатой бурными событиями; биографию можно рассказать в нескольких строчках. Но недолгие годы были насыщены таким интенсивным творческим поиском, что хватит на целую книгу. Елена Гуро родилась в 1877 году в семье полковника, рано стала писать стихи и рисовать и в 13-летнем возрасте поступила в Рисовальную школу при Императорском обществе поощрения художников в Петербурге. Вскоре она познакомилась с художником и музыкантом Михаилом Матюшиным, за которого потом вышла замуж. Вместе с Матюшиным училась у Ционглинского; вместе с ним ушла от учителя-импрессиониста в другую студию, где преподавали Бакст и Добужинский. Прошла через увлечение импрессионизмом, символизмом, мирискусниками, искала собственные пути – и наконец выработала свою характерную манеру. Ее графика легко узнается: незавершенные наброски, которые стараются поймать что-то главное. Нежная, прозрачная, светлая живопись. А когда она начала писать стихи – они оказались такими же трогательными, светлыми, недосказанными.

Первые ее опыты – и в иллюстрации, и в прозе – никакой славы автору не принесли; правда, ее первую книгу, «Шарманка», которая вышла в 1909 году, заметили и одобрили люди самых разных литератур-

■ Михаил Матюшин

ных вкусов, от строгого символиста Вячеслава Иванова до оглушительно-нахального футуриста Давида Бурлюка. Сочетание нежной музыкальности со смелым формальным поиском пришлось по душе и тем, и другим. Но публика на книгу не обратила внимания. Сила и своеобразие неяркого и светлого, как северное лето, дарования Гуро и в самом деле оказались очевидны только самым чутким. Тираж книги не разошелся, Гуро сама рассылала ее по библиотекам тюрем и санаториев; трогательно, безумно и безнадежно – тюремная библиотека самое место для ее «совушек фонариков» и «звезд золотой бумаги».

Заметили те, кто мог заметить. Гуро могла примкнуть и к символизму, и к футуризму: оба течения были ей близки. Символизм был чуток к таинственному, внимателен к музыке и краскам; молодой футуризм яростно искал новой выразительности. «Каждый молод, молод, молод, в животе чертовский голод, все, что встретим на пути, может в пищу нам идти!» – писал Давид Бурлюк. И пищей для творчества футуристов действительно становилось даже самое неперевариваемое: земля, навоз, весенняя грязь, городские фабрики, рычание моторов, перезвон колоколов...

Гуро сделала свой выбор: примкнула к «Гилее» – самой скандальной группе российских футуристов, куда входили братья Бурлюки, Алексей Крученых, Велимир Хлебников, Василий Каменский.

К этому времени у нее умер отец, дослужившийся до чина генерал-лейтенанта. Дочери назначили солидную пенсию, и на генеральские деньги стали выходить сборники «Гилеи». Футуристы собирались у Матюшина и Гуро – сначала в Петербурге на Песочной, потом в финском поселке Уусикирк-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ИЗОПТАРЕВЫМ

■ **Елизавета Дмитриева (Черубина де Габриак)**

ко. Вели теоретические споры, принимали манифесты, а Гуро незаметно, молча присутствовала, но удивительным образом сцементировала эту громкую компанию. Сама она ни скандальностью, ни буйством не отличалась, напротив, к ее имени крепко прирос кем-то данный эпитет «тишайшая». И в самом деле, что это за кубофутуризм:

*...И танцует кадрили котенок
В дырявом чулке,
А пушистая обезьянка
Качается в гамаке...*

И «счастливые мандарины» на елке, и «застенчивый шум капель» – все это бесконечно далеко и от «Дыр бул щыл» Крученых, и от бурлюковского «наплевать!». Критики искренне не понимали, что Елена Гуро делает среди этих молодых людей с их грохотом, их нигилизмом, их эпатажем и презрением к хорошим манерам. «Гуро вся – тоска и молитва, где же ей барабаны, шиши и пощечины?» – восклицал Корней Чуковский.

Но ведь русский футуризм – это не только сбрасывание Пушкина с парохода современности, не только мрачный рык молодого Маяковского – «Это душа моя клочьями порванной тучи в выжженном небе на ржавом кресте колокольни!» Это и умная лирика Николая Бурлюка, и смелые, лихо сдвинутые – под стать громозвучным товарищам – образы Елены Гуро: «Воробьи пищат в весеннем опрокинутом глазу»... Это и завораживающая заумь Хлебникова, который был особенно близок к Гуро. И роднившая многих футуристов любовь ко всему живому, растущему, дышащему. И не эту ли нестерпимую, до муки, любовь мы найдем под стальной броней у Маяковского?

«Что нужно выразить? – записывала Гуро в дневнике. – Мир в окраске материнской нежности. Флюид любви. Флюид героизма и нежности, искреннюю неловкую обнаженность юности – до дна, что ставит вещь вне литературы».

Она умела смотреть на мир так, как не умел никто другой. Умела заметить его крохотные повседневные радости: разомлевшего кота, у которого «от лени и тепла разошлись ушки», росток земляники, весенние ивы. Умела приласкать взглядом всех, кому особенно нужно человеческое тепло: бродячую собаку, ребенка, случайного прохожего под дождем, замерзшую девушку в большом городе.

Ее вторая книга, «Осенний сон», вышла в свет, когда у автора уже обнаружилась лейкемия. Умирала Гуро долго и мучительно. Книга получилась бесконечно грустная, прощальная – о том, как печальна, нелепа и прекрасна жизнь. В ней-то и опубликованы жуткие своей смертельной тишиной стихи о сыне. Вся книга – о жалости к людям, которым тяжело, сиротливо и неуютно в больших городах, среди «картонной пустоты» глаз под модными шляпами. Кто соберет эти озябшие души, кто поймет их, кто их согреет? Вот она пишет о человеке, который стоял у вокзала в темноте под дождем, а через три дня умер:

«Это был мой сын, мой сын, мое единственное, мое несчастное дитя.

Это вовсе не был мне сын, я его и не видала никогда, но я его полюбила за то, что он мок, как бесприютная птица, и от глубокого горя не заметил этого».

Так и появился в ее стихах плач по умершему сыну – по несчастным людям, по бесприютному миру, который так больно оставлять. Раз больше некому, она сама его усыновила. Для каждого нелепого персонажа у нее хватит материнской ласки, все они ей как дети. А когда начинаешь понимать, откуда появилось в ее поэзии умершее дитя, – тут и сама она прямым текстом это подтверждает:

«А теплыми словами потому касаюсь жизни, что как же иначе касаться раненого? Мне кажется, всем существам так холодно, так холодно. Видите ли, у меня нет детей, – вот, может, почему я так нестерпимо люблю все живое.

Мне иногда кажется, что я мать всему».

Нежность обреченного

Публика не стала вникать в философские тонкости – приняла стихи за чистую монету: мать плачет по сыну, да, очень трогательно. Гуро вообще не очень знали и не слишком хорошо понимали: гремучей славы гилейцев ей не перепало. И ее, и Николая Бурлюка, и отчасти даже Хлебникова, гениальность которого осознали куда позже, – всех совершенно заглушили более громкие собраты – Давид Бурлюк, Маяковский, Крученых... Скандальность кубофутуристов, конечно, сделала им замечательную рекламу, но и серьезно повредила: редкие современники заметили то действительно ценное, что нес русский футуризм, –

его лирическую силу, его смелость, новизну его поэтического языка, неожиданный взгляд на мир... Разглядели только жажду разрушения, обойную бумагу сборников, их дикие названия: «Засахаре кры», «Дохлая луна»... Но даже не потому Гуро осталась незамеченной, что не ругалась с публикой, не носила желтой кофты, что ее не выводили из зала приставы. Просто когда футуризм начал входить в моду, она уже отошла от теоретических споров и выступлений: она умирала. Желавшая обогреть всех, сама мерзла, уходя в долину смертной тени. Писала в одном из последних стихотворений:

*Я смертной чертой окружена.
И не знаю, кто меня обвел.
Я только слабею и зябну здесь.
Как рано мне приходится не спать,
Оттого, что я печалюсь.*

В ее книгах – нежность обреченного; через тридцать лет Ольга Берггольц замечала ту же страдальческую ласку в пристрастии умирающих от дистрофии блокадников к уменьшительным суффиксам: «хлебушек», «водичка». Это не Элеонора фон Ноттенберг тосковала о «незабвенном сыне» – это Елена Гуро, расставаясь с миром, прощалась со всем, что так любила и не смогла уберечь своей любовью.

Молодой футурист Бенедикт Лившиц, заехав с друзьями-гилейцами к Матюшину и Гуро за несколько месяцев до ее смерти, запомнил ее отрезанной от всего, излучающей «умиротворенную прозрачность человека, уже сведшего счеты с жизнью».

Умерла Гуро в 1913 году – последнем мирном году России. Через год увидел свет ее посмертный сборник «Небесные верблюджата» – стихи о материнской любви ко всему юному, долговязому, трогательному. «Плащ милосердия падает на весь животный мир, и люди заслуживают жалость, как небесные верблюджата, как гибнущие молодые звери с золотистым пушком», – писал о книге Хлебников.

Каждый, кто брался писать о Елене Гуро, обязательно подчеркивал: ее еще не знают, но обязательно узнают, ее время еще придет, ее поймут и оценят. «Вся она, как личность, как художник, как писатель, со своими особыми потусторонними путями и в жизни и в искусстве – необычное, почти непонятное в условиях современности явление, – писал о ней Михаил Матюшин. – Вся она, может быть, знак. Знак, что приблизилось время».

Но время приблизилось такое, что скромная лирика Гуро оказалась невостребованной, а затем и вовсе забытой. Ее имя заслонили другие имена, ее тихую музыку задавили лязг и грохот, ее мир уничтожили война и революция.

Остались стихи. Вячеслав Иванов говорил: «Тех, кому больно жить в наши дни, она, быть может, утешит. Если их внутреннему взгляду удастся уловить на этих почти разрозненных страничках легкую, светлую тень – она их утешит».

И она утешает:

*Ты моя радость.
Ты моя вершинка на берегу озера.
Моя струна. Мой вечер. Мой небосклон.
Моя чистая веточка в побледневшем небе.
Мой высокий-высокий небосклон вечера.* ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

■ Просмотр работ школы Матюшина (на мольбертах) и учеников Малевича (на стенах).
Второй слева – Казимир Малевич. На переднем плане – Михаил Матюшин

ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО АВАНГАРДА

Весной 1988 года из Парижа в Москву было доставлено несколько сотен работ, многочисленные папки с архивами, рисунками и графикой М.Ф. Ларионова и Н.С. Гончаровой из парижской квартиры художников, которая располагалась в Латинском квартале

Елена ЧЕРЕМНЫХ

Тысячи единиц хранения, поступивших тогда в Третьяковскую галерею, это творческое наследие Ларионова и Гончаровой. Его завещала Советскому Союзу вторая жена Ларионова, Александра Клавдиевна Томилина. Принимал и систематизировал коллекцию специалист по творчеству Ларионова-Гончаровой искусствовед Глеб Геннадьевич Поспелов.

Михаил Федорович и Наталья Сергеевна жили во Франции с 1915 года до смерти Гончаровой в 1962-м, Ларионова – в 1964 году. Их личный союз распался вскоре после переселения во Францию. Но семейный очаг и теснейшее творческое содружество сохранялись. У обоих были и новые привязанности. В 1921 году, когда кто-либо из художников покидал Париж, в переписке Гончарова передавала поклоны Шурочке, Ларионов – Оре.

Оря – Орест Иванович Розенфельд, русский меньшевик, в эмиграции французский социалист. В 20-е годы Розенфельд издавал, даже финансировал из своего адвокатского жалованья социа-

ЖИВОПИСИ

FOTOBANK/GETTY IMAGES

■ Наталья Гончарова и Михаил Ларионов. 1956 год

листическую газету *Populaire*, а на его остатки материально поддерживал обоих нищих художников. (Позднее он угодит в нацистский концлагерь.)

А Шурочка – это Александра Томилина, соседка художников по лестничной клетке. Служащая одной из парижских библиотек в 20-е годы Александра Томилина стала бессменной натурщицей Ларионова, ломкими линиями фигуры безупречно подходившей к его тогдашнему «субтильному» стилю. В 50-е, когда Ларионова разбил паралич, она стала такой же бессменной сиделкой. И на многие десятилетия оказалась верной спутницей художника, преданной его творчеству и после смерти Михаила Федоровича.

В категориях нынешней жизни не объяснить ту общность поклонения искусству, которая связала судьбы этих людей. В конце 50-х Ларионов и Гончарова официально зарегистрировали брак, чтобы в случае смерти сделаться наследниками друг для друга. А после кончины Гончаровой с той же целью – не допустить распыления наследства – Ларионов женился на Томилиной, ставшей общей наследницей художников. Излишне говорить, что последние годы жизни Гончарова и Ларионов не расставались с мыслью о возвращении картин в Россию. Самим вернуться в Россию им не было суждено.

Многолетний труд по сохранению наследия был начат Александрой Томилиной с наведения поряд-

ка в «художественном хаосе» до предела загроможденной квартиры, где помимо французских работ скопилось и содержимое бывшей московской квартиры Ларионова-Гончаровой в Трехпрудном переулке. С 1927 года его пересылал в Париж из «Госхранлища» друг Ларионова художник Жегин.

В 60-е при активной помощи Томилиной были написаны монографии Вольдемара Жоржа о Ларионове и Мери Шамот о Гончаровой. Но основная заслуга Томилиной в организации многочисленных выставок в Европе и Америке. В 1980 году первая выставка Ларионова приехала в СССР: ее показывали в Ленинграде и Москве. Одним из посетителей был искусствовед Глеб Геннадьевич Пospelов.

Глоток воздуха

– Глеб Геннадьевич, какие чувства вызвала первая выставка Ларионова?

– Я испытал нечто сродни переживанию Николая Пунина, который в 1927 году записал: «Ларионов – это первостепенная живопись, и лучше этого едва ли что есть за последние 15–20 лет». Повторюсь, это слова 1927 года. То есть в 80-м году Ларионов не перестал восприниматься как открытие. Московские художники Никонов, Андронов, Злотников и я вместе с ними рассматривали каждую его картину и не могли наглядеться. Живопись Ларионова была как глоток воздуха. Она отвечала нашему собственному дыханию. Сейчас столь острое восприятие его живописи ушло. Мне кажется, надо

ждать нового витка необходимости в таких картинах, как ларионовские.

– В чем их специфика?

– Общими словами – в желании заразить других людей тем воодушевлением, какое в самом художнике вызывает не только изображаемая вещь, но и само зрелище живописи. Если говорить более профессионально – в эмансипации живописного слоя. У него впервые живописная сторона – темп живописи, ход живописи, ее восприятие как процесса – важнее, чем восприятие мира как процесса. Можно ведь рассматривать и мир как движущуюся реальность, и живопись как движущуюся реальность. Так вот главное в Ларионове – перевес тех движений, которые уводят нас от ощущения реальности мира к реальному ощущению живописного слоя.

Взгляните на этот натюрморт начала 1900-х годов (достаёт увесистую книгу Г.Г. Пospelова и Е.А. Илюхиной «М. Ларионов. Живопись. Графика. Театр»: Москва, 2005, изд. «Галарт» и «Русский Авангард» [RA], открывает на с. 26). Что это за цветы? То ли ландыши, то ли что-то еще? Но ты настолько увлечен модуляциями кисти, что хочешь пройти весь этот путь вместе с движениями самого художника. Движение такой живописи важнее, чем движение самой жизни.

– Разве это открыл Ларионов?

– Ларионов – основа основ. Он сложился как художник новой формации в самые первые годы XX века. А от него отпочковывались самые разные направления. Художники, объединенные вокруг журнала «Золотое руно». Гончарова отпочковалась. Малевич в своих работах до супрематизма тоже шел от Ларионова. Татлин был учеником Ларионова. Бубноволетцы тоже ученики Ларионова. Пожалуй, все, кроме Кандинского.

– Каким было отношение Ларионова к Кандинскому?

– С Кандинским они дружили. Вместе ходили по московским базарам покупать лубки. К слову, и коллекция Кандинского, и коллекция Ларионова складывались, как карты при раздаче: лист туда, лист сюда. Есть один лубок, который остался в коллекции Кандинского в Мюнхене, а Гончарова его еще в московскую бытность скопировала и превратила в картину размером со стену – «Коронование Богородицы». Она сейчас в Третьяковской галерее находится, а сам лубок – в мюнхенской галерее Кандинского. Это все очень интересно! Но вернемся к Ларионову.

Собственно говоря, благодаря ему возник важнейший критерий русского искусства начала XX века: становление лирического принципа живописи.

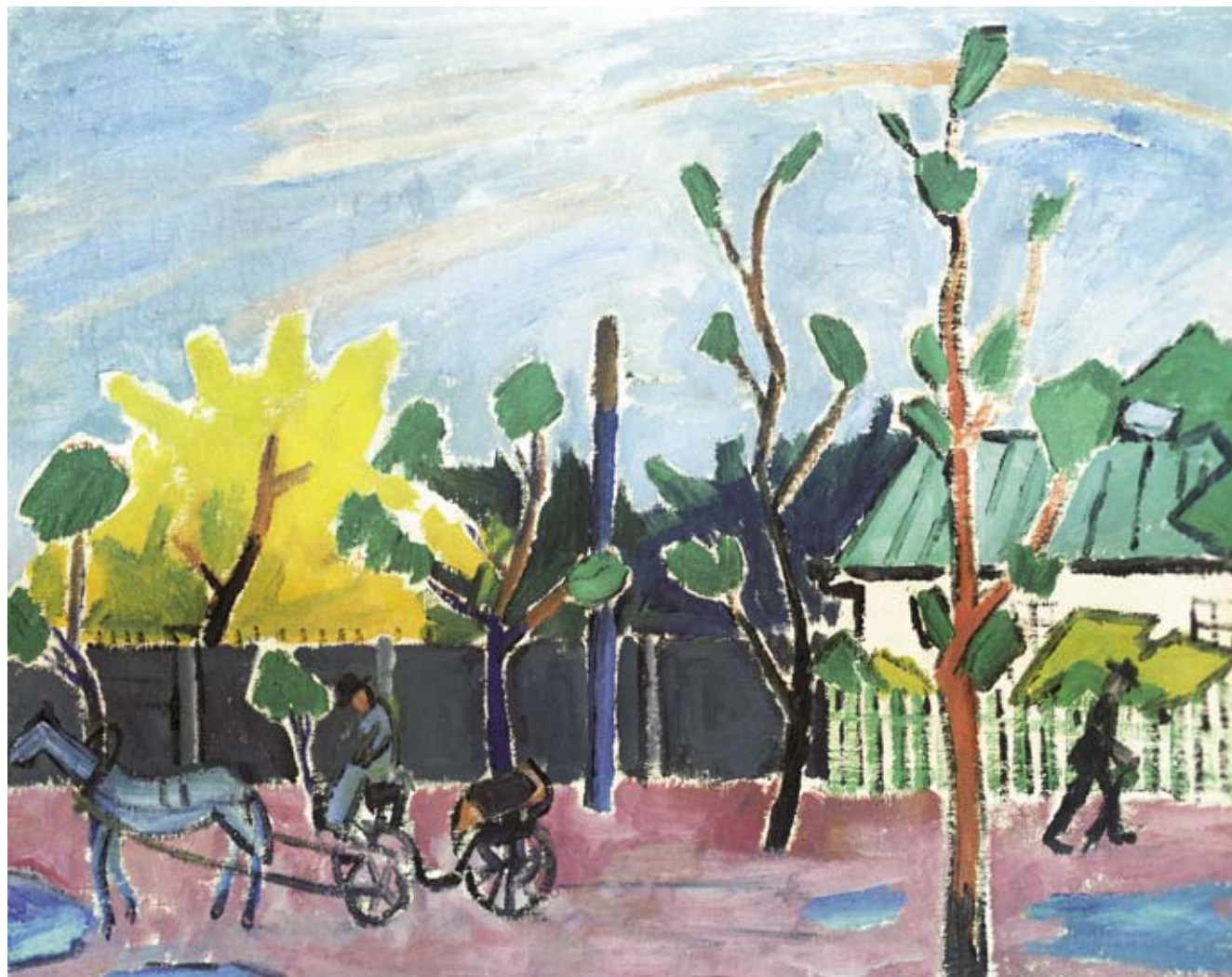
– Могли бы вы объяснить отличие живописной лирики от живописного эпоса?

– Вообразим какой-то пейзаж. Эпос изображает его в ритмах движения самой действительности. А лирика – в ритмах вашего персонального восприятия. Один и тот же факт – вот вы сейчас сидите передо мной на стуле – можно описать в категориях пространства и движения реальности. А можно – в пространстве и времени моего восприятия. То же самое произошло в новейшей русской живо-

FOTOBANK/GETTY IMAGES

■ Леонид Массин, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов, Игорь Стравинский (сидит), Леонид Бакст. 1915 год

РИА «НОВОСТИ»

■ Михаил Ларионов. «Закат после дождя»

писи начала XX века. Переход на лирический принцип – когда движение живописи стало важнее, чем движение самой жизни.

Несовместимость с авангардом

– Говоря о лирической категории русской живописи, человек неизбежно вступает в конфликт с понятием «русский авангард», к которому так или иначе причисляли и Ларионова с Гончаровой. Одни – к раннему авангарду. Другие – к протоавангарду. Какова ваша точка зрения?

– Мне уже приходилось об этом писать! Дело в том, что выражением «русский авангард» мы обязаны исключительно Западу. На рубеже 50–60-х годов, в период подъема социалистических настроений, у европейских интеллектуалов было искушение не только сблизить художественный радикализм русского искусства начала века с радикализмом русской революции, но и перенести на искусство терминологию с отчетливым политическим отзвуком.

– Каков генезис понятия «русский авангард»?

– Одним из первых это понятие ввел французский критик Мишель Сефор. Любопытно, что в 1948 году, стремясь найти определение тому времени, когда Гончарова и Ларионов создавали свои «лучистые» вещи, он ограничился словосочетанием «ге-

роические времена». Но уже в 1955 году в статье о русском искусстве XX века он говорит о «временах авангарда». Именно это выражение и подхватили западные искусствоведы и критики.

Далее словосочетание «русский авангард» пошло гулять по страницам каталогов и изданий, начиная с книги Камиллы Грей «Великий эксперимент» (The great experiment, 1962). Интерес этой исследовательницы к взаимодействию искусства и политики подтвердила организованная ею в начале 70-х выставка «Искусство и революция».

Я считаю, что понятие «русский авангард» чересчур расплывчато. Для кого-то авангард – это вообще XX век: отказ от искусства, которое изображает мир в формах самого мира. Другие, напротив, сужают этот период. Гройс (Борис Гройс, автор книги «Стиль Сталина». – Прим. ред.) выводит русский авангард из «Черного квадрата» Малевича 1915 года!

– А когда к нам в страну пришло понятие «авангард»?

– В Россию термин «приехал» лишь в 70-е годы. Излишне напоминать, что в СССР десятилетиями новейшее искусство XX века находилось почти под полным запретом: объявлялось «реакционным», «антинародным», вплоть до того, что и сами 1910-е годы, породившие это искусство, – те самые, кото-

рые мы сейчас определяем как Серебряный век, – называли «позорным десятилетием».

Представьте, какой подмогой слово «авангард» стало тогдашнему либеральному искусствознанию. Ведь оппонируя официальной соцреалистической доктрине, оно подтверждало уже не «реакционность», а «революционность» недавно запрещенного искусства.

Поначалу это позволяло хоть как-то выводить из небытия Малевича, Татлина, Родченко. Но далее возник соблазн распространить «охранную грамоту» авангарда на более широкий круг явлений, вобрать в «предреволюционеров» Ларионова и Гончарову, Кандинского, Шагала и многих других.

Теперь бы самое время отказаться от столь широкого применения этого термина. Надобность в нем как в инструменте борьбы с «теорией двух культур» по всей видимости отпала. Но термин «авангард» по-прежнему нарасхват.

– Но это закон: термины всегда прикрепляют к явлению постфактум.

– Ну конечно. Подобное происходило и с термином «барокко», и с «рококо», трактовавшими искусство то слишком общо, то слишком узко. И на них тоже ворчали, как я ворчу сейчас на авангард. Дело, видимо, в нехватке слов для обозначения многообразия искусства. Но все же основное в определении любого явления – это указание его границ. На мой взгляд, исторические – если уж надо применять этот термин – границы русского авангарда – это первое десятилетие русской революции. Ни раньше и ни позже.

– Каковы ваши личные критерии авангардного искусства первого революционного десятилетия?

– Тогда возник романтический урбанизм. В то время всеми владело революционное ослепление. Я думаю, романтический урбанизм с выраженным в нем культом воли и объясняется этим самым ослеплением.

Спокойное, созерцательное искусство, как, например, импрессионисты, – зрячее искусство, слышащее мир. Это относится не только к живописи, но и к музыке. Возьмите, к примеру, какую-нибудь пьесу Дебюсси из «Бергамасской сюиты»: он же там слышит каждый звук – правда? – каждую интонацию, которая до него долетает.

Когда искусство сопряжено с пафосом воли, с пафосом овладения чем-то, оно ничего не слышит. Оно самое себя замыкает в определенные шоры и в этих шорах продолжает существовать. Революционное искусство, как и революционная политика, незрячее. Самим устремлением куда-то оно упускает разнообразие жизни.

Очарованные странники

– Значит, ни Ларионов, ни Гончарова авангардистами не были...

– Ни в малейшей степени. У Ларионова нет никакого ослепления! Он был зрячим не менее любого из французских импрессионистов. Для него каждый оттенок жизни говорил об очень многом. И его живопись следовала этим оттенкам даже в его абстрактных «лучистых» вещах.

■ Михаил Ларионов. «Парикмахер»

Ларионовский «лучизм» можно называть абстрактным импрессионизмом, потому что все эти работы чрезвычайно чутки к проскальзыванию реальности мимо нашего глаза. Это не столько проскальзывающая реальность, сколько именно эффект проскальзывания реальности.

– А как бы вы объяснили творчество Гончаровой?

– Ей было свойственно очень сильное историческое воображение. У нее ангелы мечут камни на город, у нее сцены из Апокалипсиса, у нее евангельский цикл «Бегство в Египет» – и никакого предчувствия мрака.

У Гончаровой очень сильная, очень экспрессивная живопись. Но ее отличие, скажем, от немецких экспрессионистов в том, что они понимали мир как настораживающий, тревожный и даже враждебный. А для Гончаровой главное – это красота и сила древних преданий. И даже в сценах из Апокалипсиса ощущается какая-то невероятная красота мистерии.

– Чем при такой противоположности объясняются совместные работы Ларионова и Гончаровой? Ведь об одном из ранних натюрмортов Гончаровой в вашей книге сказано – яблоки принадлежат кисти Ларионова.

– Да он просто рукой ее водил. Гончарова ведь начинала как скульптор. Когда бросила скульптуру

РИА «НОВОСТИ»

■ Наталья Гончарова. «Автопортрет с желтыми лилиями»

ру, стала заниматься живописью под его руководством. Потом она уже оперилась. В станковой живописи с середины девятисотых годов они уже сильно разошлись. А вот театральные декорации они всегда делали в четыре руки.

Например, декорации к «Золотому петушку» для парижской постановки 1914 года, считалось, делала Гончарова. На самом деле они работали с Ларионовым вместе. Заказ брала Гончарова на свое имя, а работали оба.

– И Дягилев об этом не знал?

– Никто об этом не знал. Женья Илюхина – соавтор книги о Ларионове – раскрыла это сравнительно недавно. Когда коллекция уже вернулась сюда. Об этом же никто в мире не знал. В нашей общей книге об этом рассказано.

– Лексическая всеядность Гончаровой удивительна: скульптура, живопись, декорации, эскизы рисунков для обоев, эскизы костюмов, не только театральных, но на раннем этапе и для обычного ателье.

– Она, конечно, декоративист. В Париже Гончарова подрабатывала росписями ширм. У нее есть ширмы – по следам путешествия в Испанию, – которые она расписывала фигурами испанок. Ширмы эти можно разворачивать, как группу панно, ставить углами, и тогда возникает иллюзия скульптурной глубины. В любом случае это великолепной красочности изображение. Очень сильное.

– Насколько разными людьми были Гончарова и Ларионов?

– Ну, вот пример: Ларионов, когда занялся театральной декорацией, жутко увлекся балетом, тан-

цем. А Гончарова, кстати говоря, совершенно не интересовалась балетом. Она делала костюмы и даже не ходила на репетиции и не интересовалась, каково в этих костюмах танцевать. Ларионов же, наоборот, увлекся так, что прокофьевского «Шута» поставил не как декоратор, а именно как хореограф.

– Когда не стало Дягилева, который их как-то «подкармливал», что произошло с Ларионовым и Гончаровой?

– После смерти Дягилева у них настала другая жизнь. Они осиротели морально. В Третьяковской галерее есть неоконченный натюрморт Гончаровой 1929 года, внизу надпись – «этот натюрморт никогда не будет кончен, потому что в этот момент я получила сведение о смерти Сергея Павловича Дягилева».

В 30–50-е годы они едва сводили концы с концами. Картины их не продавались. Ларионов был полон планов всяких: хотел стать вторым Дягилевым, возглавить театральную антрепризу. Проектов была масса. Но оба начали болеть.

В 48-м, правда, прошла выставка их «лучистых» вещей, которая стала настоящим бумом абстрактного искусства. Критик Мишель Сефор объявил их первооткрывателями абстрактного искусства. Под эту волну, уже в 50-х, когда Ларионова разбил паралич, Гончарова всю их «лучистую» живопись продала во французские музеи. Нужны были деньги на лечение.

– Абстрактное искусство действительно открыли Гончарова и Ларионов?

– Кандинский открыл это раньше – около 1910 года, а Ларионов пришел к этому году в 12-м. Но Ларионов потом изо всех сил старался передатировать свои «лучистые» вещи 9-м годом.

– Это лукавство или невозможность пережить чье-то первенство?

– И то, и другое. Тогда же все только и думали, чтобы быть первыми. Малевич и Татлин любой ценой старались быть или казаться первыми. Искусство тогда, в отличие от XIX века, воспринимали не как единый поток, а как узкий, но сильный фарватер и вялые боковые струи. Важно было идти в фарватере. А он определялся культом нового. Ларионов же говорил: «Каждый сезон должны меняться названия выставок, должны меняться картины». Тут даже не в рынке дело. В России важно было провозгласить, наподобие байдарочника в турпоходе: я первый, я в фарватере, а ты – в стороне! Потом, уже во Франции, добавились рыночные соображения: я первый, покупайте меня! В 50-е годы Ларионов одну свою работу переписал заново, чтобы она была датирована и куплена как новая.

Как 66 вещей остались во Франции

– В 1987–1988 годах вы работали в Париже над оставшейся после художников коллекцией. А когда и с чего началось ваше увлечение Ларионовым и Гончаровой?

– Примерно в 66-м в Институте искусствознания, где я работаю и сейчас, было затеяно четырехтом-

ное издание «Русская культура рубежа веков». Для четвертого тома мне была заказана глава о новейших течениях в русской живописи. В начале 70-х по следам той статьи написал целую книгу о «Бубновом валете» – группе, созданной Ларионовым. Дальше пошло-поехало. В 1978 году была специальная статья о Ларионове для «Вопросов искусствознания». За 20 лет, что я занимался Ларионовым, я и стал специалистом. Когда меня пригласили во Францию, мне был знаком каждый его штрих. Немаловажно, наверное, и то, что я занимался живописью, учился в художественной школе. Тесто живописное я ощущаю кончиками пальцев. Ларионова я очень люблю. Несколько лет у нас дома висели его картины из коллекции Спендиаровой – потом они попали в Русский музей. Каждый день, просыпаясь, я смотрел на них, и меня не покидало ощущение, что они буквально озонируют.

– Сопровождалась ли передача коллекции Ларионова–Гончаровой какой-то интригой?

– Вспомним предысторию: Ларионов, умирая, очень хотел, чтобы его картины попали в СССР. Перед смертью он заключил брак с Томилиной, ставшей общей наследницей Ларионова и Гончаровой. В завещании Томилиной все до последней картины отписывались в пользу Советского Союза.

Душеприказчиком Томилиной выступал швейцарский коллекционер и издатель Франсуа Дольт. Вот он и занимался передачей картин. Неофициальная сторона заключалась в следующем: по соглашению между Дольтом и нашим посольством все, что у Томилиной хранилось в так называемом депо – та часть наследия, которая выезжала на выставки и «жила» в контейнерах, – это одно. А все, что хранилось у нее дома, на стеллажах, не «ходило» по выставкам, – все это было перевезено в советское посольство в Париже для архивирования и учета.

– И вы один этим занимались?

– Да. Полтора месяца там сидел, приводил в удобный для пользования вид. Графику откладывал к графике, архив – в архивные коробки, живопись – к живописи, рисунки – соответственно их форматам. Этикетками помечал вещи первой ценности. Были папки второй очереди. И 24 ящика с архивами. Естественно, все эти полтора месяца я не только раскладывал все это, но и читал, изучал материалы.

– Как решался самый щекотливый вопрос, связанный с налогом на наследство?

– Сначала наша сторона предполагала выплатить этот налог деньгами. Деньги требовались большие, что объяснялось ценностью коллекции. Но советское правительство в деньгах отказало. Тогда решено было 66 работ оставить Франции в качестве налога.

– Это принято?

– Да. Например, когда умер Пикассо, того процента, который получило государство, оказалось достаточно, чтобы создать целый Музей Пикассо в

■ Наталья Гончарова. «Две испанки»

Париже. Великолепный музей. Так и с наследием Ларионова–Гончаровой: прежде чем выпустить его к нам, 66 вещей французы оставили себе.

– Выбор французской стороны как-то контролировался?

– Разумеется. Еще одна моя функция в том и заключалась, чтобы договариваться с Центром Помпиду о верном, с моей точки зрения, разделении наследия. Проводились заседания, на которых я убеждал французскую сторону отдать ту или иную картину, отобранную французами для своего музея, нам. Я говорил: «Желательно, чтобы это пошло к нам, потому что Третьяковской галерее не хватает как раз вот этих картин». Важно было не разбивать циклы, не допускать хронологических провалов. И французы шли навстречу, уступали. Я взамен тоже что-то уступал. Все это проходило в очень доброжелательном тоне. В результате 66 работ были объявлены официально оставленными во Франции, перед тем как все остальное вернулось в Россию.

ФЕНОМЕН РУССКОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

PHOTOXPRESS

**Ровно пять лет
генеральный директор
Паломнического центра
Московского Патриархата
Сергей Житенёв работал
над монографией «История
русского православного
паломничества в X–XVII
веках». Не успев выйти
в свет, объемистый фолиант
стал своего рода сенсацией
в историографии Русского
мира**

Евгений ВЕРЛИН

– Сергей Юрьевич, паломничество – часть нашей культуры и истории, недостаточно известная широкому читателю. Хотелось бы расспросить вас и о вашей книге, и о деятельности Паломнического центра, новых тенденциях, связанных с русским паломничеством, и о том, что пришло из истории, сохранилось с древних времен. Но начнем все-таки с вашей книги. X–XVII века – это период, о котором не так много известно. Как вам удалось столь глубоко копнуть историю русского паломничества?

– Спасибо за столь лестную оценку. Книга вышла только-только, а уже пошли отклики, рецензии. Над книгой я работал пять лет. Идея ее написания возникла году где-то в 2001-м, два года спустя после создания Паломнического центра Московского Патриархата. Дело в том, что, когда мы начали создавать Паломнический центр по благословению Святейшего Патриарха, то стали постепенно собирать людей, которые имеют отношение к паломничеству. Мы начали с ними разговаривать, чтобы понять, как же все-таки возрождать традицию 1000-летнего православного паломничества. И вдруг к своему ужасу поняли, что даже люди, занимающиеся в ограде церковной паломничеством, не знают его истории! Нас это заставило задуматься.

– Кого – вас?

– Тех, кто создавал Паломнический центр. Мы это делали в сотрудничестве и при деятельной поддержке Отдела внешних церковных связей, влады-

ки митрополита Кирилла и епископа Егорьевского Марка. В работе активно участвовал и продолжает участвовать заместитель председателя Императорского Православного Палестинского Общества Николай Николаевич Лисовой – известный церковный историк. В этом кругу, а также на конференциях и семинарах мы много раз обсуждали вопросы возрождения паломничества и в какой-то момент поняли, что история паломничества является «закрытой территорией» нашей церковной науки и нашего церковно-общественного делания. Вот так постепенно и вызрела идея создать монографию, книгу об истории паломничества. Да и мне это было интересно: я ведь историк по базовому образованию, историк-педагог. Обратился за благословением к владыке Кириллу. Благословение было получено в конце 2002 года, и с начала 2003-го я приступил к работе над книгой.

– А как с дефицитом исторических свидетельств, документов?

– Действительно, материалов мало, особенно по нашей древней церковной истории. Я столкнулся с тем, что история нашей родины подверглась «хирургической операции» – она была разрезана на мирскую и церковную. Все люди были как бы разрезаны пополам: сегодня они занимаются мирской деятельностью, а завтра – церковной. Но это же одни и те же люди, как можно их разделить? И когда я столкнулся с этим, то понял: нужно писать историю русского православного паломничества не только как часть церковной истории, но и как часть общей истории российского государства, русского народа, ту часть, которая, к сожалению, никогда не была освещена.

За всю историю Русской Церкви паломническая традиция прерывалась, вернее, приостанавливалась два раза: первый – в XIII веке в результате монгольского нашествия и второй раз – в советский период.

Дореволюционному русскому человеку не нужно было объяснять, что такое паломничество. Он вырастал с этим знанием, жил этой традицией и умирал в этой традиции. Ему об этом рассказывали дедушка с бабушкой, мама с папой. Это было частью жизни российского общества, поэтому не стоял вопрос толкования паломничества, необходимости рассказа о его истории. А вот после того, как традиция была прервана, потребовалась именно эта работа, ибо целые поколения, жившие в советский период, были лишены этого знания.

– Хотелось бы вернуться к святой Ольге, услышать от вас о первых паломниках. Кто они, первые паломники на Руси? И откуда мы можем вести отсчет паломничества?

– В Русской Церкви первой паломницей из известных на сегодня считается святая равноапостольная великая киевская княгиня Ольга. Она совершила паломничество в 957 году. Древние летописи доносят до нас смутные известия и о том, что были все-таки христиане во времена полумифических князей Аскольда и Дира (60–80-е годы IX века), и мы не можем исключить, что эти христиане совершали паломничества. Они совершали их, потому что существовал знаменитый путь из варяг в греки, по которому варяги через Киев шли в Константинополь, поэтому русские купцы,

■ Соловецкий архипелаг. Паломники поднимаются к большому поклонному кресту на острове Анзер

русские воины вполне могли вместе с этими караванами как раз «в греки» и приплыть, то есть в Константинополь. Но мы не знаем имен этих людей – исторические источники их до нас не доносят.

А вот имя первой русской паломницы известно. Как известны и данные о том, что княгиня Ольга совершила паломничество в составе большого посольства: в нем было около 200 русских людей. Были среди них и уже принявшие христианство, и оглашенные, то есть такие, которые готовились к принятию святого Крещения. Вместе со святой княгиней Ольгой они приняли это Крещение в Константинополе, их тоже можно считать паломниками, но их имен мы не знаем.

Так что задолго до Крещения Руси первые русские христиане во главе с великой княгиней Ольгой совершили паломничество в Константинополь. Да и потом тоже совершали, поскольку торговые связи с Византийской империей продолжались. Повторяю: к сожалению, мы не знаем имен этих паломников. А вот начиная с момента Крещения Руси и по мере распространения христианства в землях русских – а это достаточно длительное время, – то есть примерно с XI века, мы знаем поименно некоторых паломников.

– Княгиня Ольга была матерью князя Святослава Игоревича...

■ Сергей Житенёв

– Да, а уже один из сыновей Святослава, Владимир Святославович, стал святым равноапостольным князем, великим князем Киевской Руси, человеком, который принял самое главное решение – о Крещении Руси.

– И вот хочу я перекинуть такой мостик: получается, Крещение Руси как бы идет от первого паломничества?

– Ну, это был очень сложный процесс, но в том числе, конечно же, знаменитое паломничество его, князя Владимира, бабки, святой равноапостольной княгини Ольги, и явило, собственно, первый важный шаг к сдвигу общества к принятию христианства. Кстати, в житии равноапостольной княгини Ольги мы читаем, что она была основательницей первого храма на русской земле, в Киеве, – храма Святого пророка Илии, который стал первым православным храмом не только в Киеве, но и во всей земле русской. Поэтому на иконах ее изображают обязательно с храмом в руке, тем самым обозначая, что она храмостроительница.

– Я хотел подчеркнуть, что первое знакомство Руси с христианством произошло не потому, что кто-то пришел на Русь с верой. Ведь есть примеры, когда на протяжении веков в Азию приезжали католические миссионеры, которые несли туда веру. Не паломники китайские на Святую землю приезжали, а, наоборот, миссионеры в Китай ехали. То есть у нас в этом плане роль паломничества несоизмеримо больше, чем, скажем, в тех странах, куда веру принесли миссионеры.

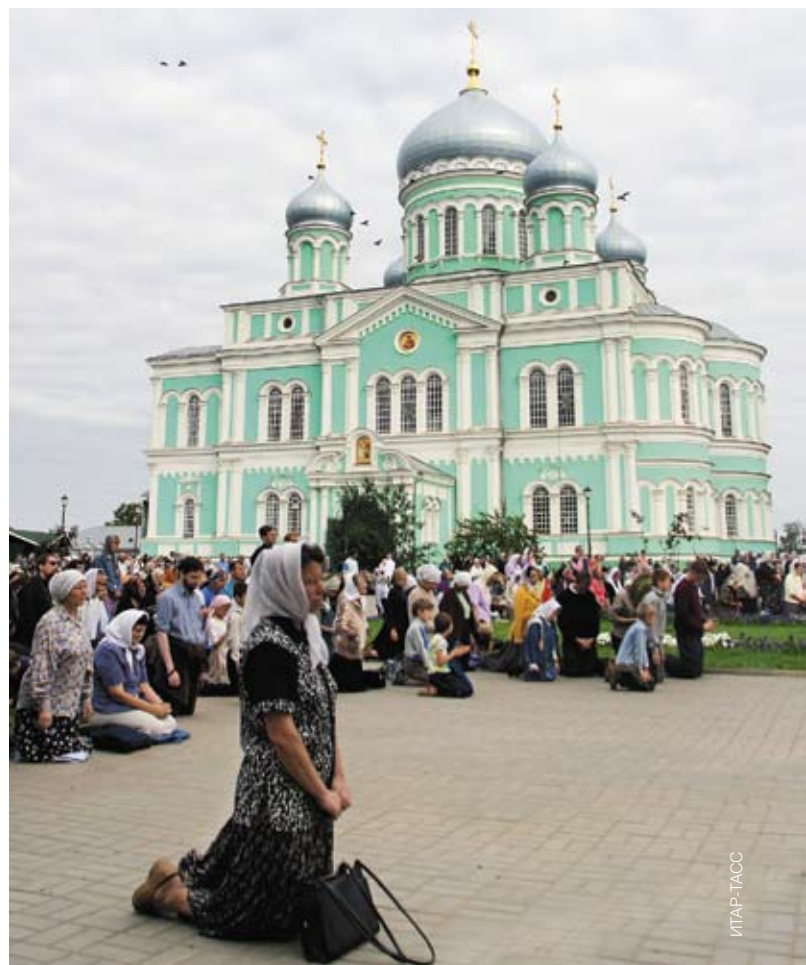
– Безусловно. Хотя византийские православные миссионеры были и на территории древнего киевского государства, но в связи с тем, что мы, во-первых, были соседями с Византией, а, во-вторых, контакты с древнеславянскими племенами по византийским документам прослеживаются с V века, то, конечно же, шло постоянное влияние, хрис-

тианизация со стороны Византийской империи. Это был во многом очень сложный процесс. Ведь сначала славянские племена агрессивно относились к Византийской империи; торговля и сотрудничество пришли значительно позже. Зато когда они пришли, тогда и начался переход язычников-славян в христианство, тогда и появились первые христиане в славянских землях.

– Хотелось бы услышать от вас краткий рассказ о том, какие разновидности паломников появились на Руси, на какие категории их можно было делить?

– Давайте сразу разведем паломничество и туризм. Не может быть «паломнического туриста» или туристов в паломничестве. Паломничество – это религиозный вид деятельности, туризм – это отдых и коммерческая деятельность. Два совершенно разных понятия, кроме того, туризм как массовое явление возник в XX веке. По невежеству своему наши депутаты объединили в одном законе и паломничество, и туризм. В итоге паломничество регулируется туристским законодательством, что неверно, поскольку паломничество должно регулироваться религиозным законодательством, а туризм – экономическим, коммерческим законодательством.

– Но в жизни, бывает, все смешивается... У меня есть знакомый. Человек верующий, соблюдает все посты. Прошлой осенью он с семьей поехал на остров Корфу поклониться мощам святителя Спиридона. Он считает, что совершил паломничество,

■ Паломники во время освящения церкви Казанской иконы Божией Матери в селе Дивеево

ИТАР-ТАСС

■ Дорога к монастырю Святой Фёклы. Сирия

но, учитывая, что они там еще и отдыхали, получается, это был туризм...

– Нет, это был не туризм. Если они приехали, поклонились мощам, помолились у них, то это было паломничество. А после этого они уже приступили к отдыху. Паломничество и отдых не противоречат друг другу. Вы же, когда помолитесь, трапезничаете, из этого не следует, что раз вы в этот день трапезничаете, то уже не молитесь?

Так вот, туризм как массовое явление возник в 20-е годы XX века, он включает в себя обязательно то же, что и паломничество, отсюда идет непонимание. Во время паломничества людям надо что-то есть, они должны где-то жить, и кто-то должен им это организовывать. В туризме то же самое. Когда люди 1000 лет назад отправлялись к святыням в Палестину, и не только в Палестину, в Египет, например, они же тоже что-то ели. Это одна из составных частей путешествия. Ведь люди, чтобы куда-то добраться, должны пользоваться транспортом: будь-то гужевой транспорт, речной, морской, авиационный, какой хотите. А что, люди за все время 1000-летнего паломничества не отдыхали, им не нужны были постоянные дворы и гостиницы? Нужны. И 1700 лет назад, когда впервые появилось массовое паломничество к местам земной жизни Спасителя, после того как равноапостольная им-

из архива паломнического центра московского патриархата

РИА «НОВОСТИ»

■ Паломники на реке Великой в Кировской области

ИТАР-ТАСС

■ Паломники во время празднования 690-летия со дня основания Толгского женского монастыря

ператрица Елена воздвигла там первые храмы в память о земной жизни Спасителя и его крестной смерти, и тогда сразу возникли гостиницы. Эти гостиницы были и в IV, и в VI, и в XI веке, и в XII, когда там появились крестоносцы. Но в то время не было туризма, даже понятия такого не было. Так что же было раньше – туризм или паломничество?

– Конечно, паломничество.

– А вот туристские деятели утверждают, что сначала был туризм, а потом паломничество... Но все-таки религиозная жизнь человека – это не туризм. Кстати, Всемирная туристская организация ввела понятие «религиозный туризм», который часто путают с паломничеством. Религиозный туризм – это когда человек хочет посмотреть, скажем, развалины храма Дионисия, Афродиты и т.д. А что такое храм Афродиты? Это бывшее религиозное место. Да, языческое, но ведь это был культ. Люди хотят посмотреть на храмы буддистские, христианские, синтоистские и т.д. – у них появляется цель. Какая это цель? Познавательная цель в рамках изучения религиоведения. Может быть, они даже не отдадут себе в этом отчета, но смысл в этом. Потому что и называется религиозным туризмом. А когда человек поехал помолиться у святого места, совершить

обряды или поклониться святыне, иконе, кресту, месту земной жизни Спасителя и Его Пресвятой Богородице – вот тогда это паломничество.

Кстати, что такое хадж? Это то же паломничество, только у мусульман. Что они делают во время хаджа? Они молятся в святом для них месте и исполняют религиозные обряды. И как это можно назвать туризмом?! Это невозможно назвать туризмом! Если вы скажете мусульманину, что это туризм, вы обидите человека, так же как вы обидите православного, если скажете, что он поехал в Киево-Печерскую лавру в туристическую поездку. Он едет туда не только с другими целями, но, самое главное, и с другой подготовкой. Ведь к паломничеству готовятся. Идет серьезная духовная работа.

И самое главное, я вам хочу сказать, в традиции русского православного паломничества есть очень важное отличие не только от туризма, но даже и от путешествия. Дело в том, что в паломничество можно поехать, только получив благословение – либо у духовника, либо у настоятеля храма, либо у правящего архиерея. Почему? Потому что духовник вам может сказать: «Евгений Васильевич, а вы не готовы к паломничеству, вам надо подготовиться...» И вы скажете: «Батюшка, а что же мне

делать?» А он вам: надо делать то-то и то-то. Это очень важный момент. Взял и поехал – такого не бывает. В паломничестве это невозможно.

– И все-таки, возвращаясь к истории русского паломничества: о дефиниции терминов странник, поклонник, богомолец, пилигрим. Насколько важны были они в истории русского паломничества?

– Все это – синонимы, отражающие определенные этапы развития темы. Где-то до XII века монополично в древнерусских летописях и древнерусских текстах использовались слова *странник*, *странничество* – это нашло отражение в некоторых названиях, например *странноприимный дом*, то есть на самом деле это гостиница для богомольцев. Еще было такое пришедшее из самых темных, в смысле неизвестных, веков русской истории понятие, как *калика переходной* (калика – калека, переходной – путник). Так называли, как правило, больных пожилых людей, которые большими группами шли от святыни к святыне, от монастыря к монастырю, от храма к храму. Это очень древнее название паломников, которое пришло из глубины веков и после монгольского нашествия практически вышедшее из употребления. То есть эти названия – *калика переходной* и *странник* – еще бытовали в былинах, рассказах, древних песнях, но постепенно уходили из лексики. Начиная же с XII века появляется совершенно новое название, которое пришло из Святой земли, – *паломник*, то есть *пальмовник* – человек, который несет пальмовую ветвь (у нас на Вербное воскресенье вместо нее используют ветку вербы). Само слово возникло из обычая привозить из путешествия в Палестину пальмовую ветвь.

Но до трагедии 1917 года было еще одно слово, особенно в XVIII–XIX веках. Оно употреблялось повсеместно в русском языке во всех слоях общества – *поклонник*. То есть *паломник* – это *поклонник*, человек, который шел поклоняться святыне. И сейчас *паломник*, *поклонник* и *богомолец* – слова-синонимы, которые употребляются параллельно.

Кстати, слово *богомолец* возникло еще во времена святой равноапостольной великой княгини Ольги и ни разу не исчезало из русского языка. Ни древнеславянского, ни древнерусского, ни современного русского языка, и в таком первозданном виде *богомолец* доходит до XXI века. *Странник* употребляется меньше, к тому же у него потом появляются другие значения. *Пилигрим* – это все-таки pilgrim, укоренившееся в русском языке обозначение католического паломника, именно католического, даже не протестантского.

– Какое место паломничество занимало в жизни известных россиян, русских царей например?

– Здесь множество имен можно было бы назвать. Например, важнейшую роль паломничество сыграло в жизни жены Владимира Мономаха, которая до и после поездки в Константинополь родила ему девятерых детей. Паломничество на Святую землю оказало огромное воздействие на жизнь великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны, ставших впоследствии великомучениками...

ИЗ АРХИВА ПАЛОМНИЧЕСКОГО ЦЕНТРА МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

■ Группа сотрудников Паломнической службы с журналистами в монастыре Святой Фёклы. Сирия

Вообще же, паломничество в корне меняет жизнь человека, его взгляд на жизнь становится более глубоким, спокойным, что ли.

– А если сопоставить масштабы паломничества в разные периоды истории?

– О паломничестве в Средние века можно говорить как действительно о массовом явлении; имеется, конечно, в виду паломничество к святым местам прежде всего Русской Православной Церкви. Кстати, богомолье русских царей, приходившееся, как правило, на осень, продолжалось по два-три месяца.

– Так долго? А кто же тогда вместо них руководил страной, подданными? Разве без самодержца можно было длительное время обойтись?

– В XIV–XV веках русские цари не руководили страной, а правили. Для них было важно, чтобы вовремя собирали налоги, набирали достаточно воинов в армию, строили в достатке дороги, чтобы была полностью укомплектована Гостиная сотня (орган для ведения внешней торговли). Если все это было поставлено, то они спокойно оставляли царство на попечение придворных: паломничество к святым местам было много более важным делом, чем повседневное руководство «вертикалью власти». ■

ЖИЗНЬ ПОБЕДИТ

Говорят, у католиков и протестантов главный праздник – Рождество. У православных – Пасха. Рождество – обещание чуда и надежда. Пасха – само чудо, сбывшаяся надежда, воплотившаяся мечта

Анна ГАМАЛОВА

Мы в детстве красили яйца. Не знали зачем, знали, что положено так – на Пасху яйца красить. Что это не очень правильно с точки зрения идеологии, но очень красиво и радостно. Когда Пасха была поздняя, майская, мама посылала нас за молодой травой, чтобы разложить на ней крашенки. Разноцветные яйца на зеленой траве были прекрасны.

В те же годы, наверное, появилась живучая традиция на Пасху ехать на кладбище. А что, день весенний, выходной, ясный, и сделать что-то хочется такое хорошее... такое метафизическое... И могилки опять-таки в порядок привести. Теперь батюшки разубеждают вовсю: оставьте ваших покойных на Пасху в покое, у них тоже праздник, приходите на Радоницу.

Пасхальные традиции оказались на редкость живучи – никуда не делись, в отличие от рождественских, наполовину забытых, наполовину отнятых Новым годом. Куличи, пасхи и крашеные яйца оказались вечно живы; обычай святить куличи вспомнился сразу, как только стало можно, – батюшки с ног сбиваются освящать, народ идет и идет, всю Страстную субботу: семьями, компаниями, с колясками, с корзинами снеди. В домашнем обиходе появляются такие редкие ритуальные штуки, как блюдо под двенадцать яиц и пасочница. Но сам-то праздник, конечно, больше и глубже, чем незатейливая радость от хождения весенним утром в красивый храм с корзиночкой, полной интересных и вкусных штук под нарядной салфеточкой.

Агнец

Принято считать, что в христианской Пасхе много языческого – ну как же, культ умирающего и воскресающего бога, как весеннее пробуждение природы, отсюда, мол, праздник и игрища. Ну, весенних праздников, традиций и игрищ можно много насчитать, от масленичного чучела до Первомайского парада с цветочными ветками – чем не встреча весны в очередной раз.

Нет, наша Пасха больше помнит не языческие весенние пляски, а древнюю Пасху, иудейскую, грозную историю которой рассказывает книга Исхода. Когда фараон и после казней египетских не отпускал израильтян, велел Господь каждой израильской семье заколоть агнца и кровью его помазать «на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его» – с пресным хлебом и горькими травами. Ангел же Господень с мечом в руках проходил по Египту и поражал всякого первенца, от человека до скота, не трогая никого в домах, помеченных кровью. И тогда отпустил фараон израильский народ, и вышел он из Египта. Ветхий завет – обещание Нового завета; агнец, закланный за грехи и ради освобождения, – прообраз Христа. Избавлены от смерти те, на ком знак его крови, кто выкуплен ее ценой.

Христианская Пасха – праздник освобождения от смерти, праздник искупления: Христос принес себя в жертву. Западный протестантизм особенно подчеркивает юридическое значение Христовой жертвы: Он потому и мог заплатить за нас, что Сам не имел никакого греха. Оттого, может быть, главным праздником на Западе и стало рождение Искупителя. Православная традиция особо напирала не на юриспруденцию, а на чудо: чудо Воскресения, победы над смертью, торжествующей жизни. Оттого и Пасха – главный праздник в году, и служба пасхальная вся так и лучится счастьем: Христос воскрес!

Птички

Разумеется, все знают, что до Пасхи бывает пост. В пост свои праздники – тихие, спокойные, строгие; свои обычаи – крепко уже позабытые и едва начинающие воскресать. 22 марта, например, в день Сокола мучеников, в Севастийском озере мучившихся, положено печь жаворонков из постного теста (мука, растительное масло, дрожжи): комочек раскатать в лепешку, сделать надрезы по бокам, получаются крылышки, их складывают накрест на спине, а из изюминки делают глаз. Можно просто завязать колбаску из теста в узел, на одном конце глазок и клювик, другой нарезать лапшой – это хвост.

Жаворонки – это в самом деле просто весенний символ. Дети в деревнях бегали с ними по улице,

пели о них песенки, привязывали к веткам – чтоб весна приходила побыстрее. А вот на третьей седмице поста, в субботу, перед Крестопоклонной неделей (неделями в церковном календаре называются воскресенья), пекли совсем уже нынче забытые маковые кресты. Иван Шмелев в «Лете Господнем» описывал их так: «Особое печенье, с привкусом миндаля, рассыпчатое и сладкое; где лежат поперечники «креста» – вдавлены малинки из варенья, будто гвоздочками прибито». Один из героев книги, старик Горкин, поясняет мальчику Ване: «Вкушай крестик и думай себе: Крестопоклонная, мол, пришла. А это те не в удовольствие, а... каждому, мол, дается крест, чтобы примерно жить... и покорно его неси, как Господь испытание посылает». В этом году, если кому интересно, суббота перед Крестопоклонной – 29 марта.

Неделя цветоносная

Великий пост – время серьезное, собранное, не слишком богатое торжествами: не время сейчас. Сейчас время тишины, воздержания и покаяния. Церковные службы суровы и печальны. Только Благовещение светится потаенной радостью и белыми цветами; только в Вербное воскресенье радость прорывается открыто. Вербное – Вход Господень в Иерусалим, предпоследнее воскресенье поста, поворот к скорбной и прекрасной Страстной седмице. Как жители Иерусалима бежали встречать Христа, въезжающего в город на осленке, так и верующие

нынче бегут приветствовать Спасителя: «Благословен Грядый во имя Господне». Как в Иерусалиме радостно размахивали пальмовыми ветвями, так и у нас несут в храм все, что успело зацвести ранней весной. Успевают обычно одна верба – церкви полны пучков серого пуха и зеленых листочков: многие ставят вербу и березовые прутьики в воду заранее, чтобы почки раскрылись. К Пасхе верба успевает дать корни, можно потом посадить. Засохшие вербные прутьики ставили за образа, осыпавшимися серыми пушками набивали подушки, которые клали в гроб усопшим. Нынешние прихожане приносят в храм не только вербу: и с пальмой приходят, и с бумажными цветами на распутившихся березовых ветках. Освящение вербы после литургии – редкий момент, когда на суровых лицах прихожан появляются детские улыбки: пучки вербы тянутся вверх, целый вербный лес в храме, с кропила разлетаются брызги... Хорошо. Раньше в России в этот день, впервые за весь пост, были ярмарки и катания, уже не на санях, а на колясках – весна.

Впрочем, радость Недели цветоносной со скорбью пополам: не на торжество пришел Христос в Иерусалим, а на смерть. С завтрашнего дня – Страстная седмица.

Страстная

Это неделя, когда Христос был предан, схвачен, подвергнут несправедливому суду и мукам – и, наконец, распят. Несколько дней, когда человечество

проявило себя с самой гнусной стороны. Несколько дней горького осознания себя, мучительного покаяния и освобождения.

«Не понимаю, почему я должна каяться по календарю, а не тогда, когда согрешила», – говорит подруга. Да потому, что мы все – участники той же старой истории; что календарный праздник – необходимое напоминание о ней и о нашей собственной роли. Когда вся церковь с плачем идет с Христом в Гефсиманский сад – побыть рядом, постоять в безмолвии – или следует за Ним на Голгофу, можно выбирать и свое место: присоединиться, отвернуться, лечь спать, уйти на работу. Место православного в это время – рядом с Христом. Каждый день особая служба, воскрешающая в памяти последние дни Его земной жизни. Страстная среда, день предательства – время бить земные поклоны. Четверг – причастие в память о Тайной вечере, затем вечером – чтение двенадцати Евангелий. В древности христиане ходили по Иерусалиму – по памятным местам, где был Спаситель в последнюю неделю. В каждом останавливались и с зажженными свечами слушали рассказы четырех евангелистов о суде, мучениях, крестном пути и распятии. В этот вечер зажженные свечи несут домой: издавна было принято выжигать четверговым огнем крестики на притолоке – и дома, и в сарае у домашней скотины. И наводить чистоту и порядок, чтобы к Пасхе все было чисто и готово встретить Христа. Иван Шмелев писал: «Мне кажется, что на нашем дворе Христос. И в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде. В черном крестике от моей свечки – пришел Христос. И все – для Него, что делаем».

В Страстной четверг ставят тесто на куличи и протирают творог для пасхи; раньше готовили еще особую «четверговую» соль, с которой ели пасхальные яйца (крупную каменную соль дробят, смешивают с квасной гущей, выпаривают воду и отсеивают лишнее).

Впрочем, батюшка в нашей церкви напоминает: «Говорят, у хороших православных в Страстной четверг все вычищено и сготовлено. Нет, у хороших православных все вверх дном, потому что не успевают они хозяйством заниматься – им важнее в эти дни быть в церкви».

И в самом деле, как усидишь даже на работе, когда в Страстную пятницу в соседней церкви скорбно бьет колокол, – и можно хоть в обеденный перерыв убежать на чин погребения. Церковь вспоминает смерть Христа и положение во гроб; выносят плащаницу, убирают цветами, прихожане приходят на поклон. Наступает тишина.

Ожидание.

Пробуждение

В тишине и темноте из смерти прорастает жизнь. В луковице просыпается цветочная стрелка, в семени – росток, в яйце – птенец. Скоро будет отвален камень – и могила окажется пустой, ибо жизнь победила.

Раньше яйца красили не только луком, но и, вспоминает Шмелев, васильками – синие. Но, ко-

ИТАР-ТАСС

РИА «НОВОСТИ»

нечно, пасхальное яйцо – красное. Известна легенда, как Магдалина пришла к римскому императору с вестью о Воскресении и принесла в дар яйцо, а император сказал: мол, не может мертвый воскреснуть, как не может это яйцо покраснеть. И яйцо покраснело.

Вся пасхальная символика – победившая жизнь. Отсюда и яйца, скрывающие в скорлупе пушистое желтое чудо, и старая русская традиция выращивать к Пасхе гиацинты; их заранее вынимали из погребов и выставляли на окна. Есть и другой трогательный обычай, уже совсем забытый: зеленая горка из кресс-салата или пророщенного овса. Валентин Катаев вспоминал в «Волшебном роге Оберона»:

«На кухне зеленела горка, приготовленная для пасхального стола, – пирамидка из щепочек, обтянутая сукном; на это сукно намазывали, как икру, липкие семена кресс-салата, поливали три раза в день, и они вдруг начинали произрастать, выпуская из себя сначала бесцветные червячки первых ростков; затем горка зеленела, как хорошо ухоженный газон, и во всей своей красе и свежести наполняла кухню острым растительным

запахом, как бы ждала того дня, когда ее окружают крашеными пасхальными яйцами». Горку можно сделать и проще: набить землей чулок и высадить семена (до нужной высоты они дорастают недель за шесть, сажать надо в первую неделю поста). Горку такую клали на середину блюда с яйцами: вокруг двенадцать – в честь апостолов, на вершину красное, самое красивое – в честь Христа. Еще пасхальных масляных барашков делали (агнец – символ искупительной жертвы): дощечку на палочках-ножках облепляют завитками сливочного масла, на палочке-шейке делают из масла голову.

К Пасхе в семьях и на городских площадях наряжали пасхальные деревца: к зазеленевшим веткам или молодым деревцам подвешивали яйца, сладости и сухофрукты.

В Страстную субботу уже чувствуется кипение грядущего праздника: священники неутомимо освящают куличи, яйца и пасхи, расставленные на столах в церковном дворе; прихожане тянутся в гулкий храм поклониться плащанице. Раньше еще дома украшали розами, ставили праздничные красные лампы, иконы одевали в розовые венки. Длинный день тянется, темнеет – самое важное будет ночью.

Суббота

Собираются к одиннадцати вечера. В храме темно, тихо читают молитвы; к полуночи крестный ход выходит к запертым дверям храма, как Христовы последователи – к камню гроба; в темноте горят разноцветные стекла фонарей, колышутся свечи. У дверей поется: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Полночь.

Двери открываются, колокол заливается счастливым боем, в храме загораются огни: свет, счастье – жизнь победила! Священник сообщает собравшимся добрую весть: Христос воскрес! В ответ несется счастливое: воистину воскрес! Вот, мы здесь, мы сами видели, убедились: воистину воскрес!

Пасхальная заутреня – стремительная, звонкая, поющая; золотая, красная: свечи красные, одеяния священников красные, огни золотые, все брызжет радостью, все поет, все звенит. Шмелев пишет, что в полночь, когда двери храма отворились, в их приходе устраивали фейерверки: полная мера ликования!

Традиционно в пасхальное воскресенье и всю последующую неделю на колокольню пускали звонить всех желающих, маленьких и больших, оттого колокола иной раз и заливались несусветно, зато от души. Сейчас наконец время праздновать – от всей души, изо всех сил.

Ну и отъедаться, конечно. Постившиеся и непостившиеся, пришедшие сразу и прибежавшие в последнюю минуту – всех приглашают не столько к столу даже, сколько к радости. Потому что Христос воскрес, потому что жизнь возможна и прекрасна. ■

РУССКИЙМИР.RU

ОШИБОЧКА ВЫШЛА

КТО ТОЛЬКО НЕ ХОХОТАЛ И НЕ ЗЛОРАДСТВОВАЛ ПРИ ВИДЕ НЫНЕШНЕГО ГУБЕРНАТОРА КАЛИФОРНИИ, АРНОЛЬДА ШВАРЦЕНЕГГЕРА, В РОЛИ СОВЕТСКОГО МИЛИЦИОНЕРА В ФИЛЬМЕ «КРАСНАЯ ЖАРА». В РАЖ ЗРИТЕЛЕЙ ПРИВОДИЛА МИЛИЦЕЙСКАЯ ФОРМА ГЕРОЯ, СОВЕРШЕННО НЕ СООТВЕТСТВОВАВШАЯ ЭКИПИРОВКЕ СОВЕТСКИХ СТРАЖЕЙ ПОРЯДКА

Михаил БЫКОВ

Отрадно, что немало моих соотечественников, как выяснялось по ходу просмотра ленты, прекрасно разбирается в нюансах формы и знаков различия сотрудников МВД. Ложкой дегтя в бочке веселья лично для меня стало то, что соотечественники никоим образом не демонстрируют столь же нервной реакции, наблюдая за киноверсией исторических сюжетов в интерпретации собственных режиссеров. Хотя поводов для этого им дали предостаточно. И каких поводов! И какие режиссеры!

В самом деле, стоит ли обращать внимание на поделки в рамках приключенческо-мелодраматического жанра?

Куда выше цена ошибок в кинофильмах знаковых, культовых, формирующих национальное сознание и массовое знание. Ведь не секрет, что многие современные российские граждане учат историю Отечества с помощью исторических блокбастеров, а чтение классической литературы подменяют просмотром экранизаций.

Итак, как говорил герой Евгения Евстигнеева из фильма «Берегись автомобиля!», не замахать ли нам на «Уильяма нашего Шекспира»? Я же позволю себе замахать на советско-российских режиссеров, среди которых есть люди, сопоставимые по известности с автором «Гамлета».

Но прежде – последняя оговорка. Речь пойдет о кинематографических ляпах, касающихся военной экипировки, наград, обмундирования, потому что военная тема в русском искусстве, как и вообще в жизни страны, всегда занимала ведущее место. Такова уж беспоконная историческая судьба у нашего Отечества.

Ординарец комдива или мародер?

В 1934 году на «Ленфильме» братья Васильевы (творческий псевдоним советских кинорежиссеров-однофамильцев – Георгия и Сергея Васильевых. – Прим. ред.) сняли фильм «Чапаев». 15 ноября того

же года газета «Красная звезда» писала, что «советский зритель увидел, наконец, на экране картину, воскрешающую с потрясающей правдивостью и художественной выразительностью» историю Гражданской войны. Что до выразительности – трудно спорить. Сцена «психической атаки» белых на позиции красной, Чапаевской дивизии до сих пор безотказно действует на всех без исключения зрителей.

С «потрясающей правдивостью» дела обстоят куда хуже. Каппелевцы – а в картине чапаевцев атакуют именно части генерала Владимира Каппеля – никогда не выглядели так, как они выглядят на экране.

Довольно далеко от Самары и Южного Урала, где 25-я стрелковая дивизия Василия Чапаева сражалась с войсками адмирала Колчака, вели свой бой за правду войска Добровольческой армии Корнилова–Деникина–Врангеля. Именно в составе этой армии воевали части сначала Офицерского генерала Маркова полка, а затем и Марковской пехотной дивизии. Марковцы вошли в военную историю как один из «цветных» добровольческих полков наряду с корниловцами, дроздовцами и алексеевцами. Вот уже 17 лет эти названия, слава богу, можно произносить вслух, не рискуя попасть в число врагов трудового народа. Именно марковцы придумали себе такую форму – черную с белым кантом. Это был их, как сказали бы сейчас, фирменный стиль.

Другой вопрос куда более локален, но и куда более курьезен. Знаменитый чапаевский ординарец Петька весь фильм щеголяет в синих кавалерийских бриджах с офицерской красной выпушкой по шву (лента черно-белая, но «расцветить» ее нетрудно). По тем временам непозволительный намек. Либо ординарец самого красного комдива мародерствовал, либо «особисты» вкупе с комиссаром Фурмановым под самым носом врага проглядели.

В 1962 году «Мосфильм» выпустил в прокат «Гусарскую балладу». Эта картина продолжила линию «военных мюзиклов». Но «Небесный тихоход» и «Воздушный извозчик», «Сердца четырех» и «Жди меня» – ленты на тот момент современные. В «Гусарской балладе» создатели углубились в историю на 150 лет.

ИТАР-ТАСС

■ «Пушкин. Последняя дуэль». 2007 год

В то время в русской армии числилось 12 гусарских полков. Не много, правда? Согласно армейской практике тех лет, каждый полк имел собственную «боевую раскраску». Гамма полковых цветов не повторялась. Лейб-гвардии гусары носили красные ментики и доломаны, ахтырцы – коричневые, александрийцы – черные.

Поручик Ржевский предстал перед зрителями в форме Лубенского гусарского полка. Правда, нигде в фильме об этом не говорится. Но на Ржевском все честь по чести. Тем удивительнее слышать вопрос поручика, обращенный к переодетой в гусара Шурочке Азаровой. Яковлев–Ржевский, глядя в упор на корнета, интересуется при знакомстве: «Мундир на вас, я вижу, павлоградский?» Из предыдущей сцены ясно, что Ржевский еще не успел много выпить. Хотя и хмель в голове не мог бы служить кадровому офицеру-гусару оправданием в этой ситуации. На Шурочке прекрасно сидел прекрасно сшитый мундир... Сумского гусарского полка.

Для справки: сумские гусары носили серую форму с красной отделкой и серебряным приборным металлом, павлоградцы – зеленые доломаны, синие ментики и золотой приборный металл. Трудно спутать...

Если уж речь пошла о гусарах, продолжим ее фильмом Эльдара Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово...». Тут какая-либо конкретика о полку, в котором служит Станислав Сададьский с товарищами, отсутствует. Поэтому не станем придираться к обмундированию вверенных Валентину Гафту гусар. Очень хочется поговорить о том, на каком основании обер-офицеры полка (корнеты и поручики) едут в полковой колонне в общем строю (как нижние чины), но... не буду усложнять. Давайте о простом!

На шее у гусарского полковника весь фильм висит огромный Георгиевский крест. В принципе, там ему и место, так как, судя по размеру, это знак ордена Святого Георгия 2-й степени. Незадача в том, что получить 2-го Георгия по орденскому статуту мог только обладатель чина не ниже генерал-майора. И таковых орденосцев в истории российской было всего-то 125 человек.

В Российской империи ордена носили по принципу старшинства. Например, если, имея Владимира 3-й степени, получали тот же орден 2-й степени, то носили, как правило, последний. Исключение касалось только воинского ордена Георгия Победоносца. Офицеры надевали всех своих Георгиев и носили их всегда. Так предписывал статут. Получить же 2-ю степень прежде, чем вас наградят 4-й (низшей) и 3-й, было практически невозможно. Уж полковнику из армейских гусар – точно.

С этим орденом вообще полная неразбериха. Видно, кинорежиссерам льстит сознание того, что их киногерои щеголяют в мундирах с Георгием на груди. Это, вероятно, подчеркивает и неординарность персонажей.

К чему приводит такая любовь к самому уважаемому военному ордену империи, видно на примере фильма «Звезда пленительного счастья».

Николай Первый предстает перед нами в 1825–1826 годах в разных гвардейских мундирах и вицмундирах, но всегда с орденом Георгия 2-й степени. Режиссер Владимир Мотыль, сам того не ведая, пролил целебный нектар на душу императора. Тот всю жизнь мечтал о высокой степени военного ордена. Не случилось на его жизни большой и победной войны! Зная о тоске царя

РИА «НОВОСТИ»

■ «Анна Каренина». 1967 год

по черно-оранжевой ленточке, только в 1838 году Георгиевская орденская дума присудила Николаю Первому право наградить себя орденом Святого Георгия 4-й степени по выслуге лет.

Какие актеры, какие пронзительные и одновременно полные достоинства сцены, какая музыка и какая песня Булата Окуджавы... «Кавалергарда век недолог. Не потому ль так сладок он? Трубит труба, откинут полог. И вот уж слышен сабель звон...» Но штатным холодным оружием кавалергардов, как и всех кирасир, в то время был палаш, чей клинок разительно отличается от сабельного.

Известно, что по части всяческих военных тонкостей, в том числе и по наградам, Николай Павлович был большой дока. Но и такой специалист мог не видеть очевидного. Иначе он непременно задал бы вопрос князю Волконскому, скажем, во время гражданской казни, когда Сергея Григорьевича лишали орденов, чинов и дворянства: откуда у генерал-майора Волконского орден Георгия 3-й степени, если он награждался только 4-й степенью в 1814 году? Не ровен час, Волконский и его тесть, знаменитый генерал Раевский, перепутали мундиры и награды в какой-то момент. У Николая Николаевича Раевского как раз 3-го Георгия и не хватает на экране. А он его честно заслужил еще в 1813 году. Но если этот орден на мундире у зятя, то где Георгий 2-й степени, которым Раевский был награжден в 1814 году? Вообще пропал?

Я знаю ребят, которые, отслужив на Кавказе в горячие 90-е, стесняются или не считают нужным надевать боевые награды «за чеченские события». В XIX веке отношение солдат и офицеров к орденам и медалям было сугубо трепетное. И потому, что награда была адекватной оценкой честной службы, и потому, что кавалер получал многочисленные льго-

ты, пенсии, а во многих случаях – должности, личное и потомственное дворянство, титулы.

Россия – страна мундиров. Нравится или нет, но мундир, знаки различия и отличия на нем служили зримой социальной шкалой, по которой определялась общественная ценность человека. В этом явлении был свой твердый резон.

Посему ценили не только ордена. Гордились, например, полковыми знаками и значками учебных заведений. Между прочим, знаменитые в прошлом «поплавки», удостоверявшие наличие высшего образования, с удовольствием носили на лацканах пиджаков советские инженеры. Короче говоря, было бы что надеть...

Без оружия

В этом смысле сильно не повезло Вронскому-Лановому в фильме «Анна Каренина». Из романа Льва Толстого очевидно, что Вронский служил в одном из самых элитных кавалерийских полков. Либо в лейб-гвардии Конном, либо в лейб-гвардии Кавалергардском. Белый мундир, в котором щеголяет Вронский на экране, этот факт лишь доказывает. Но Вронского это не радует, он самый несчастный гвардейский офицер империи. У него нет ни одной самой завалющейся медали. Хуже того, у него нет полкового знака. Впрочем, ежели Вронский – конногвардеец, то это объяснимо. «Старуха Конная гвардия», по образной характеристике Николая Первого, почти за 200 лет существования полка так и не удосужилась изобрести собственный полковой знак. Но ежели Вронский – кавалергард, то на мундире или кителе он обязан носить полковой знак. И в любом случае он где-то учился офицерскому делу. А раз попал в гвардейские кирасиры, стало быть, в Пажеском корпусе или Николаевском кавалерийском. Уж у этих учебных заведений собственные знаки точно имелись. Мальтийским крестом Пажеского корпуса гордились не меньше, чем орденами.

Но самое страшное в том, что у Вронского не было... личного холодного оружия. По этой причине он не мог взять старт в офицерских скачках, не мог лидировать на дистанции и не мог, в конце концов, вылететь из седла своей Фру-Фру. Проблема в том, что к офицерским скачкам допускались офицеры на собственных строевых лошадях, в кителях и обязательно с личным холодным оружием. Палаша на левом бедре Вронского на ипподроме не было. В картине этот кавалерийский офицер вообще предпочитал, вопреки уставу, появляться без холодного оружия. Может быть, он терпеть не мог военную службу и, чтобы избавиться от погон, соблазнил Каренину, что неминуемо вело к необходимости ухода из полка? Таковы были нравы тогда, в конце XIX века. Впрочем, у Толстого все объясняется как-то иначе.

...И прочие армейские глупости

Но иногда у Толстого объяснений не найти. Князь Андрей Болконский не только предмет воздыхания множества барышень на протяжении почти полуто-

ра веков. Он также и эталон для подражания множества юношей на таком же временном отрезке.

А об эталоне хочется знать все. И я не исключение. Всякий раз искал ответа на вопрос: где все-таки служил Болконский? Граф Лев тщательно оберегал эту тайну князя Андрея.

Только несколько намеков позволяют предположить, что Болконский в 1805 году числился по кавалерии (у Толстого он лейб-гвардии капитан, хотя в кавалерии капитанов не было, а были ротмистры), в 1810-м, когда случился памятный бал, – уже гвардейским полковником, в 1812 году – опять же полковником, но уже армейским и пехотным.

В толстовском тексте все мелкие несурезицы, связанные с чинами князя Андрея, не слишком заметны. В визуальном варианте Сергея Бондарчука мелкие несурезицы превращаются для любителя военной истории в заметные нелепицы.

Начну с провокационного утверждения: Болконский – левша. Толстой, правда, ничего не пишет по этому поводу. Но у Бондарчука и без Толстого все ясно: палаш болтается у князя Андрея справа. Несмотря на устав и прочие армейские глупости.

Сергею Федоровичу консультанты пытались объяснить, что кавалергарды – а Болконский был кавалергардом – на балу танцуют в бальных мундирах красного цвета. Но Бондарчук хотел, как у Толстого, а у Толстого князь Андрей весь в белом. Пришлось искать компромисса в виде мундира, вовсе не существовавшего в русской армии в 1810 году. Колет кавалергардский, фалды – от кавалерийского армейского, металлический прибор и эполеты – опять-таки кавалергардские.

Красивым должен был быть князь Андрей и на Бородинском поле. Поэтому, видимо, режиссера не устроил скромный армейский мундир полковника Егерского полка, коим командовал Болконский в роковой для себя день. И на плечи прекрасного актера Вячеслава Тихонова легли гвардейские эполеты.

Апофеозом проблем кинокнязя Андрея с воинским регламентом времен наполеоновских войн стала история его подвига на холмах Аустерлица в 1805 году. Как в руки Болконского попало знамя Киевского гренадерского полка – одному Бондарчуку известно! Ибо Киевского гренадерского в помине на Аустерлице не было. В составе дивизионной колонны графа Милорадовича, где по сюжету должен был находиться Болконский вместе со штабом Кутузова, в бой за Праценские высоты двинулись Малороссийский гренадерский, Апшеронский, Смоленский и Новгородский мушкетерские полки.

Что уж тут вспоминать о странностях в обмундировании юного Николеньки Ростова, служившего, в отличие от Шурочки Азаровой, в Павлоградском гусарском полку, полковые цвета которого столь безбожно путал поручик Ржевский.

Где ваш мундир?

Сложные отношения отца с военной формой по наследству перешли к дочери – режиссеру Наталье Бондарчук. Она приступила к решению проблемы радикально.

Интрига, послужившая причиной дуэли Александра Сергеевича Пушкина с Дантесом-Геккерном, продолжалась довольно долгое время. Но она бы не завершилась столь трагическим для всех нас

ИНФОРМКИНО

■ «Война и мир». 1967 год

■ «Чапаяв». 1934 год

образом, если б в реальности лейб-гвардии поручик Кавалергардского полка Дантес-Геккерн вел себя так, как его кинематографический двойник в фильме «Пушкин. Последняя дуэль».

Офицерам русской армии – а уж гвардейцам тем паче – категорически запрещалось носить гражданское платье. И на службе, и в общественных местах, и даже в домашних условиях офицеру предписывалось носить форму. Гражданский костюм был допустим только в случаях отпуска по нездоровью, длительных заграничных командировок. Даже в отставку старались выйти с правом ношения мундира! А что Дантес? А Дантес делает визиты то ли во фраке, то ли в сюртуке. И это – на глазах у императора! Одного раза было бы достаточно, чтобы пасынок голландского посланника в один день вылетел бы не только из гвардии, но и из России.

Великий русский поэт Михаил Лермонтов однажды на балу попался на глаза великому князю Михаилу Павловичу в мундире своего прежнего полка. Отпуск поэта, который с огромным трудом выхлопотала при дворе его бабушка Елизавета Алексеевна, был тут же прерван высочайшим распоряжением – на Кавказ!

В последние 20 лет, когда технические возможности расширились и проверить что-либо можно, не просиживая часы в архивах, киноляпов меньше не становится.

Всего понемногу

«Сибирский цирюльник» Никиты Михалкова. Сразу замечу, что Никита Сергеевич возглавляет Общественный совет при Министерстве обороны РФ. Тем не менее ошибки и неточности фильма, основные персонажи которого – военные, потянули на целую книгу. Мне дороже других следующий момент. 1905 год. Сын русского юнкера и американской, извините, девушки проходит обучение в американской же армии. Он наказан и бежит в полной выкладке и в противогазе. Дело трудное и против-

ное. Но все могло бы быть иначе, если бы создатели фильма знали: первый противогаз изобрел русский ученый-химик Николай Зелинский в... 1915 году. В прямой связи с тем, что в апреле 1915-го немцы впервые применили боевой газ сначала на Ипре против французов, а в мае – на нашем, Восточном фронте.

«Турецкий гамбит». Создатели этого фильма о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, похоже, исключили саму возможность пригласить консультанта. Хотя бюджет картины, говорят, вполне позволял. Лента идет 144 минуты. 135 минут в кадре присутствует хотя бы одна ошибка. Не пахнет ли рекордом из Книги Гиннеса?

Телесериал «Баязет». Та же война. Та же беда. Главный герой в исполнении Алексея Серебрякова переведен в казачью часть из... Кавалергардского полка. Если такое, по мнению авторов, в принципе возможно, хотелось бы знать, почему казаки и офицеры гарнизона продолжают упорно называть бывшего гвардейца поручиком, если он теперь – сотник?

Разговор начался с фильма о Гражданской войне. Давайте и закончим его фильмом о Гражданской войне – телесериалом «Адъютант его превосходительства». История про капитана Кольцова не менее увлекательна, чем история про штандартенфюрера Штирлица. А вот документов о буднях Добровольческой армии Белого Юга сохранилось куда меньше, чем о жизни Третьего рейха. Но и малого количества писем и

■ «Звезда пленительного счастья». 1975 год

мемуаров, фотоснимков и кинохроники довольно, чтобы понять, как скромно жили белые офицеры в 1919–1920 годах. Так случилось, что подавляющее большинство интендантских складов после Первой мировой осталось на территории, контролировавшейся большевиками. Союзники помогали больше на словах, чем на деле. И уж униформу российской армии на Белый Юг точно не поставляли. В тылу жизнь была еще довольно приличной. А строевые офицеры, прибывая в краткосрочные отпуска в тыл, стеснялись появиться в обществе.

Так вот, внешний лоск, ухоженность и сытость всех без исключения белых офицеров, окружавших адъютанта-разведчика, не уступают лоску и ухоженности берлинских фюреров СС. И что характерно: все офицеры до одного – в ненавистных честному советскому труженику золотых погонах. Правильно, на экране-то золотопогонники! Но вот незадача: производство золотого галуна в России прекратилось в 1914 году. Личными запасами могли, конечно, располагать кадровые офицеры. Их в строю к 1918 году осталось не более четырех процентов. В белых частях носили по большей части матерчатые погоны, звездочки на которых нередко были просто нарисованы.

Внимание к деталям

Может сложиться впечатление, что наш кинематограф не использует институт консультантов.

ИНФОРМКИНО

■ «Адъютант его превосходительства». 1972 год

Или – что хуже – у нас такие консультанты. Оба посылка неверны. Если вспомнить того же Сергея Бондарчука и его фильм «Война и мир», то консультировали картину блестящие специалисты Сот и Лошковский. Их, вероятно, не всегда слушали.

При съемках «Звезды пленительного счастья» консультанты обратили внимание режиссера на то, что войска на Сенатской площади стоят не так, как это было 14 декабря 1825 года. В ответ прозвучало: «Так удобнее».

Можно ли избежать подобных ошибок?

Само собой. Есть примеры безукоризненных с точки зрения историко-материальной точности кинематографических работ. «Бедный, бедный Павел» Виталия Мельникова, «Цареубийца» Карена Шахназарова, «Эскадрон гусар летучих» Станислава Ростоцкого, «Бег» Алова и Наумова...

Так ли уж нужно избегать подобных ошибок?

Фильмы, о которых шла речь, в большинстве своем прекрасные образцы искусства. Тем досаднее. Ибо остаточный принцип по отношению к собственной истории приносит наибольший вред тогда и там, когда и где его носителями служат мощные по силе воздействия средства. Одним из которых, безусловно, является кино. Хорошее кино.

Почему Россия так плохо приняла западную экранизацию «Тихого Дона» и «Войны и мира»? Потому, что на уровне национального подсознания русские сразу поняли: не было у нас таких казаков и таких князей. На Дону казаки не сидят в седле, как английские лорды, согнув ноги. А князь Андрей не бежит в атаку с лицом американского футболиста, готового вот-вот сделать «тачдаун». Нет художественной правды – и все тут! Но если мы станем чуть тоньше, чуть внимательнее, чуть образованнее, нам помимо художественной правды захочется и правды исторической. В деталях – не только дьявол.

РУССКИЕ СЕЗОНЫ И НОВЫЕ ИМЕНА

**В МАРТЕ 2008 года
ОТМЕЧАЛОСЬ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Рудольфа
Нуриева, а в 2009 году будет
ПРАЗДНОВАТЬСЯ СТОЛЕТИЕ
РУССКИХ СЕЗОНОВ Сергея
Дягилева**

Вера МЕДВЕДЕВА

Париж

К этим датам во Франции готовятся так же тщательно, как и в России. Об этом нам рассказала представитель дягилевского комитета в Париже Стелла Калинина.

– Как вы думаете, столь активный интерес к памятным датам российского балета – заслуга отдельных энтузиастов или проявление общего интереса французов к этому виду искусства?

– Мне кажется, это, скорее, заслуга энтузиастов – поклонников российского балета, которых немало среди французов. Различные французские ассоциации совместно обратились в Национальный комитет Франции по памятным датам с просьбой считать день столетия первых Сезонов русского балета памятным днем. К этому замечательному событию мы подготовим обширную культурную программу. Я думаю, желание французов восстановить духовное наследие русских балетов, воссоздать дух той эпохи может стать прекрасной основой для возрождения интереса к русскому искусству. Это своеобразное продолжение миссии Сергея Дягилева. Если помните, на Русские сезоны 1906 года Дягилев привез в Париж художественную выставку, которая в следующем году экспонировалась в Берлине, а в 1911-м – в Монако. В 1907 году Дягилев в рамках Русских сезонов организовал пять концертов из произведений русских композиторов. В 1908 году он устроил в Париже премьеру оперы «Борис Годунов», где главную партию исполнял великий Федор Шаляпин. А в 1911-м Дягилев привез

ИЗ АРХИВА СТЕЛЛЫ КАЛИНИНОЙ

■ **Стелла Калинина**

балет «Павильон Армиды» Николая Черепнина, костюмы и декорации к которому были созданы Александром Бенуа.

К столетию Русских сезонов французское издательство «Эрмон» впервые в мире выпустит полное собрание рукописей Сергея Дягилева. Раньше издавались лишь фрагменты. Эта книга выйдет в марте нынешнего года. А французский журналист и писатель Жан-Бернар Каур Д'Аспри в 2009 году выпустит книгу «Сергей Дягилев и его великие Русские сезоны: от «Мира искусства» до русских балетов; от Санкт-Петербурга до Парижа».

Юбилей Рудольфа Нуриева и столетие Русских сезонов – это блестящая возможность показать здесь, в Париже, русские фильмы и новые балетные спектакли, организовать вернисажи.

– Какие мероприятия планируется провести в Париже в связи с семидесятилетием Нуриева?

– В Парижской опере с 4 апреля по 9 мая пройдут спектакли «Артефакт сюита» (музыка И.-С. Баха, постановка Уильяма Форсайта), «Четыре темперамента» (музыка Поля Хиндемита) Джорджа Балланчина, а также фрагмент из балета «Раймонда». Наша ассоциация – Stella Art International – организует выставку памяти Нуриева и проведет конкурс на лучший портрет Рудольфа. Недавно мы узнали,

что в Санкт-Петербурге жила художница Марина Тиме-Блок, которая написала великолепный портрет Нуриева. Мы планируем привезти в Париж и эту работу на нашу выставку. 31 мая нынешнего года фестиваль Нуриева в Уфе откроется балетом «Жизель», в котором будут танцевать солисты Парижской оперы, а 1 июня состоится гала-концерт с их же участием.

– Огромное наследство Рудольфа Нуриева растрчено его западными душеприказчиками. Музей, о котором он мечтал, так и не создан, сценические костюмы проданы на аукционах, стипендии его имени молодым исполнителям не выдаются. Может быть, имеет смысл обратиться к российским властям, чтобы они помогли сохранить память о Нуриеве?

– Я думаю, вы правы, и с этим предложением вполне можно обратиться в министерство или федеральное агентство по культуре. Наверное, они найдут возможность поспособствовать сохранению памяти о Рудольфе Нуриеве, поскольку личность этого выдающегося постановщика и танцора, безусловно, заслуживает и экспозиции, и стипендий, носящих его имя.

– В свое время Серж Лифарь из труппы Дягилева, ставший постановщиком в «Гранд-опера», говорил: «Я вернул Франции дань за Россию. Когда-то французы привезли балет в Россию, а потом русские возродили у французов интерес к балету». Такому возрождению несколько десятилетий спустя способствовал и Рудольф Нуриев, на выступления которого молодежь ходила, как на концер-

ты рок-звезд. Можно ли эти слова повторить и сейчас, особенно в свете последних гастролей Большого театра в Париже?

– Если говорить о последних гастролях Большого театра, то было очень странно, что во французской прессе не было практически никаких отзывов, кроме рецензии в «Фигаро» и статьи в «Ле Монд». Несмотря на такую информационную «тишину», в зале были аншлаги. Помимо затишья во французской прессе бросалось в глаза и отсутствие на открытии гастролей заметных французских политиков. Раньше гастроли Большого театра открывались в присутствии президента республики и министра культуры, также присутствовали другие члены кабинета министров. А в этот раз не было ни президента, ни заметных политических персон, ни министра культуры Франции. Открытие гастролей Большого театра прошло довольно скромно, и это меня очень удивило.

– Как вы думаете, почему это произошло?

– Я бы не брала на себя смелость давать поспешные оценки. С одной стороны, может быть, французы решили, что Большой театр уже достаточно известен, занял свое место в мире и совсем не обязательно активно анонсировать его и делать ему большую рекламу.

– Судя по ответу, сейчас нельзя говорить о каком-то особом влиянии, которое российский балет оказывает на Францию, как это было раньше. Похоже, российский и французский балет движутся параллельно, каждый по своему пути?

ИТАР-ТАСС

■ Рудольф Нуриев после спектакля «Сильфида» на сцене Театра имени С.М. Кирова. 1989 год

ИТАР-ТАСС

■ Сергей Дягилев. 1920-е годы

– Сейчас действительно наблюдается такая тенденция, что каждая балетная школа существует сама по себе, ищет собственные способы самовыражения. Иногда, конечно, дороги пересекаются, проводятся объединенные концерты. Россия приглашает выступать у себя западных солистов, наши звезды – желанные гости всех мировых театров. Особенно много ангажементов на Западе у солистов Мариинского и Большого театров.

– В чем принципиальная разница между российским балетом и европейским?

– Позиция Министерства культуры Франции – развитие современного танца. Классический танец на пуантах существует только в четырех из тридцати театров Франции – в Париже, Бордо, Тулузе и Ницце.

В России сегодня есть интересные молодые труппы, которые ориентируются как раз на современные подходы. Например, в прошлом году наша ассоциация организовала в Париже премьеру спектакля «Адажиетто» по мотивам рассказов Зинаиды Гиппиус. Все происходило в театре Пьера Кардена и при его поддержке. Этот спектакль был поставлен Ксенией Маршанской, танцевали солистки Большого театра Анастасия Коваленко, Марина Володина, также участие принимал драматический актер Анатолий Смирнин. Постановка была авангардная – некий синтез драматического искусства и балета. Как ни странно, в ней было очень мало музыки, только в конце спектакля прозвучали аккорды Рахманинова, чувствовалось, насколько для

французов это было непривычно: они ждали чего-то иного от русского балета. Так что вопрос о том, кто более авангарден – россияне или европейцы, – довольно спорный. Конечно, у русского балета устоявшийся имидж, но российские постановщики активно ищут оригинальные формы.

– А не получается ли так, что слава «Лебединого озера» или «Корсара» не позволяет западному зрителю разглядеть совершенно новые грани русского балета?

– Да, такое «давление» имиджа имеет место. И особенно остро это чувствуют те, кто пытается предлагать западному зрителю современные российские постановки. Я тоже с этим столкнулась на примере спектакля «Адажиетто». Между тем число людей, которые хотели посмотреть привезенный нами спектакль, приблизительно в три раза превышало количество мест в театре Кардена. Постановку публика воспринимала осторожно, мнения были абсолютно разные, при этом вокруг спектакля все время были разговоры. То есть интерес он вызвал. Самое главное, чтобы говорили, чтобы не молчали, только тогда можно считать, что спектакль состоялся.

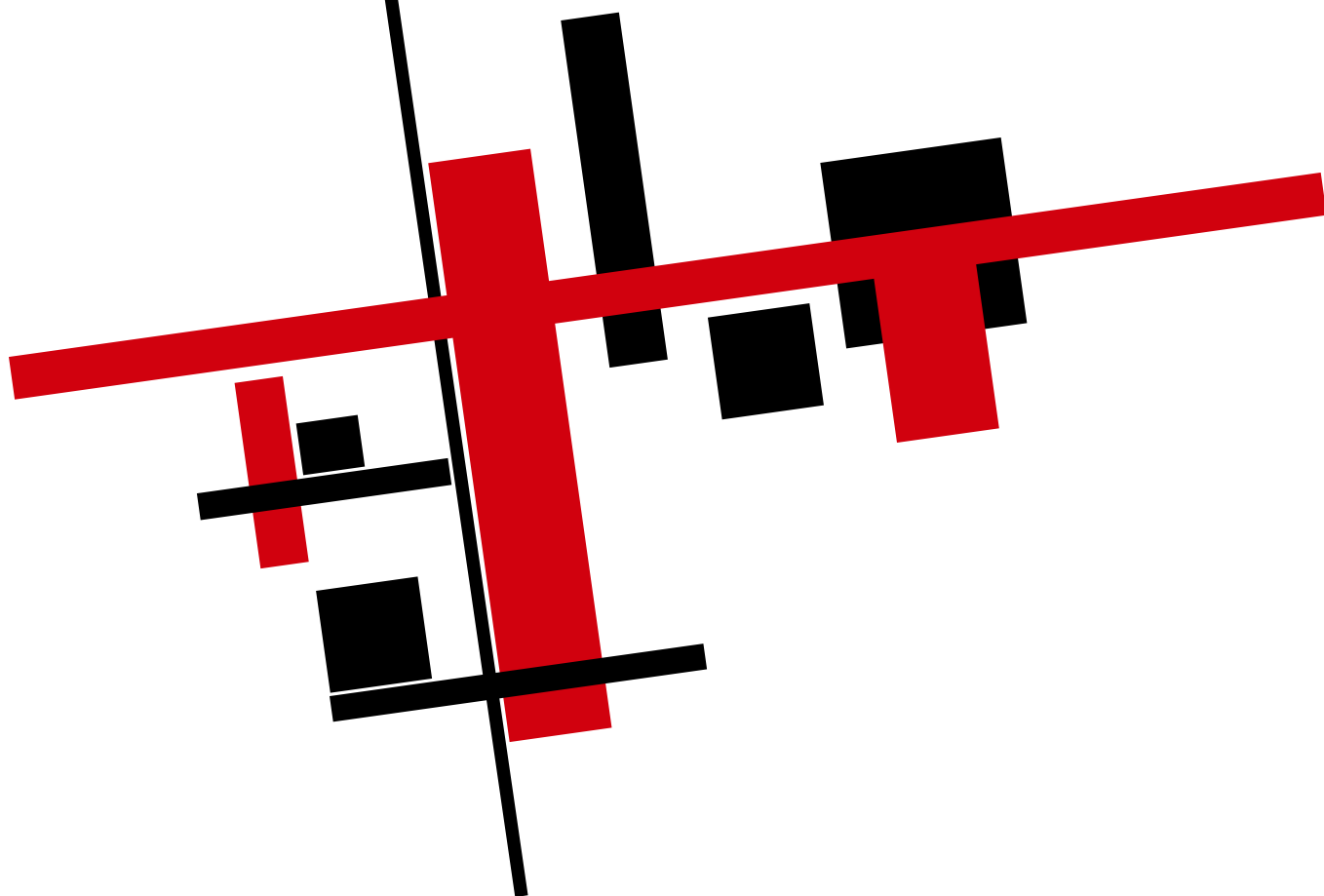
– С одной стороны, балет – это потрясающая техника. С другой – красота, причем не в последнюю очередь красота костюмов и декораций. В современных же постановках часто остается лишь техника, а красота теряется. Может быть, этим объясняется то, что современный балет находит меньше поклонников, чем вечная классика?

– Я думаю, все проще: есть малобюджетные спектакли и спектакли с бюджетом. Конечно, когда у постановщика нет денег, он не может себе позволить красивые костюмы, не может пригласить ни художников высокого класса, ни декораторов, ни костюмеров. И поэтому стали возникать упрощенные формы: пустая сцена, какой-нибудь черный кабинет, черные костюмы, белый ковер. Нас стали уверять, что так и нужно делать, поскольку это – современно, модно и стильно. Однако когда во времена Дягилева декорации и костюмы выполняли по эскизам выдающихся художников, сразу становилось очевидно, что зрителю это нравится. Сегодня, к сожалению, немногие могут себе позволить роскошные балетные постановки. Яркая постановка – это праздник. Все-таки когда приходишь в театр, всегда ждешь какого-то чуда. Но не всегда его получаешь. И здесь, безусловно, могут помочь меценаты. Они были всегда, и у Дягилева, кстати, тоже. На издательство журнала «Мир искусства» давали деньги принцесса Мария Пенишева, крупный промышленник Савва Мамонтов. А меценатами его постановок были и графиня Греффюль, и принцесса Полиньяк, и Мисия Серт, и, конечно же, Коко Шанель.

Я надеюсь, празднование столетия Русских сезонов откроет для Франции новые российские имена – танцовщиков, хореографов, художников. Здесь прекрасно знают наших звезд, но хотелось бы увидеть и молодых талантливых исполнителей, которые могут удивить и поразить. Ведь Россия так богата талантами. Мы их ждем. ■

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

РУССКИЙМИР.RU

РЕМБРАНДТ В ПОГОНАХ

НЕ ТАК ДАВНО В МОСКВЕ ПРОШЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ЖИВОПИСИ RUSSIAN ART WEEK. УЧАСТИЕ В НЕМ ПРИНЯЛИ БОЛЕЕ 300 МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ. ПЕРВОЕ МЕСТО В КАТЕГОРИИ «ПРОФИ», ГДЕ ОЦЕНИВАЛИСЬ РАБОТЫ ХУДОЖНИКОВ, ЗАВЕРШИВШИХ СВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ, ЗАНЯЛ СОТРУДНИК УВД ПО РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ АНДРЕЙ МИРОНОВ. ПОБЕДИЛ СРЕДИ ПРОФИ ВОВСЕ НЕ ПРОФЕССИОНАЛ...

Зоя МОЗАЛЕВА

Днем Андрей Миронов курирует работу дежурных частей, координирует работу подразделений: под его контролем расследования самых дерзких преступлений. А вечером он берет кисть и создает картины, которые учат вере, добру, всепрощению... По словам самого художника в милицейской форме, никакого противоречия в этом нет.

Его вполне уместно назвать «оборотнем в погонах». После того как рабочий день инспектора оперативного штаба УВД окончен, Андрей Миронов превращается в художника. Серая милицейская форма маскирует «ученика» Рубенса, Веласкеса, Рембрандта – именно их он считает своими учителями.

С детства Андрей мечтал стать живописцем. Что такое муки творчества, он узнал еще лет в шесть. Андрей вырос, но мечтать о кистях и холсте не переставал. Ну разве совместимо это с прогулками по темным улицам Рязани с резиновой дубинкой в руках? Оказывается, вполне...

В маленьком таежном городке, где он жил в детстве, не было ни художественной школы, ни частных учителей живописи. Андрей все осваивал сам. Манера самообучения у него была оригинальная. Писать с натуры возможности не было. С детства собирал буклеты с работами старых мастеров. Они-то и служили учебным материалом. Нельзя сказать, что он их копировал, скорее, они были своего рода ориентирами. «Как говорится, если хочешь стать генералом, равняйся на маршала», – поясняет Андрей.

Начиная с семи лет, рассказывает Андрей, каждую свою работу писал так, будто готовил ее для Третьяковской галереи. Не было у него тренировочных, промежуточных работ – каждое творение, за которое брался, было доведено до логического завершения.

По окончании восьмилетки в своем городке Андрей поехал в Рязань – поступать в художественное училище. Увы, не повезло. Но Миронов решил не сдаваться. Работал дворником и готовился ко второй попытке. Это был единственный год, когда он по академическим понятиям учился живописи. На способности молодого человека обратили внимание, преподаватель на подготовительных курсах не сомневался, что Андрей станет студентом. Но, как говорится, не судьба...

«А я для себя другого пути не представлял, – вспоминает Андрей Миронов. – Запасных вариантов не предусмотрел. Пришлось поступить в СПТУ, где специальность хоть как-то была связана с «художественностью» – мы учились делать витражи, мозаики... Какое-никакое, а все-таки творчество. Потом пошел в армию. Конечно, там было не до живописи».

С этим не поспоришь. Особенно если учесть, что полгода армейской службы Андрей провел в Чечне... Сам признает, оставил там немало здоровья. Думается, Веласкес с Рембрандтом таких натур не видели.

После армии Андрей долго искал себя. Писал портреты на заказ, подрабатывал на стройке... Подвернулась служба в органах. Подумал тогда:

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АНДРЕЯ МИРОНОВА

■ «Откровение Иоанна Богослова»

«Пересижу какое-то время, а потом определяюсь». Но служит вот уже 12 лет. Сначала трудился в патрульно-постовой службе, потом окончил университет МВД, стал инспектором штаба УВД. Как говорится, втянулся. И научился совмещать основную работу с увлечением живописью.

«Честно признаюсь, на какое-то время я почти оставил «художества». Конечно, писал – без этого своей жизни просто не представляю, – но очень мало. Ну, одну картину за год... Все раздаривал. А потом вдруг подумал: что же я за художник – картин-то нет, все раздал. И тогда стал усердно работать. После службы небольшой перерыв на ужин – и за кисть. А в выходные творчество с 9 утра до 11 вечера. Вообще, живопись никогда не была для меня хобби, – рассказывает Андрей. – Это что-то другое. Это – дело. Сейчас, если не пишу, день считаю потерянным».

И сотрудники штаба, и руководство УВД относятся к своему коллеге-Рембрандту уважительно. Когда надо было сделать для митрополита подарок от УВД, Андрею даже отгулы давали, чтобы тот в срочном порядке написал Рязанский кремль.

■ «Христос и Марфа»

из личного архива Андрея Миронова

■ «Се стою у двери и стучусь»

Первый рисунок, который сохранился у художника-милиционера, он создал года в четыре. Называется сие творение «Дождик». С тех пор прошло более четверти века, и живописные пристрастия Андрея Миронова заметно изменились. Пейзажи оперативника не вдохновляют. Ему гораздо интереснее работать с образом человека: «Я всегда тяготел к живописи, наполненной глубоким идейным содержанием. Всегда любовался картинами старой школы, мастерами эпохи Ренессанса».

Ко всем составляющим своего творчества – и к технической, и к идеологической стороне дела – Андрей подходит очень основательно.

«Наша эпоха – это эпоха пустоты. Во всем – поверхностность, – рассуждает старший лейтенант Миронов. – Картина должна быть одухотворенной. Искусство должно не только вызывать эстетические чувства, но и трогать душу. В этом его назначение».

Своим творчеством сотрудник Рязанского УВД старается реализовывать это назначение искусства. Его работы более чем серьезны. Достаточно сказать, что основная линия творчества – библейские сюжеты. Как говорит сам Андрей, такой выбор не случаен – эта тема наиболее глубокая. При этом Миронов не ограничивается простым воспроизведением сюжета. Взять, к примеру, картину «Неверие святого Фомы». На ней и Фомы-то нет. Есть только Иисус Христос, предъявляющий зрителю свои раны. И когда человек всматривается в картину, ищет Фому, то понимает, что он, зритель, и есть тот самый неверующий Фома... По крайней мере, таков замысел автора.

Так получилось, что с недавних пор Андрей начал писать иконы. В Казанском женском монастыре Рязани уже есть несколько образов, написанных иконописцем в погонах. Говорят, владыка Рязанский и Касимовский Павел, когда увидел икону Спаса Нерукотворного, созданную Андреем Мироновым, был просто поражен.

Андрей рассказывает, что образы на иконах, как правило, собирательные. Так, Богородицу для плащаницы Успения Божией Матери он писал с одной из сотрудниц родного ведомства. На иконе Пантелеймона глаза у целителя родной сестры, а руки – мамины...

Кстати, «в благословение за усердные труды во славу Русской православной церкви и Рязанской епархии» инспектору оперативного отдела штаба УВД Андрею Миронову дана архиерейская грамота.

По словам милиционера, реализованные замыслы далеко не все, что он может. В его мечтах – создать монументальное, многофигурное произведение. Но для этого нужны студия, деньги, натурщи, костюмы... Кто знает, быть может, когда-нибудь эти мечты сбудутся.

«Помню, когда я еще маленьким ходил в музей, смотрел на картины, точно знал: вырасту, буду писать так же. Насколько я этого добился, судить, конечно, не мне... Но я всегда чувствовал потенци-

■ «Рябиновое утро»

■ «Успение Богородицы»

ал. Впору поверить в перерождение душ. Может, в прошлой жизни я был художником?»

Как бы там ни было, но в жизни нынешней он стал милиционером, который и дня не может прожить без живописи...

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

**Любимый художник
издательства «Советский
писатель» Елена Муханова
стала знаменитой
в международном масштабе,
оформив первое в России
собрание сочинений
Евгения Замятина**

Людмила ЛУНИНА

На волне успеха она плавно перешла к большим скульптурным объемам из бумаги, а затем постепенно сдрейфовала в совсем уж экзотическую область – монументальных пастелей. Почти 10 лет Елена жила во Франции. Сравнение русской и французской культуры – одна из ее игр в бисер.

– Елена, для затравки я готова вспомнить свои первые впечатления от Парижа. Я стояла на площади Бастилии в диком разочаровании, что с небес не льется музыка, как в документальных фильмах, нет брызг фонтанов, а наоборот, как в Москве, вокруг машины и пахнет бензином.

– Степень наших ожиданий так велика, что Парижу не остается ничего другого, как разочаровывать. Я ехала поездом, мое разочарование было не столь резким.

– А вы ехали открывать выставку?

– Открыть выставку и работать. История завершилась в Москве в начале 90-х. Я принесла работу на клубный вечер, который так и не состоялся, но работу увидел парижский галерист и тут же отдал мне за нее деньги со словами: «Я покупаю всю серию». Работа была одна-единственная, никакой серии не предполагалось. Но галеристу нужно было 25–30 вещей. Раз в месяц он приезжал в Москву, платил за все сделанное и ничего не забирал. Лучших условий нельзя было придумать. Я лепила большие объемы из папье-маше, работы складывалась в комикс про историю страны. Да и за окном все бурлило, у всех был дикий энтузиазм. На заре 90-х жизнь бежала под ноги. Нас выпустили за границу, нам все интересно, мы интересны всем. Этот смерч и вынес меня в Париж.

– И на чем вы там обожглись?

– Вначале все было замечательно. Галерист снял мне квартиру в очень дорогом районе. За мой счет. Потом я поняла, что можно было найти жилье дешевле. Но тогда я не умела считать деньги и просто радовалась, что Елисейский дворец в двух шагах от моей студии. Первая выставка открылась в квартале антикварных галерей, на правом берегу Сены. В витрине красовалась моя работа «Соотечественники»: толстый, обклеенный ситцем «соотечественник», с офицерскими пуговицами по голому пузу и золотым пенисом. Золото нагло блестело прохожим в глаза. Я помню сухонькую старушку, которая выгуливала йорка, – она аж подпрыгнула, когда случайно увидела эту витрину. Вторую выставку мы делали на левом берегу Сены, и там я выглядела более органично.

– Для студентов и профессуры?

– Дело не в этом. У французов все безумно регламентировано: как нужно одеваться до пяти, а как – после пяти, где показывать ситцы и пенисы, а где – канделябры и живопись маслом.

Как-то я спросила свою французскую учительницу, уместно ли будет пригласить малознамого человека, месье Мулинари, на обед. Оказалось, месье Мулинари ни при каких условиях не будет у меня есть. Потому что так не принято. На чай приглашают после пяти лет знакомства, на обед – после пятнадцати. На ужин можно пригласить, только выйдя на пенсию и только школьных друзей. «Но ведь может случиться, – приставала я к учительнице, – что люди придут на чай, начнут общаться, всем будет хорошо, время приблизится к семи. Неужели расхотится по домам?» Французы разойдутся. Гости поедут к себе, хозяева бросятся к холодильнику. И так во всем.

А моя чудесная французская свадьба?! Она была в три часа дня. «Значит, – сказала свекровь, – шампанское и орешки». Мы с мамой и напекли, и наготовили всякого – вопреки правилам. Гости все с удовольствием съели, спрашивали, какой выездной ресторан организовал нам такое замечательное угощение. Самим готовить к празднику не в традиции. Кстати, к семи все приглашенные разбежались. Не знаю, влез ли в них дома ужин. А может, они давали нам возможность поужинать без них? Время ужина – это свято. Вполне вероятно, такая позиция и верна, и это мы – дикари. Но мы там дикари в любом случае, что бы мы ни делали. Сыр – только после ужина, а я люблю на завтрак – дикарь!

– Вы думаете, такая регламентация – странный атавизм дворцовой жизни?

– Это стандарты обывательско-чиновничьей жизни. Во Франции вообще сильная бюрократия, много государственных служащих.

Правила самые причудливые. Например, в китайских ресторанах мне нравились только салаты

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ ДЛЯ РМ

и равиоли, их лакированную утку я не люблю. Муж болезненно воспринимал мои попытки отказаться от основного блюда: «Ах, дорогая, так нехорошо».

Или я пыталась найти работу как книжный иллюстратор. Мое досье вызывало недоумение: «В каком стиле вы работаете?» Я работаю в разных стилях. Нет, я должна выбрать один-единственный, тогда издатель выберет меня, как ткань в магазине: столько-то метров на блузочку. А вот наш традиционный метод, когда книжный художник улавливает манеру писателя и трансформирует под него свой стиль, там непонятен.

– Но, наверное, не все вызывало раздражение?

– Наоборот, вначале все дико радовало. Особенно торговая реклама. Она изумительна: в ней столько фантазии, блеска, такие перформансы в магазинах устраивают. Однажды под потолком в галерее Lafayette повесили огромный розовый кокон, в котором эмбрионом сидела девушка. Еще не родившись, она красила губки. Кокон вращался, презентуя новую косметическую линию.

Впечатление производила любая непривычная гармония, например Дефанс, парижский Сити. Я приехала на метро, поднялась наверх и очутилась на искусственной земле, на которой уместны были бетонные и металлические скульптуры, а вода, трава, цветы, деревья казались причудливыми

арт-объектами. От такого придуманного пространства у меня реально закружилась голова. Рядом оказалось кафе. С действительностью примирил воробей, съевший со мной мой бутерброд.

...Меня до сих пор потрясает в Париже колоссальный культурный слой. Любой антикварный магазин как маленький музей. Блошинные рынки – культурный компост. Дворцовый роскошный быт открыт для глаз. Мебель, бронза, мраморы, гравюры – красивых старинных вещей невероятно много, и все можно купить.

Помню, как впервые пришла в аукционный дом «Друо». Там несколько залчиков, в одном продавали афиши начала XX века, в другом – русское искусство, круг Венецианова. И у меня хватало денег на покупку. Меня тогда это сразило: я могу купить Венецианова!

– А музейные впечатления?

– Мне очень нравится Музей Орсе. Его можно проглотить, не умерев при этом. В Лувре невозможно даже добраться до того, что хочешь посмотреть: так много людей и всяческого искусства, что надо идти, зажмурившись. По-хорошему, в Лувре неплохо бы сделать разные входы.

– Природа радовала больше?

– Когда стало ясно, что я выхожу замуж и уезжаю в Париж навеки, на своей подмосковной даче я ходи-

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ ДЛЯ РМ

ла босиком по траве и думала: «Там даже это будет иначе!» Так и оказалось.

Франция – южная страна, там нет ярко выраженной смены времен года, осеннего листопада и мокрой ранней весенней земли. Там цветения одуванчиков никто не замечает, а в России – ура! Лето! Чтобы вспомнить русские привычки, надо идти в горы: черника – это горная ягода.

Самая потрясающая французская природа – это парки. Один из лучших – небольшой частный парк Со. Стоишь на возвышении и смотришь вниз, на подстриженные кубами каштаны. Каштаны цветут, и цветы свечками торчат над выстриженной поверхностью. А весной в парке цветут сакуры, под каждой сидят японцы и тихо отмечают свой национальный праздник – цветение сакуры.

У французов вся страна устлана туристическими табличками: вдоль дорог – минимальные сведения о достопримечательностях. В живописных местах – таблички C'est bone. И они послушно восхищаются: Oui, ce n'est pas male! А без табличек не заставишь.

...В свой первый приезд в Париж я без устали гуляла по городу, терялась, а потом по карте вычисляла путь домой. Однажды таким слепым образом забрела на пляс Пигаль, в район красных фонарей. Шла и думала: что за странные вкусы у местных жителей?! Потом увидела секс-шопы и поняла.

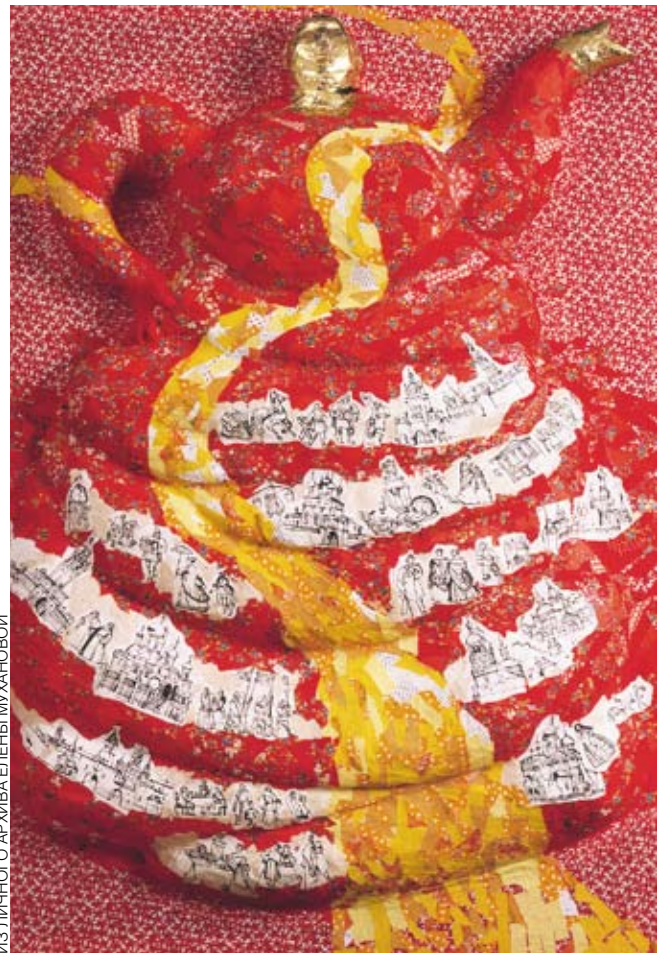
– Иногда кажется, что парижская мэрия специально доплачивает проституткам, чтобы сохранить исторический колорит города.

– Если продолжать тему зланных мест... В Париже и проститутки выстроены по ранжиру. Те, что сидят в машинах, – утонченные и ухоженные, те, что стоят в дверях, – сильно проще. В Булонском лесу есть аллея трансвеститов. Мой галерист возил меня на экскурсию. На нашу машину навалилась настоящая офицерская жена, мечта полка: пышка в кудрях-завитушках, совершенно русопятое лицо, губы бантиком, грудь колесом. Потрясающая тетка, которая должна заводить любого мужика. «Ну, эта-то – женщина!» – говорила я. «Женщин здесь не может быть, – отвечал галерист, – их никто сюда не пустит!»

Позже муж показал площадь свингеров, где меняются парами. Мы приехали, остановили свою машину, подождали минут пять – и к нам подошел... японец! А мы уехали. Лишили меня, может быть, самого экзотического в жизни опыта.

– Не было ли у вас там волнующих встреч с соотечественниками?

– С одной дамой в роскошной квартире на площади Инвалидов. Ей было сильно за 80. Она была из тех провинциальных красоток, которых в 1930-е обучали в НКВД, а потом выдавали замуж за иностранцев из Коминтерна, чтобы присматривали за ситуацией. Я случайно что-то сказала про демократию и Ельцина – у нее мгновенно глаз зажегся. Если бы она могла, тут же меня расстреляла. Это было время, когда закончились наши вливания во французскую компартию. Всю ее роскошную сытую жизнь оплачивала наша страна.

ИЗ Личного архива Елены Мухановой

– А с потомками белой эмиграции?

– Знакомый мужа хранил знамя гвардейского полка, который в полном составе эмигрировал после революции. То есть полк разбрелся, кому-то досталось знамя, оно перешло к потомкам, и потомок пытался раскрутить историю. Он хотел передать знамя не в музей, а в действующий полк, и бесконечно перебирал претендентов.

Набоков говорил, что Россия тем хороша, что ее история, как амфора, закончена, ее можно поставить на полку. А русские французы вокруг этой амфоры пытаются жить. В церковь надевают по два павловопосадских платка, в квартирах ставят матрешки, самовары, иконы. Это такая культивируемая отдельность, романтический нимб.

Однажды я привезла мужа на экскурсию в Калугу, и местный художник уступил нам квартиру своей мамы. Там муж увидел балалайку. «Боже мой! – закричал он. – Первый раз вижу в русском доме балалайку. Почему у вас совсем их нет?» Муж воспитывался в иезуитской школе для русских мальчиков. Иезуиты держали воспитанников в строгости, но своих религиозных догм не навязывали, наоборот, пытались сохранить русское начало и всех поголовно учили играть на домбре и балалайке.

– А в церковь вы там ходили?

– Моя свекровь постоянная прихожанка русской церкви в Сен-Женевьев-де-Буа. Там замечательно, по-домашнему отмечали православное Рождество – в пику католическому празднику, давно

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЕЛЕНА ИМУХАНОВОЙ

ставшему в Европе безумным шоппингом. Однажды на Рождество мы оказались в Турине, и я потянула мужа поклониться Плащанице. Он отговаривал: «Ты увидишь, Плащаница тут ни при чем». И действительно, церковь оказалась закрыта, все были заняты покупкой подарков.

– Лена, как же при всей французской церемониальности ваш муж на вас «упал»?

– Сергей – потомок первой эмиграции. Его предки несколько веков прожили в России, а после революции как репатрианты вернулись в Париж. В этой среде после перестройки была в моде Россия, многие принимали российское гражданство. Но вовсе не для того, чтобы жить в России, – еще одну матрешку поставить в гостиной. Наша «ляmur романтик» была данью моде с его стороны и прорубленным окном в Европу – с моей.

И потом, мой муж был не совсем традиционным французом. Физиотерапевт – по-французски «кинези», экстремальный путешественник, объездивший всю Африку и Азию, массон. В 68-м он прыгал на баррикадах, боролся за сексуальную свободу. Строить с ним жизнь и быть было невозможно, зато в скитаниях, приключениях, короче, в отпуске он был отличным товарищем.

– Брак распался, и вы вернулись?

– Не только поэтому. Формально я до сих пор замужем. Во французскую жизнь надо было яростно вгрызаться. При этом теряя слишком многое. Это удается тем, кто сжигает мосты, а я не могла выбросить из головы, что у меня в России квартира в самом центре, по тамошним меркам – на Елисейских полях.

Раньше у моего поколения были свои резоны к эмиграции. В 84-м посадили «книжного жучка»,

который доставал мне запрещенные книги – Набокова, Гумилева и других. И я тогда говорила, что уехала бы в эмиграцию за русской культурой, чтобы наконец-то все прочесть. Но нам хватило нескольких лет перестройки, чтобы прочесть все книги и все фильмы пересмотреть.

– А разыгрывать во Франции карту эдакого спасенного русского художника, вырвавшегося из коммунистического ада?

– Для этого надо было уезжать раньше. Этих спасенных в таком состоянии консервировали. Утонченные дамы-спасительницы и художники-алкаши, выставки в подвалах, селедка на газетке. Некоторые по таким правилам продолжали играть всю жизнь.

Я, например, видела в Париже двух Оскаров Рабиных. Одному город дал просторную, вполне respectable мастерскую. А потом я была на выставке в поганом подвале, где тусовались русские художники, и уже совсем другой Рабин заявлял: «Я всегда был хулиганом». Он продолжал рисовать водку, когда она уже поменяла этикетку, цену и смысл. Евреи на его картинах ехали и ехали на Запад, даже когда они в реале уже повернули поезд, переключили стрелку и потянулись обратно на восток.

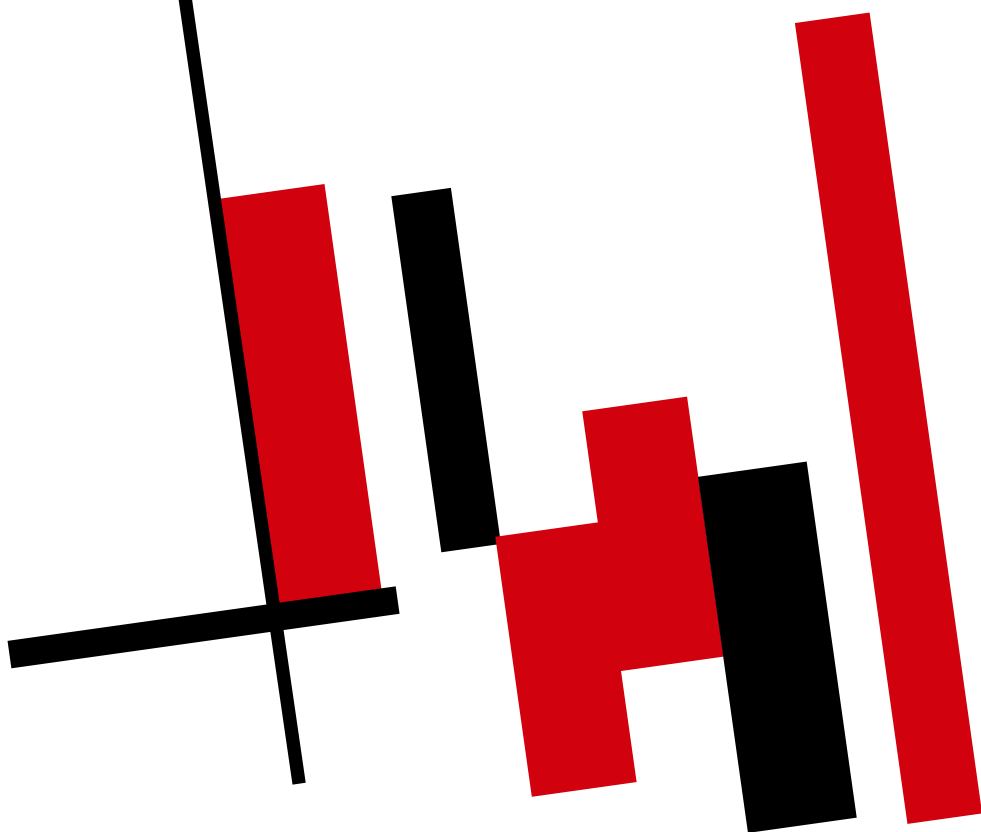
Но это был не единственный путь самопрезентации. Я была знакома с архитектором Гарри Файвом, который вцепился во французскую культуру, как бульдог: в дополнение к МАРХИ окончил Сорбонну, выигрывал тендеры, строил целые кварталы. Художник Максим Варданян, с которым мы приехали в Париж одновременно, так и остался во Франции – и преуспел. Недавно привозил в Москву выставку. Меня впечатлило даже не то, что он преуспел, а то, что он пытается меняться, не превращается в застывший бренд.

– Елена, но вот сейчас, окончательно вернувшись, вы ведь не делаете ситцевых баб, а рисуете вполне роскошные цветы, и в ваших пастелях при желании можно увидеть французское влияние.

– Если бы во время работы я думала, под чьим влиянием нахожусь и какие пластические задачи решаю, ничего бы не смогла нарисовать. Если и есть влияние, то оно от Европы в целом, потому что я в Париже жила наездами, делала выставки в Италии и Германии, много путешествовала с мужем. Единственное, что я поняла за эти 10 лет вне России, – моя свобода внутри меня. Я внутренне сражаюсь не за свое место во французской или еще какой-то жизни, а просто – за свое место. Хотя бы за право рисовать цветы. Я себя уговариваю перестать этого стесняться. Давным-давно художник Борис Жутовский мне говорил, что бабы-художники боятся быть бабами, строят из себя гермафродитов, Кете Кольвиц, Анну Голубкину. Я тогда подумала, что это смелость – оставаться в профессии женщиной. Ну да, рисую цветы! Да еще таким нежным мелком – пастелью. Но я это делаю не сладко, не вяло. И это, может, труднее – рисовать цветы так, чтобы это не было салоном и дилетантством. За собственное самоопределение я и борюсь. Вернее – просто живу. ■

**РУССКИЙ
ЯЗЫК**

РусскийМир.ру

ЗАГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ

В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ В МОСКВЕ СОСТОЯЛАСЬ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ: РЕАЛИИ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ», ОРГАНИЗОВАННАЯ ФОНДАМИ «РУССКИЙ МИР» И «НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ»

Анастасия НЕЧАЕВА

«Язык, которым Российская держава великой частью света повелевает, по могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло

быть приведено в такое совершенство, каковому в других удивляемся» – так писал Михаил Ломоносов почти триста лет назад. Судя по этим словам, гениальный ученый не сомневался, что русский язык может в будущем стать настоящей lingua franca.

В общем-то в XX веке имелись все предпосылки для того, чтобы прогноз Ломоносова стал реальностью. По данным лингвистов, во второй половине прошлого века русский язык по распространенности занимал третье место в мире: его понимали и на нем разговаривали приблизительно 500 млн жителей Земли (на первом месте был китайский язык, на втором – английский). Согласно исследованиям канадского ученого Ж. Лапонса (J. Laponce), опубликованным в 1987 году, русский язык на тот момент по экономическому значению уступал только английскому, а по количеству переводов с него занимал третье место в мире после все того же английского и французского.

Но в последнее десятилетие XX столетия ситуация начала меняться кардинальным образом. Уже к 1997 году, по данным Language Monthly, число русскоговорящих на планете сократилось до 300 млн (пятое место по распространенности в мировой таблице о рангах), из которых 160 млн считали его родным.

Сегодня ситуация усугубилась. Число говорящих на русском языке и понимающих его оценивается приблизительно в 235 млн человек, из ко-

торых 164 млн считают его родным. Пока наш язык входит в первую десятку наиболее распространенных языков на планете (китайский, английский, испанский, хинди, арабский, бенгальский, португальский, русский, японский и немецкий). И пока он один из шести официальных языков Организации Объединенных Наций наряду с английским, арабским, испанским, китайским и французским. Но российские специалисты бьют тревогу: по их мнению, в ближайшие десять лет число говорящих на русском языке в мире может сократиться вдвое. Такая неприятная перспектива ожидает нас в том случае, если Россия, во-первых, продолжит мириться с тенденцией к вытеснению русского языка из его привычного ареала распространения и, во-вторых, не будет предпринимать мер для расширения популярности русского языка и русской культуры. Но для того, чтобы эффективно решать эти проблемы, необходимо понять, какая ситуация сложилась в первую очередь на постсоветском пространстве, где в силу объективных обстоятельств русский язык и русская культура доминировали довольно долго.

Именно с этой целью и было предпринято уникальное межстрановое исследование «Русский язык в новых независимых государствах», проведенное фондом «Наследие Евразии» и его партнерами в бывших республиках СССР. Результаты этого труда были представлены в Москве 29 февраля на международной конференции «Русский язык в новых независимых государствах: реалии, возможности, перспективы», организованной фондом «Русский мир» и фондом «Наследие Евразии».

«Наказанный» язык?

«После распада СССР произошло резкое сокращение сферы использования русского языка. Однако ситуация постепенно меняется. В западных странах русистика сегодня переживает настоящий ренессанс, – подчеркнул, открывая конференцию, исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. – Но на территории бывшего СССР ситуация в целом пока обратная: долгое время русский язык здесь выступал в роли «наказанного». Квинт-эссенцией такого отношения к русскому языку стало недавнее высказывание президента Эстонии».

Напомним, в феврале нынешнего года глава прибалтийского государства Томас Хендрик Ильвес, отвечая на вопрос корреспондента ВВС, почему бы президенту Эстонии не говорить на русском языке, на котором общается более четверти населения страны, заявил: «Заговорить по-русски – значит примириться с 50-летней оккупацией». Подобные высказывания не находят понимания не только в России. Так, депутат Европарламента Сара Вагенкнехт заявила в интервью агентству Regnum: «Это замечание показывает масштаб ограниченности взглядов, который вызывает тревогу. Списать со счетов такой язык, как русский, – это смешно. В то время как Евросоюз вводит должность комиссара по делам многоязычия и постоянно призывает к изучению языков как инструмента лучшего понимания, Ильвес делает совершенно противоположное, когда открыто выступает против изучения русского языка».

Однако сам факт, что такие заявления исходят от первых лиц некоторых государств, красноречиво свидетельствует о том, насколько снизилась

■ Самый неутешительный вывод исследования: сегодня русский язык – язык «уходящий»

■ Людмила Вербицкая: «Мы сделаем все для того, чтобы интерес к русскому языку возрождался. И мы понимаем, для этого нужна большая и напряженная работа»

роль русского языка на постсоветском пространстве. «Говорить о возвращении популярности русского языка в новых независимых государствах пока не приходится», – признал Вячеслав Никонов.

Преобразование бывших республик СССР в независимые государства не было безболезненным процессом. И на определенном его этапе нацио-

нальные языки по вполне объяснимым причинам приобретали в новых государствах характер символов национального объединения и возрождения. Во многих бывших республиках «ограничение прав» русского языка фактически воспринималось как ограничение влияния России, которая считается наследницей советской империи.

«Необходимо внимательно изучать ситуацию, чтобы понять, как мы можем помочь процессам развития и распространения русского языка в разных странах», – отметил Вячеслав Никонов, еще раз обратив внимание на актуальность проведенного исследования.

По мнению председателя попечительского совета фонда «Русский мир», президента Санкт-Петербургского госуниверситета, главы МАПРЯЛ Людмилы Вербицкой, изучение результатов исследования «Русский язык в новых независимых государствах» может оказать неоценимую помощь в определении эффективных способов возрождения интереса к русскому языку в новых независимых государствах. Но при этом Людмила Вербицкая подчеркнула, что не стоит забывать и о том, что без повышения уровня изучения русского языка в самой России эту проблему не решить. «Мы понимаем, решать эти проблемы нужно русистам. Мы сделаем все для того, чтобы интерес к русскому языку возрождался. И мы понимаем, для этого нужна большая и напряженная работа», – отметила председатель попечительского совета фонда. Людмила Вербицкая сообщила, что филологи СПбГУ уже подготовили единую линейку учебников по русскому языку для всех классов школы (до последнего времени ее не было), которая облегчит процесс подготовки учебников для преподавания русского языка в других странах.

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА РУССКОГО ЯЗЫКА (%)

По результатам опроса: «С каким мнением относительно изменения статуса русского языка вы более всего согласны?»

Страна	Повысить или сохранить текущий (высокий) статус	Понизить или сохранить текущий (низкий) статус	Затрудняюсь ответить
Белоруссия	84	8	9
Армения	71	26	5
Киргизия	68	21	11
Таджикистан	45	50	6
Украина	41	43	16
Латвия	34	52	14
Эстония	34	59	7
Казахстан	33	53	13
Молдавия	27	60	14
Литва	15	58	27
Грузия	8	74	18
Азербайджан	7	86	7

Источник: фонд «Наследие Евразии», НП «Евразийский монитор»

Чем сильнее, тем привлекательнее

«Отношение к русскому языку в новых независимых государствах, скорее, является отношением к российской политике и к самой России», – отметила президент фонда «Наследие Евразии» Елена Яценко, представляя исследование «Русский язык в новых независимых государствах». Иными словами, русский язык в бывших республиках СССР вынужден существовать в зоне политического и экономического напряжения. Однако при этом, по словам Елены Яценко, русский язык по-прежнему наиболее востребован как средство общения с русскоязычными согражданами, как язык международного общения, как средство передачи опыта и квалификации.

Елена Яценко считает, по результатам исследования бывшие советские республики можно условно разделить на три группы. К первой можно отнести Украину, Белоруссию и Казахстан, где положение русского языка пока не вызывает опасений. Во вторую группу стран было предложено включить Литву, Латвию, Эстонию, Азербайджан и Грузию, в них, по мнению исследователей, положение русского языка близко к критическому. И наконец, третья группа стран – это Армения, Таджикистан, Киргизия и Молдавия, в которых русский язык находится в непростом положении, однако налицо стремление значительной части населения этих государств улучшить уровень владения им.

Самый неутешительный вывод исследования: сегодня русский язык – язык «уходящий». «Если мы не будем предпринимать никаких мер, то русский язык постепенно будет вытесняться», – уверена Елена Яценко. По ее мнению, необходимо превратить русский язык в «язык будущего», активно преподносить его как язык партнерства и

культуры, стимулировать интерес к российскому образованию в среде молодежи бывших республик СССР.

На конференции также были представлены результаты опроса общественного мнения «Положение русского языка в странах СНГ и Балтии», проведенного в 12 новых независимых государствах (за исключением Узбекистана и Туркмении) международным агентством «Евразийский монитор». Директор агентства Игорь Задорин подчеркнул, что рост интереса к изучению и использованию русского языка в бывших советских республиках в перспективе будет определяться ассоциацией России не с СССР, а с экономическим развитием и стабильностью ситуации в нашей стране. Того же мнения придерживается и участвовавшая в конференции глава «Росзарубежцентра» Элеонора Митрофанова. По ее словам, «чем более привлекательной будет Россия для капиталов и рабочей силы, тем больше людей за ее пределами станут изучать русский язык».

Палитра мнений

Особый интерес участников конференции вызвали выступления представителей партнеров «Евразийского монитора» в бывших республиках СССР, также принимавших участие в исследовании «Русский язык в новых независимых государствах».

Президент украинской независимой исследовательской и бренд-консалтинговой компании R&B Group Евгений Копатько считает, что в реальности положение русского языка на Украине неуклонно ухудшается. Данные, которые он привел в подтверждение своих слов, действительно впечатляют. Количество русскоязычных школ в стране резко сократилось: если в 1999 году их насчитывалось 4633, то в 2008-м – 1305. Из 129 русских школ в

САМООЦЕНКА УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ (%)

По результатам опроса: «Насколько свободно вы лично владеете русским языком?»

Страна	Свободно говорю, пишу и читаю на русском языке	Свободно говорю и читаю, но пишу с ошибками	В принципе, смогу объясниться с людьми, говорящими по-русски	Понимаю язык, но сам не говорю	Не знаю русский язык
Белоруссия	78	18	3	1	–
Украина	70	13	10	5	2
Казахстан	67	17	12	3	1
Латвия	59	20	15	3	3
Молдавия	51	19	20	5	4
Эстония	39	17	26	10	7
Киргизия	38	16	23	13	8
Таджикистан	35	20	20	17	8
Армения	33	17	19	20	11
Грузия	30	19	26	12	13
Азербайджан	28	14	20	15	23
Литва	24	25	29	14	7

Источник: фонд «Наследие Евразии», НП «Евразийский монитор»

Киеве сегодня действует всего лишь 6. При этом лишь 41% опрошенных компанией граждан выступают за придание русскому языку статуса второго государственного, а треть вообще считает, что русская и украинская культуры – это конкурирующие культуры. Евгений Копатько подчеркнул: многие на Украине считают, что знают русский язык, но вопрос заключается в том, насколько грамотно они могут на нем писать и говорить. О проблеме грамотности говорил и директор белорусской Лаборатории «НО-ВАК», доктор социологии Андрей Вардомацкий. По мнению представителей Украины и Белоруссии, разрушить барьеры между братскими народами можно с помощью аккуратного и постепенного формирования взаимного уважения к культурам трех стран и общему историческому наследию.

А вот представитель казахстанского Центра социально-политических исследований «Стратегия» Гульмира Илеулова не видит оснований для утверждений, что в Казахстане наблюдается сужение русскоязычной среды. Гульмира Илеулова призвала не политизировать и не драматизировать ситуацию, обратив внимание участников конференции на позицию в отношении русского языка, которую занимает президент этой страны: Нурсултан Назарбаев называет русский язык неотъемлемым фактором конкурентоспособности Казахстана.

Председатель Института социальных исследований и анализа, профессор Тбилисского госуниверситета Иаго Качакишвили отметил, что 55% населения Грузии уверены, что свободно владеют русским языком. 49% опрошенных не против расширения преподавания русского языка в школах, но при этом 45% расценили бы поддержку Россией

развития русского языка в Грузии вмешательством во внутренние дела страны.

Наиболее явная тенденция к снижению интереса к русскому языку и вытеснению его из повседневного общения наблюдается в Прибалтике, а потому выступления представителей Латвии, Литвы и Эстонии вызвали немалый интерес. Так, заместитель директора Baltic Surveys Ltd Ромуалдас Мачунас отметил, что по численности русское население занимает сегодня лишь второе место в Литве, уступая польской общине. Подавляющее большинство желающих улучшить знание русского языка – представители русской молодежи Литвы. Показательно, что 18% русских граждан страны в быту уже говорят на литовском языке. Представительница Латвии Ева Строре особо подчеркнула: граждане ее страны, строя карьерные планы, в основном ориентируются на страны Евросоюза, что автоматически снижает интерес к изучению русского языка. А директор Центра информации по правам человека (Эстония) Алексей Семенов считает, что на положение русского языка в стране сильное влияние оказывают политические факторы. Русский язык в Эстонии является иностранным, получить высшее образование на нем практически невозможно, количество русскоязычных школ сокращается.

Заместитель директора таджикского Центра социально-политических исследований «Коршинос» Хайретдин Идиев сообщил, что интерес к изучению русского языка в Таджикистане поддерживается на высоком уровне благодаря двум факторам: трудовой миграции и ориентации образовательной системы на Россию. Немаловажно отметить в этой связи, что недавно в Таджикистане были организо-

ОЦЕНКА ДОЛИ НАСЕЛЕНИЯ, СВОБОДНО ВЛАДЕЮЩЕГО РУССКИМ ЯЗЫКОМ (%)

Страна	Доля взрослого населения, свободно владеющего русским языком	Оценка доли населения моложе 18 лет, которое свободно владеет русским языком	Доля населения моложе 18 лет*	Оценка доли населения, свободно владеющего русским языком
Белоруссия	78	73	18	77
Украина	70	41	16	65
Казахстан	67	51	26	63
Латвия	59	35	18	55
Молдавия	51	45	19	50
Киргизия	38	39	31	38
Эстония	39	23	23	30
Армения	33	19	23	30
Таджикистан	35	18	40	28
Грузия	30	17	24	27
Азербайджан	28	23	26	26
Литва	24	6	21	20

* Оценочные данные на 2006 год. Использовались оценки доли населения моложе 18 лет, поскольку в наличии имелись сопоставимые данные по доле населения моложе 15 лет («Статистика СНГ», № 24 2006).

Источник: фонд «Наследие Евразии», НП «Евразийский монитор»

ваны специальные курсы русского языка для желающих найти работу в России.

Бывший первый заместитель министра образования Киргизии Гайша Ибрагимова считает, что в ее стране положение русского языка ухудшается. Однако Ибрагимова подчеркнула, что правительство Киргизии весьма заинтересовано в переломе этой тенденции, и выдвинула предложение о создании в стране лингвистических ресурсных центров русского и киргизского языков. В ответ Вячеслав Никонов сообщил, что фонд «Русский мир» уже подписал соглашения об открытии центров русского языка в университетах Бишкека, Оши и Канта. Он также добавил, что аналогичный центр в ближайшее время будет создан и в Кишиневе.

Многие участники конференции особо указывали на то, что в постсоветских государствах русский язык усваивается в первую очередь через телевидение и образчики поп-культуры, что чаще только вредит его престижу. Говорилось и о том, что одним из факторов расширения сферы русского языка могла бы стать зона Рунета. Если бы не одно «но». Язык в Интернете зачастую далек от русского литературного, пользователи Сети в большинстве своем не блещут грамотностью, не говоря уже о сознательном искажении «великого и могучего», переродившегося в Рунете в так называемый «олбанский язык». Высказывались предложения об активизации и расширении академических контактов между странами СНГ, а многие участники конференции упоминали о необходимости издания словарей.

Итог международной конференции подвел исполнительный директор фонда «Русский мир»

■ Вячеслав Никонов: «Необходимо внимательно изучать ситуацию, чтобы понять, как мы можем помочь процессам развития и распространения русского языка в разных странах»

Вячеслав Никонов, который подчеркнул, что и исследование, и выступления участников являются ценным материалом, который безусловно будет использован в работе фонда. ■

ПРИЧИНЫ НЕЖЕЛАНИЯ ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК (% ОТ НЕЖЕЛАЮЩИХ ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК)

Результаты опроса: «Почему вы не желаете изучать русский язык (повышать уровень владения русским языком)?»

Страна	Считаю свой уровень владения русским языком достаточным	Не вижу необходимости в изучении русского языка	Русский язык слишком сложен для изучения	Другое	Затрудняюсь ответить
Белоруссия	93	5	1	1	1
Казахстан	84	12	2	1	1
Латвия	80	15	1	3	1
Украина	78	17	1	1	3
Эстония	72	23	1	3	1
Грузия	71	19	4	5	1
Таджикистан	68	11	8	8	5
Армения	68	12	1	15	4
Киргизия	66	24	3	6	1
Литва	63	26	5	1	5
Азербайджан	57	34	5	4	1
Молдавия	56	23	20	—	—

Источник: фонд «Наследие Евразии», НП «Евразийский монитор»

МЕТАМОРФОЗЫ

АБРАКАДАБРА

«Нелепица, абракадабра какая-то», – говорим мы, когда сталкиваемся с чем-то, что, на наш взгляд, не имеет никакого смысла. На самом же деле слово «абракадабра» очень древнее, причем настолько, что сегодня специалисты не могут определить, как и откуда оно произошло. Самые распространенные версии сводятся к тому, что слово имеет либо персидские, либо египетские корни. Некоторые исследователи производят его от имени языческого бога Абраксаса – мифического существа с головой петуха и змеиными хвостами вместо ног, есть версии и о том, что это одно из имен персидского Митры. Другие утверждают, что слово «абракадабра» являлось искажением очень древней египетской магической формулы «Не тронь меня». Ряд исследователей возводят абракадабру к халдейскому заклинанию «Сгинь, как слово» или к древнееврейскому Abreg as Habra – «Мечи молнию даже в смерть».

В древности и даже в Средние века слово «абракадабра» считалось сильным мистическим заклинанием, которое писали на амулетах (кстати, в Средние века чернокнижники считали абракадабру формулой для вызывания духов ада). Причем изображалось оно весьма затейливо: слово выписывали столбиком на дощечке или лоскутке ткани одиннадцать раз, уменьшая его последовательно на одну букву. В итоге получался магический треугольник, на перевернутой вершине которого оставалась всего одна буква – А. Существовал еще один способ написания – в виде четырехугольника. Такие амулеты считались очень сильными и использовались для лечения лихорадки и других болезней. Упоминание о таком методе оказания врачебной помощи впервые было зафиксировано в медицинском трактате III века Серения Саммоника, жившего при римском императоре Септимии Севере.

КАТОРГА

Кара, строгое наказание по закону, подразумевающее лишение прав состояния и ссылку на тяжелые работы под строгим надзором.

Само слово произошло от греческого *katerga*, что, в свою очередь, является множественным числом от *katergon* – «галера». Соответственно, каторгой в Средние века именовали ссылку осужденных на галеры, где их приковывали цепями к скамьям в трюмах. Уже в XVI–XVII веках в Европе каторгой стали также называть ис-

EAST-NEWS / AKG

пользование заключенных на самых тяжелых работах в тюрьмах, на строительстве крепостей, на приисках и т.д. Европейцы же ввели обычай клеймить каторжан и заковывать их в цепи.

В России каторга (слово так же, как и в Европе, было заимствовано из греческого языка) появилась после того, как в конце XVII века царским указом смертная казнь за ряд преступлений была заменена ссылкой на тяжелые работы.

Интересно отметить, что долгое время должность палача называлась не иначе как «кат», что являлось сокращением от «каторги». А вот само слово «палач» обычно возводят к тюркскому *pala* – «меч, кинжал».

САРАЦИН

Сарацинами, как известно, в средневековой Европе называли всех без исключения мусульман независимо от национальной принадлежности. В русский язык слово «сарацин» пришло из византийских и европейских летописей и тоже означало «мусульманин, араб». Причем нередко использовалась форма «сорочинь», и, к примеру, рис на Руси довольно долго назывался сорочинским или сарацинским пшеном.

Почему всех мусульман стали называть сарацинами? Как ни странно, из-за небольшой путаницы, возникшей до начала Первого крестового похода.

Еще в IV веке саракенами (лат. *Saraceni*) древнеримские историки именовали разбойничье племя бедуинов, кочевавшее вдоль границ Сирии (напомним, жители Аравийского полуострова называли себя «шаркиин» – «сыны Востока», отсюда и *saraceni*). Правопреемники Римской империи –

византийские императоры – спустя несколько столетий тем же словом называли штурмовавших границы Византии арабов.

В IX веке Византийская империя подверглась нашествию турков-сельджуков, и император Алексей Комнин направил римскому папе Урбану II письмо с просьбой о помощи. Оно стало поводом для созыва 18 ноября 1095 года знаменитого Клермонского собора, на котором и было объявлено об организации Первого крестового похода. Слово «саракены», которым в письме назывались турки-сельджуки, было переименовано в латинское *saraceni* и ошибочно истолковано как наименование всех последователей ислама. В дальнейшем именно так назывались все мусульмане, с которыми сражались европейские рыцари, – египтяне, персы, арабы, турки. Правда, и противники крестоносцев не особо мудрствовали: поскольку в войсках Первого крестового похода преобладали французские рыцари, то мусульмане называли своих врагов, как правило, «франками» или «франджками».

Этимологический словарь русского языка
М. Фасмера

Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля

Энциклопедия символов, знаков, эмблем

Словарь редких и забытых слов В. Сомова

Библейская энциклопедия

Малый энциклопедический словарь

Брокгауза и Ефрона

Большая советская энциклопедия

Энциклопедия «Религия»

Толковый словарь русского языка под ред.

Д. Ушакова

Литературная энциклопедия

Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции:

Очерки нумизматики

Робинсон Д.Д. Рожденные в крови.

Утраченные секреты масонства

«Эзотеризм». Энциклопедия

Библейская энциклопедия